

INSPIRIA

Грида
ШИБЕК

Секрет
книжного
шкафа

 INSPIRIA

Annotation

ИСТОРИИ ФРИДЫ ШИБЕК РАСПРОДАЮТСЯ ТИРАЖАМИ В 200 ТЫСЯЧ ПО ВСЕМУ МИРУ!

В старом книжном шкафу в полуразрушенном коттедже своей бабушки Ребекка находит дневник и стопку писем из 1940-х годов. Вскоре становится ясно, что история ее семьи гораздо сложнее, чем думала Ребекка. Она сбежала из дома и долгие годы не видела даже свою маму. Теперь же ей предстоит узнать, что за темные тайны скрывала все эти годы ее любимая бабушка Анна?

В письмах и дневнике оживает история времен Второй мировой войны. Юная Анна влюблена в Луку и готова рискнуть всем, когда он просит ее помочь переправить евреев через пролив, не подозревая, что это вмешательство навсегда изменит их жизни.

Ребекка понимает, что не только ей одной необходимо примириться со своим прошлым. Но достаточно ли времени прошло для того, чтобы семья смогла найти путь друг к другу?

Пронзительная и полная надежды история о том, как пережить трагедию и пронести свою любовь сквозь десятилетия. От Фриды Шибек, одной из самых знаковых писательниц Швеции.

«Восхитительно насыщенная история со всеми ингредиентами, нужными для отличного настроения!» – Expressen Söndag

«Фрида Шибек – мастерица любовных романов в историческом сеттинге». – Vokfiii

«"Секрет книжного шкафа" – это напряженная, насыщенная событиями и теплая история о любви, судьбе и мужестве. Две параллельные истории искусно переплетаются между собой и образуют хороший роман с замечательной атмосферой». – ВТJ

«Это одновременно сильный и до тонкостей выверенный роман. История прошлого не может не волновать...» – Voksann

-
- [Фрида Шибек](#)
 - [Пролог](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)

- [Глава 38](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

Фрида Шибек

Секрет книжного шкафа

*Посвящается бабушке Керстин и всем
отважным людям, рисковавшим своей жизнью,
помогая беженцам перебраться через Эресунн
осенью 1943 года*

Frida Skybäck

Bokskapets hemlighet

© Frida Skybäck 2021, be agreement with Andrew Nurnberg on behalf
of Enberg Literary Agency AB

Перевод с шведского *Екатерины Крестовской*

В оформлении переплета использованы фотографии:

© Spaskov, sirtravelalot, Maya Kruchankova, Irina Grabovaya / Shutterstock.com;

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Ekaterina Mikheeva, Irina Grabovaya / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

INSPIRIA

© Крестовская Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Ноябрь 1943 года

Анна смотрит в зеркало и с трудом узнает свое побледневшее лицо. В последнее время кусок в горло не лезет. Кожа стала серой, глаза запали, волосы потеряли блеск.

Стоя за ее спиной, мама прикрепляет фату. Каждая новая шпилька, которая втыкается в прическу, проходит сквозь волосы, отзываясь уколом в голову. Анна изучающе смотрит на мать, пока та сосредоточенно поправляет тонкую, невесомую ткань. В материнских глазах сквозит серьезность, вокруг плотно сжатых губ прорезались морщины.

Белое платье мерцает в свете лампы, взгляд Анны скользит по ниспадающей волнами ткани. «Как можно проще», – просила она портниху. «Но чтобы подобало достойной свадьбе», – добавляла мать. *Достойная свадьба*. Анна чувствует, как подступает паника. Как она поднимается в груди и не дает дышать. Осторожно касаясь изнанки, девушка пытается ослабить кружевной воротник, плотно сдавивший шею.

– Не знаю, смогу ли я, – бормочет она.

– Теперь держится, – замечает довольная мать, отставляя в сторону коробку со шпильками.

Анна хочет кивнуть в ответ, но ничего не получается. Все пережитое за последние недели внезапно охватывает ее. Девушка всхлипывает и оказывается в материнских объятиях.

– Ну, не надо, – успокаивает ее мать, неловко поглаживая по спине. – Все будет хорошо.

Материнский голос звучит мягко, но в нем угадывается нечто иное, отголосок какого-то раздражения. Он хорошо знаком Анне, и она боится, как бы маминому терпению внезапно не пришел конец. Бушующие внутри чувства необходимо унять, показывать их нельзя.

– Нервничать перед свадьбой – это нормально, – продолжает мать со слабой улыбкой на лице. – Я в день свадьбы была в полубморочном состоянии. Все беспокоилась, вдруг что-то пойдет не так: флорист неудачно подберет цветы, еды на всех не хватит или священник собьется. Но все обошлось.

Мать опускает глаза, и повисает молчание. Они стоят так близко, что с легкостью могут дотронуться друг до друга, и в то же время их разделяет необъятная пропасть. Дочь с матерью никогда не могли найти общий язык, если речь шла о серьезном.

– Пойду проверю, как идет подготовка, – говорит в конце концов мать, кивая в сторону двери. Анна прикусывает губу. Ей не хочется оставаться одной, она боится своих мыслей, но и остановить мать не может.

Девушка медленно подходит к окну, откуда открывается великолепный вид на серо-голубое море и дюны, ветер треплет прибрежную траву. Роскошная вилла всего в двух километрах от Хиллсгордена. Что может быть лучше? Так говорила мама, очарованная местом, когда они попали сюда впервые. Мысль о том, что Анна будет теперь здесь жить, что это – ее дом, ошеломляет, девушка с трудом может поверить в происходящее.

Приложив руку к стеклу, она чувствует, как холодок пробегает по коже. Ей представлялось, что, если только удастся дожить до этого момента, все наладится. Но, прислушавшись к себе, Анна понимает: душа по-прежнему сопротивляется.

Она осматривается вокруг: спальня отделана в синих и белых тонах, кровать застелена вязаным покрывалом, на комод кто-то поставил вазу с цветами. Очень красиво. Жаловаться не на что, и все равно ощущается отторжение. В потаенных уголках души еще теплится надежда на чудо.

Тяжело дыша, Анна закрывает глаза и слышит материнский голос. *Не будь эгоисткой. Подумай о нас, твои решения нас тоже коснутся.*

Девушка сглатывает от волнения. Так много вопросов, на которые необходимо найти ответы. Она будто в эпицентре бури. Откуда ей знать, что правильно, а что – нет?

Выглянув в окно, Анна рассматривает вечнозеленые кусты, высаженные в саду вдоль стены, где-то в отдалении слышен едва уловимый шум прибрежных волн. Как бы ни было тяжело горе, которое она несет в себе, вида подавать нельзя. Окружающая действительность сжимается, не оставляя поля для маневра. Наступает осознание неизбежности происходящего, Анна глубоко вздыхает. Теперь ей ясно, что другого пути нет.

Осторожно отодвинув щеколды, она открывает окно. Холодный ноябрьский ветер, ворвавшись в комнату, треплет прическу, но девушка не обращает на это никакого внимания. Ей нужно услышать море, нужно вдохнуть его соленый запах.

– Прости, – шепчет она, чувствуя, как сердце пронзает боль. – Прости меня, любимый!

Глава 1

Апрель 2007 года

Ребекка в последний раз обходит просторную угловую квартиру, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Лучи утреннего солнца будто прожектором освещают мягкий бархатистый ковер, журнальный столик из стекла и металла сверкает на свету.

Йуар стоит, прислонившись к кухонной столешнице, с чашкой утреннего эспрессо в руках. На нем темно-серый итальянский костюм, сшитый на заказ, пиджак подчеркивает широкие плечи. Выглядит он, как обычно, одновременно стильно и строго, производя тем самым впечатление человека, которому все в этой жизни удалось, но он этим не кичится.

– Я по-прежнему считаю, что уезжать в такой момент – не лучшая идея. Тебе следовало бы остаться и показать руководителю, что он совершил ошибку. Твой отпуск сейчас – неправильное решение.

– Так ведь бабушка попала в больницу.

– Знаю, но медсестра же сказала тебе, что ее жизни ничего не угрожает. И потом, твоя мать могла бы присмотреть за ней, по крайней мере до выходных.

Ребекка качает головой:

– Я должна поехать. Ты же знаешь, что я сто лет не была дома.

– Ладно, поступай, как знаешь. Но если ты сразу не выскажешь свое мнение, потом их будет очень трудно переубедить.

– Знаю, – бормочет она в ответ.

Йуар потягивается:

– Ты ведь не обиделась, что я остаюсь?

– Да нет, ничего страшного. У тебя же процесс.

Облегченно вздохнув, он смотрит в зеркало в прихожей и поправляет жесткий воротник рубашки.

– Это самое серьезное дело в моей практике, – соглашается Йуар. – Но если что-нибудь случится – звони.

Ребекка кивает в ответ. Она, конечно, знала, что Йуар не сможет так внезапно взять отпуск, но все равно почувствовала укол разочарования. Он только раз ездил с ней домой в Хельсингборг, и тогда ему пришлось внезапно прервать поездку из-за кризиса на работе.

Ребекка крутит на пальце кольцо, подаренное при помолвке. Она бы не отказалась, чтобы Йуар был рядом и поддержал ее, но понимала, что жизнь, которую они выбрали, этого не позволяет. Они оба много сделали для карьеры, и жених не может бросить все ради нее.

Стальная серая ручка дорожной сумки складывается со щелчком. Пора в путь, но Ребекка почему-то медлит. Когда Йуар, поставив чашку, направляется в ее сторону, ей хочется, чтобы он ее обнял на прощание. Но он лишь легонько целует ее в лоб:

– Значит, через пару дней увидимся?

– Да, – отвечает она.

На вокзале полно народа, Ребекке приходится продвигаться к поезду, лавируя по перрону. Она так сосредоточена на своих мыслях, что, хоть и слышит людскую речь, слова не воспринимает. Когда к ней обращается рослый кондуктор в тесном жилете, Ребекка молча кивает и протягивает билет. Так и не поняв, что было сказано, девушка провожает его взглядом, пока он проходит по вагону. Поезд трогается и скользит сквозь город. Двигается вперед, рисуя замысловатый узор, и кондуктор раскачивается на поворотах, как дерево на ветру, хватаясь за спинки кресел, чтобы не упасть.

Только когда поезд выезжает за пределы Стокгольма, Ребекка может наконец расслабиться. Она прислоняется к оконному стеклу. Полночи сегодня промучилась бессонницей, ворочаясь на смятой простыне. В четыре утра встала, пошла на кухню и налила себе чашку чая. Сидела, окруженная темной бездной одиночества, и вглядывалась в немногочисленные окна, в которых горел свет.

Ребекке никак не выбросить из головы вчерашний разговор. Много лет она мечтала о должности старшего менеджера. Представляла себе эту карьерную перспективу каждый раз, когда приходила в офис рано утром или засиживалась допоздна. В очередной раз отказываясь из-за работы от вечеринки, поездки или ужина в приятной компании, Ребекка думала, что ее жертвы не пройдут даром и в один прекрасный день она станет самым молодым старшим менеджером в истории компании «Хеннинг и Шустер». Биргитта, стоящая во главе подразделения, обещала ей эту должность, так почему же назначили Маркуса?

Йуар полагает, что стоит попытаться оспорить это назначение, но Ребекка знает, что толка не будет. Генеральный директор ни за что не

изменит своего решения. С тех пор как она указала на сильно завышенную, с ее точки зрения, стоимость нематериальных активов одного из крупнейших корпоративных клиентов их компании, Буман относится к Ребекке с подозрением. Ребекка имела в виду, что клиенту следовало бы провести амортизацию, но Буман предпочел не поднимать этот вопрос. Оглядываясь назад, она понимает, что ее комментарий выглядел как прямая критика руководства.

Состав набрал скорость и привычно постукивает по рельсам, Ребекка ритмично покачивается в кресле. Через проход сидят две женщины друг напротив друга. Одна – на вид ее ровесница – скорее всего, приходится дочерью второй; склонившись над столиком, дамы ведут доверительную беседу и смеются.

Ребекка вспоминает Камиллу – свою мать, с которой не виделась со времени последней поездки в Сконе^[1]. Вот уже четыре года, как они общаются исключительно по телефону. Короткие, поверхностные разговоры перед Рождеством или в очередной день рождения. И каждый разговор – тяжелый. Будто разговаривать им абсолютно не о чем, или они говорят на разных языках. Беседа получается натянутой и немногословной, лишней раз подчеркивая, как глубока разделяющая их пропасть.

Бордовый лак начинает скалываться, и Ребекка нервно сдирает его с ногтей. Надо ли было позвонить матери и рассказать о случившемся? Хотя, скорее всего, она и сама знает. Ей, наверное, тоже позвонили из социальной службы. Они, скорее всего, увидятся в больнице. Ведь не может же мама не навестить бабушку сейчас, когда ее госпитализировали?

На самом деле Ребекка привыкла регулярно общаться с бабушкой по телефону, но последние несколько недель не звонила, потому что ушла с головой в составление бизнес-плана крупного ИТ-проекта, и теперь мучается угрызениями совести. Бабушка всегда была опорой, Ребекка могла рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Конечно, надо было найти время и позвонить.

Пейзажи за окном быстро сменяют друг друга. Луга, озера, заводские поселки и хутора проносятся мимо в оконной раме, будто картины. Достав телефон, Ребекка колеблется. Вчера медсестра рассказала, что бабушке прооперировали руку после перелома и она приходит в себя после наркоза. Голос медсестры звучал так нервно, что

Ребекке не хотелось снова звонить и лишний раз беспокоить ее. Полагая, что бабушка все равно будет слишком слаба, чтобы общаться по телефону, она попросила медсестру передать, что скоро будет, но сейчас передумала. Очень хочется услышать вселяющий уверенность бабушкин голос, просто необходимо. Ребекка набирает номер, и в трубке раздаются короткие гудки.

Приблизительно пять часов спустя девушка прибывает на Центральный пересадочный узел в Хельсингборге. Она поднимается на первый этаж и оказывается в центре станции, где все вокруг находится в движении. С тех пор как Ребекка была здесь в последний раз, ничего не изменилось. Эскалатор с завидным постоянством движется вверх к паромному терминалу, по сторонам стоят все те же киоски с ярким вывесками и стойки со сладостями на развес, а сквозь большие стеклянные секции стен просвечивает порт.

Ребекка поднимается вверх по крутому взморью и идет к бетонной громадине лазарета, потом ориентируется по указателям, чтобы найти ортопедическое отделение. Перед красными дверьми тускло поблескивает выложенный светлой плиткой пол, стены выкрашены в пастельные тона, у входа стоит корзина с голубыми бахилами.

Дрожь пробегает по телу. Ребекка ненавидит больницы. Ее начинает тошнить уже от одной мысли о необходимости войти, но в конце концов она заставляет себя переступить через порог.

В холле стоит аквариум с тропическими рыбками, снующими между водорослями и маленьким глиняным замком. После недолгого ожидания появляется медсестра с грубоватым лицом и предлагает проводить Ребекку к бабушке. Она тяжело шагает по коридору, сабо из белого пластика раздражающе скрипят под ее ногами.

Лежащая в постели бабушка кажется еще более хрупкой, чем Ребекка запомнила ее с последней встречи. На исхудалом лице под бледной кожей просвечивают сосуды. Внучка на мгновение замирает. Она не привыкла видеть бабушку в состоянии покоя. Анна всегда на ногах: то варенье варит, то большую готовку затеяла, то в саду возится. И обычно она выглядит ухоженной. Даже ранним утром ее седые волосы всегда изящно уложены, платье выглажено, губы накрашены. Похожая на тень фигура, лежащая на казенной простыне, кажется ей чужой.

– К вам посетитель, – громко говорит медсестра, и бабушка устало моргает.

– Что вы говорите? – бормочет она.

Легонько похлопав бабушку по плечу, сестра кивает в сторону Ребекки:

– К вам пришли.

Анна так рассеянно крутит головой, что внучка не уверена, узнает ли она ее.

– Привет, бабушка!

– Ребекка?

– Да, это я. Как ты себя чувствуешь? – спрашивает внучка, медленно подходя к постели.

Бабушка с немым вопросом смотрит на медсестру.

– Она спрашивает, как ваше здоровье, – четко проговаривает та каждое слово.

– Я сломала руку.

– Как неудачно, бедная моя! – говорит Ребекка как можно громче. –

Больно?

Бабушка кивает в ответ:

– На чем приехала?

– На поезде.

– В такую даль, из Стокгольма?

– Я услышала, что ты упала, и сразу примчалась.

– А я так ужасно выгляжу, – сетует бабушка, ощупывая здоровой рукой растрепавшиеся пряди.

– Ничего подобного. Ты очень красива.

Медсестра, покашливая, многозначительно смотрит на Ребекку:

– У вас еще пара минут. Потом ей нужен отдых.

– Да, конечно, спасибо.

Как только сестра исчезает в коридоре, Ребекка достает из сумки белую коробку.

– Я кое-что тебе привезла. Это венская нуга.

Взяв коробку конфет, бабушка слабо улыбается.

– Мои любимые. Спасибо! – говорит она.

– Мне нельзя долго у тебя оставаться, но я могу прийти завтра, – продолжает внучка. – Тебе ничего не надо привезти из дома?

Бабушка устало смотрит на нее. Ребекке не верится, что со времени их последней встречи она могла так сильно постареть. Конечно, во время разговоров по телефону Анна иногда казалась ей немного рассеянной, но Ребекка даже представить себе не могла, что она так ослабнет. Щеки впали, кожа вокруг глаз обвисла. Лежащая в постели женщина совсем не похожа на ее энергичную, полную жизни бабушку.

– Не думаю, – пробормотала в ответ старушка.

– Уверена? Я могу съездить к тебе домой, если нужно что-нибудь из одежды или гигиенических принадлежностей. И в магазин тоже могу сходить. Фрукты купить и хорошую книжку или газету с кроссвордами.

Кажется, Анна собирается с силами, и, когда поднимает глаза, взгляд обретает остроту.

– Ты можешь присмотреть за моим домом?

– Да, естественно. Что надо сделать?

Бабушка тянется за сумочкой, и Ребекка замечает закрепленный на тыльной стороне ладони катетер.

– Цветы сможешь поливать? – спрашивает старушка, протягивая ей связку ключей.

– Конечно.

Бабушка косится на дверь и жестом приглашает Ребекку подойти ближе.

– Они пытаются отнять его у меня.

– Что отнять?

– Дом, – громко шепчет бабушка, и кажется, будто каждое слово дается ей с трудом. – Ты должна стеречь его до моего возвращения.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь пытался забрать у тебя дом.

– Они не смогут этого сделать, если ты будешь там жить, – продолжает бабушка, будто не расслышав ее.

Ребекка думает, что она не совсем в себе после операции, и кивает в знак согласия.

– Не беспокойся, я позабочусь о доме.

Честно говоря, Ребекка планировала остаться тут не дольше чем на пару ночей и уже забронировала номер в отеле у подножья холма с крепостью Кярнан, но, конечно же, она поживет в бабушкином доме, если ей так будет спокойнее.

Когда в палату возвращается бесцеремонная медсестра, бабушка прикладывает палец к губам, будто сказала что-то секретное.

– Как вы себя чувствуете? – отрывисто спрашивает грубоватая женщина.

Бабушка закрывает глаза, тонкие веки мелко подрагивают.

– Я устала.

– Ей необходимо отдохнуть, – подводит итог сестра.

Ребекка гладит бабушку по щеке.

– Ладно, тогда я пойду, – говорит она. – До завтра.

Кивнув на прощание, Ребекка кладет в карман бабушкину связку ключей и выходит в коридор. В регистратуре она уточняет, сколько еще времени бабушку продержат в больнице. Сидящая за стойкой медсестра отвечает, что бабушка сможет отправиться домой, как только окрепнет, и что обычно на это уходит около недели.

Это дольше, чем Ребекка рассчитывала находиться в Хельсингборге, но, если она нужна бабушке, вопрос можно уладить. У нее накопилось много неиспользованных отпускных дней; близкая подруга и коллега Нелли обещала взять на себя ее клиентов, если они вдруг обратятся за помощью, а ИТ-проект сдан на согласование, так что она в любом случае не сможет с ним работать, пока материалы не вернут назад. К тому же приятно будет до отъезда в Стокгольм убедиться, что бабушка пришла в норму и вернулась домой, а с учетом нынешней обстановки на работе Ребекке трудно себе представить, чтобы Биргитта возражала против небольшого продления отпуска.

Глава 2

Бабушкин дом расположен к югу от Хельсингборга, на холме, окруженном плакучими березами. Место называется Бьёркбаккен. На первый взгляд ничего не изменилось, но по мере приближения у Ребекки нарастает беспокойство.

Всегда ухоженный сад совсем одичал. То тут, то там возвышаются кочки пожелтевшей прошлогодней травы, дом окружают торчащие в разные стороны кусты. Ребекка замечает облетевшую черепицу и, подойдя ближе, видит, что на крыше крыльца отошел рубероид и доски под ним покрыты влажными пятнами. Она устало отставляет в сторону дорожную сумку. Как мог дом так обветшать всего за несколько лет?

Ребекка подходит к забору, который из-за отсутствия реек напоминает беззубый рот, и открывает покосившийся почтовый ящик. Крышка издает громкий скрип.

Стерев с пальцев ржавчину, девушка достает содержимое ящика и застывает на ведущей к крыльцу дорожке. А надо ли ей заходить внутрь? Дом выглядит таким ветхим, что создается впечатление, будто он в любой момент обрушится. Значит, поэтому бабушка попросила ее присмотреть за домом? Неужели она надеется, что Ребекка сможет спасти старый дом?

Краска на резных узорчатых наличниках, которыми так гордилась бабушка, облупилась, на одной из встроенных скамеек лежит куча хлама. Ребекка осторожно поднимается на крыльцо, проверяя надежность половиц. Старое дерево стонет под ногами, но вроде бы выдерживает ее вес, Ребекка достает связку ключей, находит хорошо знакомый ключ и вставляет в замок. Дверь распаивается, и в нос ударяет спертый запах сырости.

Сделав глубокий вдох, Ребекка перешагивает через порог. В прихожей, как обычно, под полкой с головными уборами в ряд висят бабушкины пальто и плащи, но пол покрыт газетами. Не снимая обувь, девушка проходит в кухню, где ее встречает беспорядок. Кухонная столешница убрана, но в мойке свалена гора грязной фарфоровой посуды, на разделочной доске лежит полбуханки хлеба, завернутого в пленку, а между оконными рамами протянулась черная полоса издохлых мух.

Сняв с пальца кольцо, Ребекка кладет его в маленькую оловянную чашку, потом, засучив рукава, наполняет раковину теплой водой, добавляет моющее средство и начинает мыть посуду. Освободив раковину, она выбрасывает в мусорное ведро забытые в миске фрукты. Бананы стали коричневыми, а апельсины покрылись пятнами плесени – ясно, что они лежали здесь еще задолго до того, как бабушка попала в больницу.

Стул, на котором Анна обычно сидит за кухонным столом, не задвинут. Кажется, будто она только что за чем-то отошла: на столе перед батареей пузырьков с лекарствами оставлены карандаш, кроссворд и очки для чтения.

В ее нынешнем состоянии бабушка совершенно точно не может жить здесь одна. Почему никто ей об этом не сообщил? Ребекка знает, что она указана в качестве контактного лица, но из социальной службы никто не звонил. Разве не должны они были связаться с ней, заметив, как одряхла бабушка?

Взяв наполовину полный кофейник, девушка выливает содержимое, споласкивает и заваривает свежий кофе. Если от неприятного запаха, царящего в доме, не избавиться, его можно, по крайней мере, перебить кофейным ароматом.

Холодильник почти пуст, не считая полбанки майонеза, горстки сморщенных морковок, засохшего кусочка сыра и бутылки смородинового напитка, а в кладовой лежит пачка макарон, немного хрустящих хлебцев, несколько консервных банок и три запылившиеся бутылки вина с завязанным вокруг горлышек атласными бантиками – подготовленные на подарки. Стоящие в глубине кладовой, они представляют собой печальное зрелище – этаким пережитком прошлого, оставшийся с тех пор, когда бабушку еще приглашали в гости.

На мгновение Ребекка задумалась, не надо ли припрятать бутылки с вином, но потом отвлеклась на другое. Почему у бабушки так мало еды? Раньше ее холодильник едва закрывался от припасов. Хватает ли ей готовой еды, которую доставляет социальная служба? Ребекка вздыхает. Думала, нужно будет только поливать цветы герани, а теперь становится ясно, что бабушке действительно нужна ее помощь. Надо много всего успеть, и, конечно, проще ночевать здесь же. Правда, тогда придется сесть на автобус и вернуться в город за продуктами. И попытаться как-то согреться. В доме чуть ли не холоднее, чем снаружи.

Девушка осматривает камин в гостиной. Перед ним стоит корзина с дровами, Ребекка открывает дверцу камина и кладет пару дровишек поверх сухих сучьев и наполненной газетной бумагой картонки из-под молока – бабушкиного специального изобретения для розжига.

Огню требуется время, чтобы разгореться, и, пока он занимается, Ребекка обходит дом. Пол в гостиной заставлен всякими безделушками и наполовину заполненными коробками. Создается впечатление, будто бабушка проводила ревизию своих вещей и упаковывала их, но вдоль стен все еще возвышаются неразобранные стеллажи с книгами, а посреди комнаты стоит розовый велюровый диван. На нем обычно спала Ребекка, когда навещала бабушку в детстве. Она часто приезжала сюда на выходные. Этот дом был ее убежищем, здесь можно было заниматься всем, чем душе угодно: играть, печь, баловаться и объедаться домашней едой. Времени на нее бабушка никогда не жалела и считала, что Ребекка совсем не мешает. Несколько лет спустя, когда внучке стало плохо на душе и отношения с матерью испортились, она переехала в Бьёркбаккен и поставила себе раскладушку в дальнем углу гостиной.

Маленькая спальня тоже захламлена. На кровати лежит куча одежды, картонные коробки поставлены одна на другую. Похоже, Анна начала собирать вещи и готовиться к переезду. Но если она собирается оставить дом, почему ничего не сказала внучке? Ребекка вспоминает прозвучавшие в больнице слова: дом пытаются отнять. Может быть, работники социальной службы сочли, что время пришло, и предложили бабушке переехать в дом престарелых? И поэтому везде стоят коробки?

Одна из коробок перекрывает проход в спальню, и Ребекка отставляет ее в сторону. Как бы там ни было, кому-то надо навести здесь порядок. Если бабушка хочет вернуться сюда после больницы, пусть возвращается. Дом можно немного подправить и приспособить к ее нынешним потребностям.

Девушка проводит пальцем по краю книжного стеллажа и смотрит на собравшуюся пыль. Она все равно будет здесь в ближайшие несколько дней, так почему бы не потрудиться и не привести дом в порядок? Ребекка всегда умела работать руками, и поставить на место пару облетевших черепиц не составит для нее никакого труда. Да и крышу на крыльце, наверное, не так сложно перекрыть. Раз уж она будет ночевать здесь, надо взять в аренду автомобиль, и тогда можно

будет закупить материалы в строительном супермаркете и съездить пару раз на свалку. Но прежде всего здесь нужна уборка. Дом надо хорошенько отмыть.

В отдалении слышен громкий стук, и Ребекка выглядывает в окно. По соседству – в нескольких сотнях метров от бабушкиного дома – расположен крестьянский хутор; Ребекка вспоминает его владелицу Герду, всегда дружившую с бабушкой. Может, соседке известно больше о том, что происходило в последнее время?

Соседское хозяйство имеет внушительные размеры: основательный дом начала прошлого века с застекленной верандой, новый коровник и старый сарай. Ребекка вспоминает, как ее вместе с бабушкой приглашали в гости к Герде. Запах свежесдобитого хлеба, деревянные, натертые маслом полы, изразцовые печи и просторная кухня с чугунной дровяной плитой, на которую она помогала ставить чайник. Но что-то на хуторе не так. Не хватает прежнего уюта. В окнах не видно цветов и милых безделушек, а те керамические горшки, что стоят еще на широкой лестнице, зияют пустотой.

Со стороны сарая слышен металлический стук.

– Ау! – настороженно зовет Ребекка, но ответа не получает. Она идет на звук и, только зайдя за угол, замечает человека. Мужчина ее возраста стоит у капота огромного трактора и что-то завинчивает. Несмотря на прохладную погоду, он одет в джинсы и грязную белую футболку, обтягивающую спину. Кожа покрыта загаром, под рукавом футболки угадывается татуировка.

– Извините, – откашливается Ребекка.

– Да?

– Здравствуйте, – вежливо обращается к нему девушка. – Меня зовут Ребекка.

– Арвид. Вы проехали мимо съезда, – отвечает он, не поднимая глаз. – Надо вернуться на пару километров назад.

– Я никаких съездов не пропускала.

Повернув голову, Арвид смотрит на нее. Поймав на себе оценивающий взгляд, Ребекка понимает, насколько ее пиджак, юбка по колено и замшевые полуботинки на каблуках не соответствуют обстановке.

– Ладно. В таком случае покупать я ничего не собираюсь.

Когда собеседник вновь отводит взгляд в сторону, внутри вспыхивает раздражение. Почему он так грубо себя ведет? Ребекка делает еще один шаг вперед и повышает голос:

– Герда дома?

– Она переехала.

«Вот так всегда, – думает девушка. – Зачем Герда продала хутор такому грубияну?»

– Я внучка вашей соседки. Анны, той, что живет за холмом.

– Ах вот оно что. Тогда передай ей, чтобы лучше присматривала за своей кошкой.

– Какой еще кошкой?

Арвид со вздохом откладывает в сторону разводной ключ. Лицо перепачкано машинным маслом. От его пристального взгляда будто что-то щекочет внутри, и Ребекке становится не по себе. Она с удивлением подавляет внезапное чувство. Нет, Арвид совсем не относится к типу мужчин, к которым ее обычно притягивает.

– За этим всклокоченным полосатым существом, которое здесь шляется. Она сводит с ума и меня, и Мэнди.

«Ага, – думает Ребекка. – Несносный и женатый. Мои поздравления, Мэнди».

– Хорошо, я подумаю, как с ней справиться. На самом деле я просто хотела поздороваться.

– Да, конечно. Могу продолжать или тебе мешает мой стук? А то, может, медитировать собралась или йогой какой-нибудь заниматься.

Ребекка изумленно смотрит на него. Она не понимает, откуда такая надменность.

– Да нет, совсем нет. Я сама собираюсь пошуметь в ближайшие несколько дней.

– Вот как? – усмехается он. – Эту развалюху отремонтировать надумала?

– А вам-то какое дело?

– Никакого. Просто меня достали горожане, которые мечтают обрести себя в романтике деревенской жизни.

– Что вы хотите этим сказать?

Арвид указывает на другие дома, расположенные в нескольких сотнях метров от них.

– Там затевали отель по типу «ночлег и завтрак». А вон там, – он машет в сторону опушки леса, – студию йоги, пожалуйста. Покупатели развели тут бурную деятельность. Все село решили привлечь. Ожидали, что мы будем всячески помогать: одалживать инструмент, подвозить материалы и ни в коем случае не шуметь рано утром. Потом, спустя несколько недель, они исчезли, не сказав ни единого слова.

– Жаль, что так вышло, – говорит Ребекка и поднимает брови, – но я приехала сюда, только чтобы помочь бабушке, она попала в больницу. Думала, будет не лишним зайти и представиться, но вижу, вы заняты.

– Вот именно, – отвечает Арвид, опять принимаясь стучать по трактору. – Так и есть. Я очень занят.

Ребекка долго не отрывает от него взгляд, но, так и не дождавшись продолжения, торопится к выходу.

Остаток вечера она посвящает обустройству своего временного жилища. Отменяет бронь в отеле, добирается на автобусе до города, арендует маленький красный «Фиат» и едет в большой торговый центр, чтобы закупить еду и все необходимое для уборки. Вернувшись домой, Ребекка находит одеяло и комплект чистого постельного белья; постелить решает на старом бабушкином диване. Несмотря на все хлопоты, она никак не может отделаться от мыслей о несносном соседе, которому достался хутор Герды. Кто дал ему право так себя вести? Ведь все, что она себе позволила – это зайти и познакомиться.

Прежде чем вернуться в гостиную, Ребекка тщательно проверяет, заперта ли дверь. Похоже, бабушкин сосед – настоящий нелюдим, думает она и подбрасывает в камин пару поленьев перед тем, как лечь в холодную постель. Но менять свои планы Ребекка не намерена, каким бы желчным он ни был. Она отремонтирует дом во что бы то ни стало и успеет навести красоту и уют к бабушкиному возвращению. При удачном стечении обстоятельств, думает Ребекка, поморщившись, Арвида она больше никогда не увидит.

Глава 3

Ребекку будят солнечные лучи, струящиеся сквозь неплотно задернутые гардины. Она плохо спала ночью, несколько раз просыпалась от завывающего в щелях и дымоходе ветра и скребущих звуков. В какой-то момент решила, что по стенам бегают мыши, но успокоила себя, вспомнив, что фрукты и хлеб на кухне лежали нетронутыми.

Еще не совсем проснувшись, Ребекка садится в постели. Под утро температура в доме упала – чтобы дойти до кухни и включить кофеварку, девушка укутывается в одеяло. Как только она склоняется над столешницей и протягивает руку к хлебнице за купленной вчера буханкой хлеба для завтрака, на оконный карниз запрыгивает кошка. Так близко от нее, что Ребекка вздрагивает от неожиданности.

Господи, нельзя же так пугать.

Кошка смотрит на нее через стекло и громко мяукает. Полосатая серая шерсть промокла, и тельце кажется таким маленьким и тощим, что Ребекка начинает сомневаться, не котенок ли это.

– Чего ты хочешь? – бормочет она и вспоминает слова Арвида. Неужели бабушка завела кошку и ничего не сказала об этом? Так вот, значит, кто шумел ночью?

В самом дальнем углу кладовой обнаруживаются три баночки с кошачьей едой. Отворив входную дверь и выйдя на крыльцо, Ребекка замечает, что из-под лестницы торчат две миски.

Спрыгнув с карниза, кошка осторожно подходит к ней.

– Проголодалась?

Кошка приближается к лестнице, и девушка быстро захлопывает входную дверь у себя за спиной.

– Ну уж нет, внутрь я тебя не пущу – нечего грязь разносить, – предупреждает она.

Кошка усаживается немного поодаль и равнодушно наблюдает, как Ребекка выкладывает содержимое баночки в одну из мисок. Только когда она, налив воду во вторую, возвращается в кухню, кошка осмеливается подойти к мискам – Ребекка видит в окно, как животное жадно заглатывает еду.

Съев легкий завтрак и быстро приняв душ, девушка решает приняться за уборку. Все выставленные вещи надо убрать в коробки: она внимательно подписывает, что где лежит, и ставит коробки одна на другую вдоль не заставленной мебелью стены.

Спустя три часа почти все вещи упакованы, и Ребекка достает старый бабушкин пылесос. Пылесосит все комнаты, решив оставить прихожую на потом – пусть пол там будет накрыт газетами. Затем вытряхивает ковры и протирает пол влажной тряпкой. Вода в ведре становится совершенно черной, так что пройтись тряпкой приходится несколько раз, пока не уходит вся ввевшаяся грязь и в доме не начинает пахнуть моющим средством.

– Вот так, – говорит она, обращаясь к полосатой кошке, опять усевшейся на карниз. – Пожалуй, теперь здесь приятно находиться.

Кошка бросает на нее довольный взгляд и начинает мыть лапками мордочку.

Взяв охапку лежащей на кресле одежды, Ребекка относит ее в спальню. Она не ожидала, что так быстро управится с уборкой. Наверное, надо, не откладывая, приступить к ремонту. Можно начать сразу после визита к бабушке в больницу. Пока Ребекка надевает на плечики одежду, чтобы развесить потом в гардеробе, взгляд ее падает на стоящий в углу узкий книжный шкаф. Красивая вещь, выполненная из темного дерева, с резным орнаментом на дверце. Она помнит, что этот шкаф всегда будоражил ее любопытство, а бабушка держала его на замке. Но сейчас дверца открыта.

Девушка медленно подходит к шкафу и ощупывает ключ с бронзовым отливом – металл отдает холодом. Она задумывается, правильно ли будет заглянуть внутрь. Все-таки шкаф не заперт, и Ребекка всего-навсего помогает бабушке выбросить лишние вещи.

Петли пронзительно скрипят, когда она распахивает дверцы. На верхней полке лежит стопка сложенных льняных скатертей. Под ними – книги. Ребекка вынимает одну – зачитанный экземпляр романа Хемингуэя «Прощай, оружие». Он стоял между «Комнатой с видом» и «Унесенными ветром».

Девушка поглаживает мягкую обложку и невольно улыбается. Бабушка всегда любила книги. Когда Ребекка была маленькой, они часто читали вместе. Она открывала для внучки новые миры: брала с собой в индийские джунгли из «Книги джунглей», в Страну Дальнюю

из «Мио, мой Мио» и в фантастическую Нарнию. Анна рассуждала о книгах, как о бесценном сокровище, поэтому Ребекку ни капли не удивляет то, что особенно любимые экземпляры бабушка закрывала на ключ.

Опустив взгляд ниже, девушка замечает большую круглую картонку светло-голубого цвета в белую полосу. Вытаскивает ее на пол и поднимает крышку. Внутри находит старую ржавую жестяную банку с надписью «Бискотти», носовой платок и дневник в кожаном переплете. Осторожно пролистав дневник, Ребекка понимает, что его вели с мая по ноябрь 1943 года. Когда она открывает жестянку, оттуда выпадают пачка писем и фотокарточка.

Девушка подходит к окну, чтобы внимательно рассмотреть фотографию. На черно-белом крупнозернистом снимке изображен молодой человек. Он худощав и едва вышел из подросткового возраста, но одет в костюм в тонкую белую полосу и рубашку с остроконечным воротничком. Волосы зачесаны назад, молодой человек с гордым видом позирует перед фонтаном посреди площади.

Ребекка склоняется ближе к фотографии. Она не узнает ни места, ни молодого человека и задумывается, может ли это быть ее дедушка. Аксель умер еще до ее рождения, и Ребекка видела всего один его фотопортрет, но вроде немного похож.

Засунув снимок в сумочку, она задвигает коробку обратно в шкаф. У Ребекки практически нет фотографий с родственниками. Она надеется, что бабушка сможет подтвердить личность изображенного на снимке мужчины.

В больнице кажется, будто время застыло и со вчерашнего посещения не прошло ни секунды. Бабушкина палата похожа на операционную, какой ее представляет себе Ребекка. Холодные белые стены, кровать на колесиках, чтобы легче было передвигать, за ней – стеновая панель со множеством кнопок и розеток. Стул для посетителей так и оставили у изголовья, а на прикроватном столике стоит стакан воды. Больше в палате ничего нет.

Круглая люстра распространяет резкий свет, бабушка лежит в той же позе, что и в прошлый раз, волосы растрепались по подушке, но Ребекке кажется, что сегодня она выглядит чуть бодрее.

– Привет, – здоровается внучка и ставит на столик коробку купленного по пути винограда. – Как ты себя чувствуешь?

– Получше.

– Это радует. Ночью удалось поспать?

Бабушка кивает в ответ, и Ребекка берет ее за руку.

– Я сделала в доме генеральную уборку. Все вещи, которые ты достала, упакованы в коробки. Еще я пропылесосила и вымыла полы. Сама увидишь: там стало очень красиво!

– Спасибо, – слабым голосом отвечает бабушка.

– Посмотрим, что еще я успею до твоего возвращения. Может быть, даже дом заново покрашу.

– Ты очень добра ко мне.

– А как же? Для чего еще нужны внуки?

Ребекка присаживается на поставленный к изголовью стул. Она размышляет, не спросить ли, что произошло с Гердой, но боится расстроить бабушку и вместо этого достает фотографию.

– Кстати, вот что я нашла в шкафу, – говорит она, протягивая снимок. – Это дедушка?

Улыбка мгновенно исчезает с бабушкиного лица.

– Ты не знаешь его, – отрывисто отвечает она.

– Вот как, и кто же это? У тебя почти совсем нет фотографий, поэтому попавшийся на глаза снимок, естественно, возбудил мое любопытство.

– Никто, – повторяет бабушка, отталкивая фотографию. – Я не хочу о нем говорить.

Удивившись бабушкиной реакции, Ребекка убирает фотокарточку.

– Ну ладно, – смущенно продолжает она. – Утром у дома откуда ни возьмись появилась кошка. Твоя?

– Кошка ничейная, – устало отвечает Анна, но, к своему облегчению, внучка замечает тень улыбки в уголке ее рта.

– Но ты ведь прикармливаешь ее?

Бабушка кивает и умоляюще смотрит на Ребекку.

– Можешь кормить ее вместо меня до моего возвращения?

– Конечно. У нее есть имя?

– Я называю ее Скарлетт.

– Скарлетт. Подходящее имя для дикой кошки, – задумчиво отзывается Ребекка. – Кстати, я спросила медсестру: она считает, что

ты сможешь вернуться домой где-то через неделю.

– Это хорошо.

– Обещаю, что к этому времени дом будет приведен в идеальное состояние, – с энтузиазмом продолжает Ребекка. – Как почувствуешь себя бодрее, обсудим, что из приспособлений потребуется, чтобы снизить риск новых травм. Я хочу сейчас съездить в строительный супермаркет и посмотреть такие ручки – знаешь, в ванной прикручивают? Ты ведь не будешь возражать?

Бабушка прикрывает глаза.

– Да нет, – бормочет она.

Ребекка молча смотрит на Анну. Она опять чувствует угрызения совести за то, что так редко приезжала домой. В последние годы она чрезвычайно много работала, но сейчас это не кажется ей достаточным оправданием.

Подступает зуд, и Ребекка начинает расчесывать кожу на руках. Нахлынули воспоминания: сколько раз бабушка спасала ее, когда она лежала, распластавшись, на чужом диване или рыдала, запершись в туалете. Алкоголь притуплял чувства, но заставлял терять себя.

После бурных подростковых лет Ребекка не возлагала больших надежд на будущее, но при бабушкиной поддержке ей, несмотря ни на что, удалось взять себя в руки перед выпускным классом гимназии. Окончив школу, она наугад подала документы в несколько вузов и была приятно удивлена, когда ее зачислили на факультет экономики Стокгольмского университета. Сейчас, по прошествии времени, Ребекка понимает, как ей тогда повезло. Там раскрылась ее феноменальная способность работать с цифрами, и чем лучше у нее получалось, тем больший просыпался азарт. Окончив университет, она устроилась помощником менеджера в одну из самых уважаемых аудиторских компаний Швеции и, не раздумывая, полностью посвятила себя карьере.

Но Анна нуждалась в ее поддержке. Теперь Ребекка это видит. Ей следовало помогать бабушке так же, как та помогала Ребекке в самые беспросветные моменты, или, по крайней мере, найти время, чтобы чаще приезжать домой. Разговор по телефону оказался недостаточно. Бабушка уходит. От осознания этого факта у Ребекки перехватывает дыхание. Как ей привыкнуть к мысли о том, что бабушка не будет жить вечно? Притом что Анна всегда была такой сильной и

служила ей опорой. Ребекка боится даже подумать, каково будет потерять ее. Она берет бабушку за здоровую руку и гладит ее. Пальцы кажутся такими хрупкими, будто вот-вот сломаются, и все равно от кожи исходит успокаивающее тепло.

Похоже, бабушка заснула – Ребекка встает, но в тот момент, когда она собирается тихо выскользнуть из комнаты, Анна открывает глаза.

– Его имя – Лúка, – чуть слышно произносит она. – Лúка Кавалли. Я знала его в молодости.

Ребекка придвигает стул еще ближе к кровати и садится снова. В их семье отсутствовала традиция говорить о прошлом, и о бабушкиной юности ей практически ничего не известно.

– Вы дружили?

– Да, можно и так сказать.

– А где вы с ним встретились?

Бабушка тянется к стоящему на прикроватном столике стакану воды – Ребекка протягивает его, чтобы она попила. Губы обветрены – у внучки мелькает мысль, что к следующему визиту надо купить бальзам.

– В Глумслéве, – отвечает Анна. – Мне тогда было девятнадцать.

– Почему ты никогда раньше не рассказывала о нем?

Бабушка на секунду умолкает.

– Потому что я поступила, как не следовало, совершила ужасный поступок и... – Кажется, она собирается что-то добавить, но осекается и трясущейся рукой трет лоб. – Не могу говорить об этом.

– Да не надо, конечно. Давай поговорим о чем-нибудь другом, – предлагает Ребекка, пытаясь придать голосу радостный тон, хотя бабушкино лицо все еще напряжено. Ей совсем не хотелось так взволновать Анну. – Хочешь, мы спланируем твое возвращение? Какие продукты мне купить? Надо заполнить холодильник и морозилку.

Бабушка зажмуривается и напрягается всем телом. В какое-то мгновение кажется, будто она испытывает ужасную боль, но потом расслабляется. Голова падает на подушку, и Анна медленно выдыхает.

Ребекка не смеет пошевелиться и сидит неподвижно до тех пор, пока не замечает, что бабушка глубоко заснула. Тогда она поправляет одеяло и сверху накрывает пледом абрикосового цвета.

– Хороших тебе снов, – шепчет внучка и выходит из палаты.

Направляясь к взятой напрокат машине, Ребекка никак не может выбросить из головы фотографию молодого человека и пытается

представить себе, как выглядела бабушка в девятнадцать лет. Внучка осознает, как мало знает о ее жизни, но смутно припоминает бабушкины слова о том, что она родом из Стокгольма. И как же ее тогда занесло в Сконе?

Много позже, вернувшись домой, Ребекка наливает себе стакан смородинового напитка с водой, садится за кухонный стол и достает ноутбук. Открывает окошко «Новое сообщение», пишет в графе адресат: «Биргитта» и застывает, глядя на пустое поле для текста. Ей, конечно, хочется написать, что она считает себя подло обманутой. Это была ее ставка, а прежде, чем откроется новая вакансия старшего менеджера, пройдет еще не меньше года. Ребекка вздыхает. Ей бы очень хотелось узнать истинную причину, по которой ставку отдали Маркусу, но вместо этого она пишет, что пробудет в Сконе как минимум до конца недели. Ребекка напоминает также о прежней договоренности: Биргитта обещала сообщить, когда вернут бизнес-план ИТ-проекта после согласования.

Отправив письмо, девушка заходит в корпоративную почту компании и прочитывает несколько сообщений, но ей трудно сосредоточиться на их сути. Мысли упорно ускользают и приводят ее к черно-белому снимку и прочим тайнам, которые скрывает бабушкин книжный шкаф.

Спустя некоторое время Ребекка сдается, убирает ноутбук и выходит в сад, надеясь, что небольшая физическая нагрузка поможет переключиться на другие мысли, но, как бы она ни пыталась, фотография навязчиво возвращается. Она стоит у нее перед глазами, заставляя думать об улыбающемся молодом человеке. Отчего карточка Луки так внезапно вывела бабушку из равновесия? И почему Анна хранила ее в книжном шкафу под замком?

Глава 4

Август 1943 года

Анна бежит по лугу, ступая по мокрой от утренней росы траве, и маленькие капельки воды, висящие на травинках, оседают на юбке. Солнце только что взошло, но его теплое сияние еще не успело прогреть сырой после ночной прохлады воздух.

Она пробегает через рощу, где деревья стоят неподвижно в рассветном полумраке. Надо бы остановиться и перевести дух, но Анна не хочет, чтобы ее догнали. Девушка не знает, куда направляется, и понимает лишь одно: она должна уйти, поэтому изо всех сил мчится по тропинке, не обращая внимания на стертые ноги. Коричневые кожаные сандалии не предназначены для таких марш-бросков, но Анна все равно не позволяет себе останавливаться. Она не сбавляет темпа, даже когда перебирается по специальной лесенке через колючую изгородь и цепляется платьем за торчащую жердь. Резким нетерпеливым движением девушка дергает за юбку так, что отрывается часть подола.

Овцы жмутся друг к другу, сбиваясь в кучки. Копошатся и толкаются, когда Анна пробегает мимо. В другой раз она бы задержалась ненадолго, чтобы поздороваться с ними, но сейчас думает только об одном и хочет одного: оказаться как можно дальше от Хиллесгордена.

Последний холм заканчивается крутым спуском, и Анна увеличивает темп. Наконец показалось море. Перед ней простирается необузданная и непредсказуемая стихия, которая, как защитный барьер, отделяет ее от охваченной войной Дании и остальной Европы.

Анна останавливается, только достигнув каменной осыпи, на которую выбегает так стремительно, что щебень, выскакивая из-под ног, падает вниз с обрыва, а сильный встречный ветер встает перед ней стеной. Девушка с испугом смотрит вниз с высокого скалистого утеса и хватается за дерево.

До земли далеко, и от вида каменных глыб внизу начинает кружиться голова. Сердце бешено стучится в груди, его удары отдают в голову.

Анна осторожно заносит ногу над обрывом. «Долго мучиться не придется», – думает она. Шаг вперед кажется ей ужасным, но потом,

спустя несколько коротких мгновений, все закончится.

Девушка поднимает взгляд и устремляет его за горизонт. Далеко впереди на волнах качается рыбацкая лодка, над ней кружит чайка. Анна следит глазами за скользящей в небе птицей с широко раскрытыми крыльями. Медленно выдвигается вперед, еще ближе к краю. Теперь близко, так близко, что любой неосторожный шаг – и она вниз. Девушка решительно смотрит на камни. «Три секунды, не больше, – думает она. – Только не смотри вниз. Смотри на летящую птицу – она свободна».

Еще один порыв ветра, налетев, треплет подол юбки. Анна нервно сглатывает. Ее охватывает бесконечное отчаяние. Горе вонзилось в нее своими когтями, и нет другого способа от него избавиться. Отпустив ствол дерева, девушка раскачивается. Хочет выкрикнуть все, что причиняет боль, но вместо этого закрывает глаза.

В какое-то мгновение ей кажется, будто она в невесомости. Чувствует, как ветер, обняв, поднимает ее. Руки распростерты ему навстречу, но тело сопротивляется. Надо заставить его двигаться вперед, ведь все сразу станет лучше, стоит только сделать шаг.

Анна решила.

И в ту же секунду ее резко дергают за руку. Кто-то тянет назад с такой силой, что она теряет равновесие и падает на землю, ударяясь о камень. Анну трясет от испуга, и проходит пара мгновений прежде чем наступает осознание, что произошло. Она собиралась прыгнуть с утеса. Если бы ее не остановили, все бы уже закончилось.

Анна в шоке смотрит на свою расцарапанную щиколотку, на которой проступают маленькие пятна крови, потом глядит в сторону. Наискосок от нее стоит молодой человек. Поношенная рубашка заправлена в заплатанные рабочие брюки. Он поднимает вверх перепачканные руки.

– Прошу прощения, – говорит юноша, – просто барышня чуть не сорвалась вниз.

Анна не знает, как ей ответить. Увидев, что она пытается подняться, он хочет помочь и протягивает руку, но она отказывается.

– Спасибо, сама справлюсь.

Парень кивает в ответ. На вид ее ровесник, копна густых темных волос и оливковый оттенок кожи.

– Простите, – повторяет он, не сводя с нее глаз. – Все в порядке?

– Да, – отрывисто отвечает она, отворачиваясь. – Пожалуйста, оставьте меня теперь в покое.

Молодой человек делает шаг назад, но не уходит, и голос его звучит уже по-другому:

– Я уйду только вместе с барышней.

– В этом нет необходимости. Я справлюсь.

– Не могу же я оставить вас здесь одну, – возражает он, пожимая плечами. – Вдруг опять оступитесь?

Анна заметила, что юноша говорит с забавным акцентом, и на секунду задумалась, откуда он может быть родом, но тут же отбросила эту мысль. Им обоим неловко от случившегося. Почему бы ему просто не обратиться восвояси?

В конце концов девушка сдается, поворачивается спиной к морю и, прихрамывая, ковыляет вниз по склону холма. Молодой человек идет за ней следом, будто они составляют друг другу компанию.

– Как вас зовут? – интересуется он.

– Какая разница?

– Меня зовут Лúка Кавалли, – продолжает юноша. – Но барышня может назвать меня просто Лúка.

Анна останавливается и делает глубокий вдох. Ей трудно понять, что именно дает ему основание полагать, будто они достаточно хорошо знакомы, чтобы обращаться друг к другу по имени, но потом ее осеняет: скорее всего, разумнее скрыть, к какой семье она принадлежит.

– Мое имя Анна, и я в порядке, так что можешь не следовать за мной по пятам.

Лúка изучающе смотрит на нее. Карие глаза светятся добротой, отросшая щетина тенью лежит на подбородке.

– Ты плакала, – замечает он. – Что тебя расстроило?

– Пожалуйста, – просит она, – уйди отсюда.

Но Лúка не уходит. Вместо этого кладет руку на ее плечо и не убирает, несмотря на всю неуместность такого жеста.

– Расскажи, из-за чего ты так несчастна, – спрашивает он.

Анна тяжело дышит. Этот юноша совсем ей незнаком, она не имеет ни малейшего понятия, кто он такой, но что-то в его манере держаться притупляет ее волнение. Так и не дождавшись ответа, Лúка доверительно склоняется к ней:

– Можно осмотреть твою рану?

Анна застывает в нерешительности. Она даже боится подумать, что бы было, если бы ее застали в компании чужого мужчины при таких обстоятельствах. Но в конце концов все-таки приподнимает юбку, а Лúка, положив руку под пятку, с осторожностью осматривает ее ногу.

– Заживет, все хорошо будет, – кивнув, обнадеживает он девушку.

То ли из-за пережитого шока, то ли благодаря дружелюбному настрою незнакомца – Анна не знает отчего именно – на нее внезапно нахлынули сегодняшние события. Разговор с родителями, резкие слова. Лицо отца, когда он вышел из-за стола... Ее бросает в дрожь, и она отшатывается от незнакомца.

– Уверена, что тебе не нужна моя помощь? – переспрашивает Лúка. – Может, барышня голодна?

– Нет.

– Ну, конечно, голодна! – восклицает он. – Тебе необходимо перекусить. Еда всегда помогает.

Достав из кармана нарядно вышитый носовой платок, он разворачивает его – внутри лежат два куса лепешки.

– Пожалуйста, угощайся, – говорит Лúка, протягивая хлеб.

Анна растерянно озирается по сторонам. На самом деле аппетит отсутствует напрочь, но она боится, что юноша не отстанет, если отказаться, и поэтому нехотя берет у него из рук хлеб.

Отщипнув и засунув в рот небольшой кусочек, девушка замечает, что юноша пристально смотрит на нее. Вкус у лепешки непривычный.

– Узнаешь? – спрашивает юноша.

Анна мотает головой.

– Я не знаю, что это за вкус, – отвечает она, перестав жевать.

– Орегано. Мы сами его выращиваем. – Лúка убирает оставшийся хлеб в карман. – Пойдем, – говорит он, жестом приглашая ее в близлежащую рощу. – Я кое-что покажу тебе.

Анна колеблется. Ей ничего не известно о незнакомце, и совершенно точно нельзя с ним никуда идти, но тем не менее, как только юноша исчезает за деревьями, она следует за ним.

– Моя мама готовит суп из лепешек, – объясняет он, не останавливаясь. – Ты когда-нибудь пробовала итальянский хлебный суп? Туда по рецепту еще пармезан полагается, правда, его здесь не сыщешь. Мы пытались добавлять шведский сыр, но вкус не тот

получается. Почти вся еда по карточкам, поэтому приходится проявлять кулинарную изобретательность.

Анна заметила, что юноша активно жестикулирует. Обычно она относится к незнакомым людям с недоверием, но почему-то складывается ощущение, будто они с Лúкой давно знакомы.

Он останавливается за большим дубом и зовет ее. Анна осторожно приближается. В просвете между деревьями совсем недалеко от них стоит косуля с щиплющим куст телянком.

– Они обычно приходят сюда по утрам, – шепчет Лúка. – Правда, красивые? Когда видишь бамбино косули, вся печаль уходит.

Девушка кивает. Она уверена, что косуля не излечит ее от печали, но Лúка так старается угодить, что ей почему-то не хочется его расстраивать.

Они прячутся за дубом, пока пасущиеся животные не исчезают из вида.

– Мне пора домой, – говорит Анна, потирая руку, за которую ее вовремя схватил Лúка. – Спасибо за хлеб.

– На здоровье. Я могу проводить тебя, если хочешь. Куда барышня путь держит?

– В Хиллесгорден.

– Ты работаешь там?

Анна качает головой и окидывает взглядом свою одежду. Юбка перепачкана грязью, чулки порваны, туфли измазаны глиной. Мама рассвирепеет, если увидит ее такой.

– Нет, живу.

Что-то встрепенулось в глазах Лúки.

– Вот как? – промолвил он. – Понимаю.

– Мне лучше идти одной.

– Конечно.

Анна двигается нехотя и медленно. Поравнявшись с лугом, оборачивается, чтобы посмотреть, не остался ли Лúка стоять на месте, но юноша исчез.

На последнем участке пути начинает болеть поврежденная нога. Анна, прихрамывая, заходит во двор и прислоняется к стене дома. Родители лишили ее всего, а она, как маленький неразумный ребенок, не придумала ничего лучше, чем убежать от них.

Украдкой пробравшись в свою комнату, девушка стягивает с себя одежду и ложится в постель. Лежит, уставившись на широкие карнизы орехового дерева, обрамляющие потолок. Анна ненавидит этот дом. Раньше семья каждое лето проводила в огромном мрачном родовом имении пару недель, не больше, а теперь ее заперли здесь на неопределенный срок. Пока идет война, в Стокгольм они не вернутся.

Девушку одолевает усталость, она закрывает глаза. В сознании яркими вспышками проносятся виды моря – волны неистово бьются о камни – волосы от этого встают дыбом, и Анну охватывает дрожь. Она думает об отце с матерью и чувствует, как подступают угрызения совести. Глупо отправляться, разволновавшись, к такому опасному месту. А если бы и правда сорвалась с обрыва, что было бы с родителями?

Анна смахивает проступившую в уголке глаза слезинку. Мать всегда говорила, что она слишком вспыльчива и импульсивна, но девушка ничего не может поделать с обуревающими ее чувствами. Когда мысли вертятся в голове слишком быстро, кажется иногда, что еще немного, и она взорвется. Анна все лето ждала отъезда домой. Все, что дорого ее сердцу, осталось в Стокгольме. Друзей в Глумслёве у нее нет, а теперь еще и место на сестринских курсах потеряет. Хотя какая разница, если отец все равно говорит, что с такой работой ей никогда не справиться. «Эта профессия тебе не подходит», – сказал он за ужином как отрезал.

Девушка замуривает глаза. Она знает, что отец всегда считал ее ранимой и хрупкой. Полагал, что при столкновении с малейшими трудностями дочь сломается. А на фоне войны все только усугубилось. До начала военных действий Анну собирались отправить на языковые курсы во Флоренцию. Она должна была уехать после школьных экзаменов и жить у друзей семьи, в центре города, изучать итальянский и историю классической живописи – пойти по стопам брата. Но теперь эти планы отложены на неопределенный срок.

Анна сворачивается калачиком и кутается в одеяло. Если бы ей только дали шанс, она смогла бы доказать им, что в состоянии обеспечить себя сама. Так хочется заниматься чем-нибудь значимым, например ухаживать за ранеными, как Кэтрин Баркли в романе Хемингуэя «Прощай, оружие». Работая медицинской сестрой, Анна выполняла бы важную роль в обществе, и жизнь обрела бы смысл. Но,

как бы ни хотелось ей, чтобы все устроилось, уже поздно. Занятия на сестринских курсах начнутся послезавтра, а она застряла тут, в пятистах километрах от столицы.

Глава 5

Апрель 2007 года

На укладку сдутой ветром черепицы уходит меньше времени, чем предполагала Ребекка, и, справившись с этой задачей, девушка обходит дом с инспекцией. Ощупав зеленые деревянные панели обшивки, сырости не находит, хотя краска начала местами осыпаться. Скорее всего, наружные стены надо ошкурить и перекрасить, но это придется оставить на более теплое время года. Окна, судя по их виду, тоже требуется привести в порядок: кажется, надо заново шпаклевать рамы.

Ребекка возвращается на крыльцо и отковыривает щепку от скамьи – та, похоже, сгнила. При всей своей любви к строительно-ремонтным работам девушка не уверена, что успеет все починить до возвращения в Стокгольм.

Она бережно приставляет лестницу к крыльцу, чтобы забраться и осмотреть его крышу. Старый потертый рубероид местами отходит. Ребекка осторожно просовывает под него пальцы, проверяя, не прогнили ли доски, но, несмотря на пятна сырости, древесина кажется плотной на ощупь, так что, наверное, можно обойтись заменой рубероида.

Девушка как раз собирается снять замеры с крыши, когда слышит голос за спиной. Покачнувшись, она на долю секунды теряет равновесие. Отчаянно вскидывает руки, хватается за наличник и чудом удерживается на лестнице. Обернувшись, видит у калитки Арвида. Светлые волосы растрепаны, все та же грязная футболка облегает накачанное тело. Есть в нем что-то грубое, примитивное. Ребекка успевает подумать, что он полная противоположность Йуару.

– Прости, – бормочет Арвид. – Не хотел напугать тебя.

– Ничего, – отвечает она так, будто ничего не произошло, а про себя гадает, что это вдруг ему могло понадобиться.

– Я хотел извиниться за вчерашнее. У меня был плохой день.

– Ничего страшного.

– Да, и, если тебе понадобится помощь, только скажи.

Ребекка бросает на него холодный взгляд. Это что же получается: он пытается произвести приятное впечатление?

– Скажу, обязательно.

Арвид задерживается на пару мучительных мгновений, потом разворачивается и уходит.

Ребекка не знает, что и подумать. Конечно, очень мило с его стороны предложить помощь, но насколько он искренен? Скорее всего, это женушка заставила его прийти и извиниться.

Визит Арвида выбил Ребекку из колеи. Отперев хозблок, она достает бабушкину косу и начинает расправляться с прошлогодней травой. Закончив, берет секатор и удаляет лишние побеги, подрезает растения, разросшиеся слишком близко от стен дома, и убирает прошлогодний клематис, который сплел из своих длинных извивающихся ветвей сеть между розовыми кустами и фруктовыми деревьями. Чем больше девушка стрижет и режет, тем быстрее улучшается настроение. Эффект борьбы с сорняками близок к терапевтическому, будто она вычищает все, что ее разозлило.

Спустя час пот течет с Ребекки градом, но вид проступающего из-под зарослей сорняков сада приносит удовлетворение. Оказывается, бурьян скрывал грядки, клумбы, сделанные из ящиков, ягодные кусты и маленькую лужайку.

Когда она собрала выдранные сорняки в одну большую кучу, взгляд упал на кусты ежевики, поглотившие часть белого забора. Девушка ринулась было их стричь, поправив садовые перчатки на руках, но увидела, как кто-то приближается к дому на велосипеде. Ребекка замирает на ходу и чувствует, как учащается пульс.

Мама останавливается, только подъехав вплотную к забору.

– Значит, это правда? – произносит она. – Ты опять дома?

Ребекка не знает, что ответить. У нее перехватывает дыхание. Спазм сдавливает грудь так сильно, что каждый вздох дается с трудом. Ее застали врасплох, она еще не готова и отчаянно пытается вспомнить, когда они последний раз разговаривали, ищет, за что бы ухватиться. Может, они общались перед самым Рождеством? Вроде тогда она повредила голеностоп? Или это было колено?

– Да, – запинаясь, отвечает она. – Извини, я собиралась позвонить, просто не успела.

– Ничего страшного. Я понимаю, что тебе здесь есть чем заняться, – продолжает мать, в ее голосе сквозит напряжение. Неужели тоже нервничает?

С момента их последней встречи седины у нее прибавилось, но волосы все так же практично подстрижены под пажу. Темно-синяя туника прикрывает хлопковые брюки того же тона.

– Может, зайдешь кофейку выпить? – нарушает в конце концов молчание Ребекка. – Я дома одна, – уточняет дочь. – Бабушка в больнице.

– Я слышала. Она сломала руку?

– Да.

– Ладно, – отвечает мать и закатывает велосипед через калитку в сад. – Чашечку кофе выпью с удовольствием.

Глава 6

Август 1943 года

Прежде чем войти в столовую, Анна прислушивается, чтобы убедиться, что отец уже позавтракал. У нее нет никакого желания с ним разговаривать. После громкого скандала она раздумывала, как ей добраться до Стокгольма. Но в голове один сумбур, и Анна не знает, справится ли с этой задачей самостоятельно. Может, отец правду говорит: она не вполне готова к взрослой жизни?

Мать сидит за столом и читает последний номер «Дамского мира». Анна кивком просит прислугу налить ей кофе и проскальзывает на свое место. На блюде лежат свежее испеченные пшеничные булочки, она начинает тщательно намазывать одну из них маслом, искоса поглядывая на мать.

Анна болезненно воспринимает то, что по-прежнему зависит от родителей. Может, ей просто надо упаковать в сумку самое необходимое и сесть на поезд до Стокгольма? Хотя она не уверена, что знает, как это сделать. Ездить на поезде одной ей не приходилось, и, если в семейных апартаментах на Эстермальме жить нельзя, куда податься? Денег нет – ни на жилье, ни на еду – и потом, Анна не представляет, как обеспечить себе и то и другое.

– Как твоя простуда? – интересуется монотонным голосом мать.

– Я здорова.

Ингрид изучающе смотрит на нее:

– Уверена? Мне показалось вчера, что ты переволновалась.

– Вот как? Это было заметно?

– Анна, – обращается к ней мать, откладывая в сторону газету. Несмотря на ранний час, темно-русые волосы уже убраны в элегантный узел, на ней любимая блузка с широкой проймой и крахмальным воротником, вокруг которого поблескивает жемчужное ожерелье. – Я понимаю, что тебе тяжело, но ты же знаешь, что отец желает тебе добра.

– Добра? Он хочет запереть меня здесь, в этом ужасном месте.

– Никто не хочет тебя запирасть.

– Не хочет? Так почему же тогда мне не разрешают уехать отсюда? – спрашивает Анна, замечая, что повышает голос. – Ты же

знаешь: отец обещал, что я смогу уехать домой, когда закончится лето, – говорит она, срываясь на крик, но потом стыдливо опускает глаза.

Ингрид разглаживает белую льняную скатерть:

– Как мы уже говорили, мы боимся отправлять тебя сейчас в Стокгольм. А что, если нападут русские? Знаешь, как они обходятся со своими политическими противниками?

– Но мы ведь не фашисты?

– Нет, конечно. Но ты прекрасно знаешь, что твой отец ведет торговлю с Германией.

– Здесь мы намного ближе к военным действиям, чем в Стокгольме, – протестует Анна.

– Да, но знакомые твоего отца утверждают, что немцы никогда не оккупируют Швецию. Они и так получают от нас все, что им требуется: их промышленность встанет без шведской руды.

– Откуда ты знаешь, что это – правда?

– Просто знаю, и все, – с нажимом отвечает мать.

Анна качает головой. Мать разбирается в политике немногим лучше нее самой. Она только повторяет то, что ей говорит отец.

– И что прикажешь мне теперь делать? Гимназию я уже окончила. Что же мне, сидеть, ничего не делая, в Хиллесгордене и ждать, когда закончится война? Она может продолжаться вечно.

– Душечка, – отвечает мать, притягивая к себе ее руку. – Все образуется. Куда тебе торопиться? Наслаждайся свободой. Придет время, будет у тебя семья, и не сможешь уже читать книжки дни напролет.

– Но я хочу получить образование, чтобы приносить пользу.

– Радость моя, я понимаю, но пользу можно приносить по-разному.

– Да, например, стать медицинской сестрой.

Мать морщит нос:

– Неужели ты действительно считаешь, что тебе понравится отмывать кровь, опорожнять утки и зашивать разорванные тела? Да ведь ты иголкой уколешься или в обморок упадешь. Отец правильно вчера говорил: к такой работе нужно иметь особую склонность. И потом, это изнурительный труд. Я уверена, есть много специальностей, где ты могла бы проявить себя лучше.

– Какие, например?

– Может быть, тебе поучиться заочно? – предлагает мать. – Выбрать интересные курсы? Хотя бы итальянский язык или историю искусств? Я знаю, ты не хочешь в школу домоводства, но в Лунде, между прочим, есть прекрасное заведение такого профиля.

– Нет, я хочу работать в медицине.

– Ну, зачем так упрямиться, Анна? – вздыхает Ингрид. – Не усложняй и без того сложную жизнь. Куда разумнее выбрать специальность, которая обеспечит тебе правильный круг общения. Старшая дочка Хедбергов устроилась секретарем директора банка в Мальмё. Маргарета говорит, она в полном восторге от работы. Слушай, ведь в Хермудсе^[2] есть курсы секретарей?

Анна съеживается. Ей очень хочется возразить и объяснить, что вопреки мнению родителей она со многим справится, но по непонятной причине не может вымолвить ни единого слова.

– Я закажу у них свежий каталог, – с энтузиазмом продолжает Ингрид. – Кстати, я еще кое о чем хотела с тобой поговорить.

– О чем же?

– Мы пригласили на ужин семью Рунстрём. – Мать умолкает, будто ожидая реакции Анны, но, не дождавшись, продолжает: – Ты же помнишь Аксея Рунстрёма? Вы так хорошо общались с ним раньше.

– Мы играли в крокет. В детстве.

– Ну да. Думаю, он уже тогда был влюблен в тебя.

– И что вы, матушка, хотите этим сказать?

– Да ничего особенного. Просто приятно будет вновь с ними увидеться. Элоиза написала, что Георг – помнишь, отец Аксея? – открывает бизнес в Америке. Похоже, они раздумывают, не поселиться ли им там на какое-то время. Вот ведь приключение! Я всегда мечтала посмотреть Нью-Йорк.

– Дай-ка попробую угадать, – произносит Анна, чувствуя, как внезапная злость придает ей новые силы. – Акселю в перспективе уготовлена должность руководителя этой компании, но Элоиза и Георг хотели бы, чтобы прежде он женился, создал семью.

Ингрид теревит ожерелье:

– Тебе должно бы льстить, что в связи с этим они думают о тебе.

– Матушка полагает, они позволят мне самостоятельно выбрать подвенечное платье? В таком случае я выбираю сатин-дюшес с длинным шлейфом.

– Ну зачем так злиться? Никто не заставит тебя идти под венец против воли, – вздыхает мать. – Я знаю, что ты хочешь выйти из-под опеки и глотнуть самостоятельности, но мне бы так хотелось, чтобы ты выслушала меня. Когда-то я тоже была молоденькой мечтательной девушкой, но очень скоро осознала: большой мир не соответствует моим ожиданиям. Ничто в этой жизни не принесло мне большего счастья, чем роль матери и супруги. Я благодарна судьбе за то, что встретила твоего отца и смогла построить с ним совместную жизнь.

– Я никогда и не говорила, что не хочу замуж, но дайте мне вначале немного пожить для себя!

– Да пожалуйста. Ну что плохого, если ты вновь встретишься с Акселем? – продолжает Ингрид. – Как знать, может быть, встреча даже окажется приятной?

– О да, конечно, – бурчит себе под нос Анна. – Мне можно идти?

– Ты же почти ничего не ела, – обеспокоенно замечает мать. – Съешь еще яйцо.

– У меня аппетит пропал.

– Это все твоя простуда.

– Я не больна, – тихо отвечает Анна.

– Что ты сказала?

– Да так, ничего. Пойду в сад – почитаю.

– Конечно, – кивает Ингрид. – Только набрось что-нибудь теплое. Может быть, спросим вечером у отца, нельзя ли нам сшить платье к ужину с Рунстрёмами.

– Сшить? А когда они придут-то?

– Только через пару недель, к сожалению. Они сейчас в Стокгольме.

– Где же им еще быть? – вздыхает Анна. – Все в Стокгольме, только меня там нет.

Анна удаляется в укромный угол сада, где стоит каменная скамья и начинается небольшая роща. Скамья расположена в стороне, ее не видно ни с веранды, ни из оранжереи, и девушку здесь обычно никто не беспокоит. Она открывает книгу, кладет на колени и углубляется в описание первой встречи главных героев – Кэтрин и Фредерика. Внезапно у нее за спиной раздается шорох листьев, и Анна оборачивается.

– Привет, – здороваются с ней Лúка, пробираясь между кустами. – Не испугал тебя?

– Нет, – настороженно отвечает Анна. Она удивлена: с чего это он вдруг решил, будто ей хочется видеть его вновь?

– Просто хотел убедиться, что ты благополучно добралась до дома, – объясняет он. – И что тебе лучше.

– Лучше, – коротко отвечает она.

Лúка улыбается и кивает в сторону книги.

– Что читаешь?

– «Прощай, оружие» Хемингуэя.

– Хемингуэй, – повторяет Лúка. – Он ведь из Штатов, да?

– Да, правильно.

– И о чем книжка?

– Об американце, который вступает добровольцем в ряды итальянской армии во время Великой войны. Он знакомится с английской медсестрой, и они... влюбляются друг в друга. – Анна чувствует, что краснеет, и опускает взгляд.

– Хорошо написана?

– Да, я уже читала ее. Может, хочешь прочесть? – предлагает она из вежливости, но в ту же секунду жалеет о сказанном.

– С удовольствием, – серьезным тоном отвечает молодой человек. – Я мало читаю на шведском, мне надо больше практиковаться.

Повисает молчание, Лúка чертит носком ботинка круг на гравийной дорожке. Он переделся в рубашку понаряднее и начистил кожаные ботинки, хотя все равно видно, что они потертые. – Мне пора обратно. Надо косить ботву осеннего картофеля, – говорит юноша.

Анна колеблется. В каком-то смысле хорошо, если он уйдет. А то родители, увидев их вместе, запретят ей, чего доброго, выходить одной из дома. Но в то же время надо убедиться, что Лúка не разболтает никому о том, что произошло на утесе. Мало ли, слухи поползут по деревне? Ей и без того проблем хватает.

– Если, конечно, не захочешь составить мне компанию, – продолжает он. – Я бы показал тебе лисью нору.

Их взгляды встречаются, и Анну охватывает дрожь. Как бы ни раздражала его прямота, что-то в Лúке притягивает ее. Но, конечно же, она не может пойти с ним. Это было бы совсем неприлично.

Пару долгих мгновений они смотрят друг на друга, пока из глубины сада не доносится громкий голос.

– Анна! – кричит Ингрид. – Где ты? Подойди ко мне, пожалуйста!

– Это мать, – говорит она и встает с места.

– Понимаю, тебе пора.

Анна бросает взгляд в сторону дома, потом с вызовом оборачивается к Лúке. Вспоминает обо всем, что случилось в последние дни: с какой легкостью родители нарушили обещание, оставив ее в деревне, и как на нее нахлынуло отчаяние там, на утесе. Вся жизнь перевернулась, а ее никто даже выслушать не готов. Мать с отцом не понимают, каково это, когда рушатся твои мечты. При таких обстоятельствах имеет же она по крайней мере право самой решать, с кем общаться?

– Я никогда не видела лисьей норы, – лукавит Анна. – Только нам надо поторопиться.

– Конечно, – отвечает с улыбкой Лúка.

Пока Анна идет следом за Лúкой в лес, ее переполняет совершенно особое чувство. Она знает, что не следует оставаться наедине с незнакомым мужчиной, но нарушение запрета дает ощущение свободы, а этого так не хватает. Вдобавок девушку забавляет мысль о том, в какой ужас пришла бы мать, увидев ее в *неподобающей* компании.

Густая листва сплетает над ними крышу. На ясном голубом небе светит солнце, и его лучи, просачиваясь сквозь листья, образуют на земле пятнистый узор. Лúка ведет Анну через лес к упавшему дереву.

– Вот, отсюда будет хорошо видно.

Присев на ствол, Анна смотрит в сторону маленького холмика, на который показывает юноша:

– Я ничего не вижу.

– Они еще не вышли, – объясняет он, присаживаясь на корточки рядом. – Надо подождать.

Лúка безотрывно смотрит на нору. Кажется, Анне раньше не приходилось встречать людей с такими темными кудрями. Блестящие непослушные волосы лежат густой копной, и девушка задумывается, какие они на ощупь. Потом вспоминает вчерашнее происшествие на краю обрыва.

– Мне надо кое-что сказать тебе, – бормочет она. – О вчерашнем происшествии на утесе.

– Когда ты чуть не сорвалась, – заканчивает он фразу.

– Да. Но это моя ошибка. Я переволновалась, проявила неосторожность и оказалась слишком близко к краю обрыва. Буду признательна, если ты никому не расскажешь об этом.

Глянув искоса на Анну, Лúка прикладывает палец к губам:

– Можешь на меня положиться, буду молчать.

– Спасибо, – благодарит его девушка и думает, что теперь вопрос решен и ей больше не обязательно встречаться с Лúкой.

Он поднимает руку, и Анна следует взглядом за его пальцами.

– Посмотри, – шепчет он. – Вон они.

Наклонившись ближе, Анна видит, как из дыры в земле выскакивают три лисенка. Серые пушистые комочки с белыми кончиками хвостов игриво толкают друг друга.

– Совсем крошечные, – говорит она.

– В Италии мы называем их «вольпе»^[3]. Очень похоже на шведское слово «валъп»^[4] – щенок.

– «Вольпе», – повторяет за ним Анна. – Я всегда мечтала выучить итальянский.

– Красивый язык, – одобрительно соглашается Лúка. – Если захочешь, я с удовольствием научу тебя.

Анна улыбается. Какая нелепица. Чтобы какой-то работяга давал ей уроки итальянского?

– А можно спросить, почему ты покинул родину? Кажется, Италия – замечательная страна! В этом романе они живут в такой милой горной деревушке.

– Это долгая история.

– Я не тороплюсь, – уверяет его она. – Чем дольше мне удастся избежать общества матери, тем лучше.

Лúка смеется, но на глаза ложится тень.

– Мой отец – его звали Маттео – был журналистом. Он писал о коррупции в нашей стране. Папа всегда говорил, что всех лидеров надо контролировать, потому что ни один человек, облеченный властью, не избежит морального разложения. Рано или поздно все они теряют совесть.

Анна ждет продолжения, но Лúка молчит, и в конце концов ее терпение заканчивается.

– С ним что-то случилось? – тихо спрашивает она.

– Его расстреляли люди Муссолини. Пять лет прошло с тех пор, – говорит Лúка, опустив взгляд. – А кажется, будто было вчера.

– Это ужасно.

– Поэтому мы и приехали сюда, – кивает он. – Папа был знаком с сотрудником Шведского института в Риме. Он рассказывал, что Швеция – хорошая страна с социалистическим укладом. Что здесь можно доверять людям и, если много трудиться, нам позволят остаться. Мы с мамой и младшей сестрой Франческой хотели уехать как можно дальше от фашистов, – добавляет он.

– Значит, ты здесь с семьей?

– Да, – улыбается он.

Анна поворачивается лицом к солнцу. Как бы ни была печальна история, только что рассказанная Лúкой, она рада, что юноша поделился с ней. Анна привыкла, что ее отгораживают от действительности. Поскольку родители всегда чрезмерно оберегали дочь, она достаточно рано научилась тайком брать у отца газеты и читать их, если хотела узнать правду о том, что происходит в мире.

– Теперь твоя очередь, – объявляет Лúка. – Рассказывай, из-за чего ты так расстроилась.

– Трудно объяснить.

– Я не тороплюсь, – передразнивает он девушку.

Анна пристально рассматривает еловую шишку под ногами.

– Думаю, из-за того, что все сложилось не так, как я надеялась.

– Вот как. И на что же ты надеялась?

– Вернуться домой, в Стокгольм. Обычно мы приезжаем в Хиллесгорден только на лето, но теперь мои родители решили остаться здесь до конца войны. Они полагают, что в Сконе жить безопаснее.

– Тебе здесь не нравится?

– Все мои друзья остались в Стокгольме, – начинает заводиться Анна. – Я здесь практически никого не знаю. А еще меня зачислили на курсы медсестер. Я хочу работать, помогая другим.

– Как героиня той книги, – замечает Лúка с улыбкой на лице. – По-моему, прекрасная идея.

– Мои родители думают иначе, – вздыхает Анна.

Лу́ка берет палку и начинает чертить ею по земле.

– Я тоже хочу получить образование. Хочу изучать политологию и стать журналистом, как отец.

– И почему ты не учишься?

– Не могу же я бросить маму с Франческой. Я батрачу на здешних хуторах, живем на мои заработки, и они не справятся одни, если я уеду. Да и мой шведский пока оставляет желать лучшего.

У Анны от волнения перехватывает горло. Непонятно почему, но внезапно ей захотелось рассказать Лу́ке обо всем.

– Думаю, отец предпочел бы, чтобы я вышла замуж. Он считает, что женщины – по крайней мере, в его семье, – вообще не должны работать.

– Похоже, мы оба с тобой в ловушке – каждый в своей.

– Похоже, что так.

Подцепив палкой упавший лист, Лу́ка отшвыривает его в сторону.

– А чем занимается твой отец? – интересуется он.

Анна выпрямляет спину. Зачем ему это? Сразу приходит осознание, насколько непристойна вся их беседа. Она не знает Лу́ку, а даже если бы и знала, девушке не подобает находиться наедине с молодым человеком среди леса.

– Мне пора, а то мать позвонит в полицию, и меня начнут искать, – говорит Анна, поднимаясь.

Лу́ка понимающе улыбается, и на его золотисто-смуглой коже проступают ямочки.

– Если опять захочешь смыться из дома, я найду еще зверюшек, чтобы показать тебе.

– Спасибо, буду иметь в виду.

По пути домой Анна клянет себя за откровенность. Не надо было рассказывать незнакомцу о своей семье, но Лу́ка так расположил ее, что захотелось открыться. Он кажется таким добрым и бесхитростным – совсем не похож на молодых людей, с которыми она привыкла общаться. Они никогда ничего не делают от чистого сердца.

Анна вспоминает свою лучшую подругу Сив, и все сжимается внутри от тоски по дому. Та посмеялась бы от души, узнав, что она пошла за батраком в лес посмотреть на лисью нору. Ведь Сив считает, что, если у парня нет студенческой фуражки, он не достоин того, чтобы

с ним танцевали. Как бы Анне ни было приятно общество Лúки, они с ним из разных миров.

Она пинает камешек, который пару раз отскакивает от дорожки и исчезает в высокой траве. Единственный плюс деревенской жизни – это то, что мать с отцом не очень беспокоятся о том, что она делает днем. Здесь у нее больше свободы, чем дома, в Стокгольме: ей разрешают гулять по взморью и ездить на велосипеде в Хельсингборг, когда захочется. Пока она прилежно учится, готовится к урокам игры на фортепиано, вовремя приходит на занятия танцами и возвращается домой к ужину, они ее не трогают, и Анна разумно полагает, что эту свободу надо ценить. Но в то же время ей кажется, будто пока она живет в Сконе, жизнь проходит мимо.

Родительские слова о том, что она не сможет стать медсестрой, застряли в сознании и постоянно гложут – Анна думает, как переубедить мать с отцом. Ничего скучнее работы секретаря представить себе невозможно. С тех пор как в газете ей попала статья о солдате, лишившемся обеих ног, девушку переполняет страстное желание помогать другим. Если бы только она могла быть рядом и держать беднягу за руку, ситуация, в которой он оказался, стала бы чуть менее ужасной. С какой это стати, скажите на милость, Анна должна работать на какого-там директора, когда у нее есть реальная возможность помогать людям, заботясь о больных и раненых?

Впереди в отдалении возвышается имение. Оно спрятано в тени деревьев, и от этого кирпичные стены выглядят мрачными, несмотря на разливающийся вокруг солнечный свет. Огораживающая переднюю часть сада стена заросла хмелем и фаллопией, дорожка к дому вымощена большими каменными плитами с неровными углами. Дом выглядит старомодно, словно реликвия ушедшей эпохи.

Анна чувствует, как что-то сжимается в груди. Каждый раз, когда она подходит к Хиллесгордену, кажется, будто на шею накидывают аркан. В этом доме душно, Анне претит находиться так далеко от всего, что ей дорого. Но как заставить родителей понять это? Отец любит старое родовое поместье. Дома, в городской квартире, у него даже есть фотография имения в рамке.

Девушка вздыхает. Долго она здесь не выдержит. Как угодно, но ей надо вернуться в Стокгольм. Только вот как?

Глава 7

Апрель 2007 года

Мать Ребекки усаживается на высокий табурет у кухонного стола и сцепляет руки замком прямо перед собой. Сосредоточенный вид матери заставляет девушку нервничать, она возится с мерной ложкой для кофе и рассыпает порошок, при этом не переставая болтать обо всем подряд. Ты знала, что Герда продала свое имение? Там поселилась молодая пара. Я только хозяйина видела, но он показался мне не очень-то любезным. А еще бабушка завела кошку – вот уж никогда бы не подумала, что она на такое способна. Кстати, похоже, что автобусы теперь ходят сюда реже. Я сто лет прождала.

Продолжая говорить, Ребекка достает и ставит на стол две кофейные чашки и пачку крекеров, но маминого взгляда избегает. В конце концов она не находит новых тем для разговора и присаживается напротив матери.

– Значит, тебе наконец дали отпуск на работе?

Материнский голос звучит строго, поэтому Ребекка в ответ лишь кивает. Удобная ложь для них обеих: мол, дочь редко приезжает в Сконе потому, что без нее никак не могут обойтись на работе.

– Да, бабушке очень нужна была помощь. Мне кажется, ей уже трудно справляться одной.

– Этот дом совершенно не приспособлен для старого человека, – замечает Камилла, оглядываясь вокруг.

– Да, и это еще при том, что я попыталась убраться.

Мать кивает:

– С Йуаром все в порядке?

Ребекка косится на оловянную чашку, в которую положила подаренное им при помолвке кольцо, чтобы не повредить, пока будет заниматься ремонтом и уборкой. Будь у них с матерью нормальные отношения, она бы, наверное, с радостью показала его.

– Да, все хорошо.

– Но он не смог приехать с тобой из-за работы?

Ребекка с трудом сдерживает вздох. Мать виделась с Йуаром всего один раз четыре года назад, и то знакомство точно нельзя назвать удачным. Они встретились в ресторане «Кладовая Ульсона» на

Мариаторьет в Хельсингборге, чтобы пообедать вместе, но его вызвали по работе еще до того, как подали еду. Полиция задержала одного из важнейших клиентов конторы, где он работал, и Йуару пришлось срочно умчаться на поезде в Стокгольм. С маминой точки зрения, этот эпизод стал лишь еще одним доказательством того, что Йуар Ребекке не подходит, и с тех пор дочь чувствовала себя обязанной защищать их отношения перед ней.

– Нет, он готовится к важному процессу, но очень хочет приехать сюда снова.

Кофеварка пыхтит, возвещая, что кофе готов, и Ребекка спешит снять кофейник. Не спуская глаз с чашки, она сосредоточенно наливает Камилле дымящийся напиток, пока вокруг клубятся маленькие завитки пара.

– А как твоя работа – по-прежнему нравится?

– Да, – быстро отвечает дочь, – очень.

– Несмотря на то что приходится так вкалывать?

На Ребекку давит жесткость в голосе Камиллы, и она нервничает. Ее настигают подростковые воспоминания: сколько раз дочь пыталась тогда достучаться до матери? Ребекка нуждалась в помощи, чтобы справиться с вызовами окружавшей ее действительности, а мать вместо этого выдвигала ей требования и ставила под сомнение каждый шаг дочери. Как хочется выкрикнуть, что мать не заслужила право комментировать ее жизнь! Но она только вжимается в стул. Начинает покалывать кожу над запястьем, и по всей внутренней стороне руки растекается зуд. Ребекка одергивает рукав рубашки и незаметно чешет руку.

– Да. Кстати, когда собираешься навестить бабушку?

Камилла стискивает в руках чашку и качает головой.

– Ты же знаешь, что ничего хорошего из этого не выйдет. Только опять разругаемся, – добавляет она.

– Неужели ты все еще злишься на нее? Чем она провинилась – тем, что мне помогала?

– Нет, все намного сложнее, – говорит Камилла, смахивая с брюк невидимую пылинку.

– Ты сама выбираешь, как к ней относиться, но могла бы уже и простить, – бормочет Ребекка, продолжая скрести руку через ткань рубашки. Она так многое хотела бы высказать матери, так много

накипело внутри, но сформулировать свои мысли трудно. – Радовалась бы лучше, что мне было куда податься, когда становилось совсем невмоготу. Было к кому обратиться.

– Ребекка... – укоризненно произносит мать.

– А что, собственно? Ты считаешь нормальным не навещать свою собственную мать, когда та попала в больницу?

Камилла встает.

– Спасибо за кофе, – произносит она, натужно улыбаясь. – Рада была повидать тебя. Если захочешь еще встретиться до отъезда, всегда можешь зайти. Мои двери для тебя открыты.

Она выходит в сад и берет велосипед. Привычным движением складывает подножку, с силой нажимает педаль, не присев на седло, и уезжает прочь.

Когда мать скрывается из вида, девушка сдергивает с себя рубашку и яростно расчесывает зудящую кожу. Она расцарапывает шрамы, скребет, пока не появляются красные отметины, но вспыхнувшее в душе беспокойство от этого не затихает. Что бы Ребекка ни делала, встреча с матерью всегда заканчивается поражением. Кажется, любой их разговор перерастает в конфликт. А ведь Ребекке страстно хочется наладить отношения, чтобы мать научилась видеть в ней не только одни недостатки. Никто, кроме Камиллы, не может заставить ее почувствовать себя такой маленькой и ущербной.

Девушка закрывает лицо руками. Вспоминает тот день в одном из средних классов, когда она пришла домой из школы, неся свой новый дутый пуховик в полиэтиленовом пакете. Два парня из класса засунули его в унитаз, и ей пришлось опустить руку в грязную жижу, чтобы вытащить обновку. Ребекка не могла объяснить матери, что произошло, как бы ей этого ни хотелось. Рассказывать было слишком унижительно. И все равно она надеялась: мать поймет, что пуховик испорчен не по ее вине, заметит, как расстроилась Ребекка, обнимет и утешит дочь. Но, увидев промокшую насквозь куртку в мешке, мама взорвалась от злости и закричала, что с вещами надо обращаться осторожно, куртки стоят дорого и на новую денег не хватит.

Терзаясь воспоминаниями, Ребекка подходит к кладовой, достает бутылку вина, ставит на кухонную столешницу и долго рассматривает. Знает прекрасно, что пить не надо, но в ней ноет потребность приглушить разливающуюся тревогу, и потом, разве может навредить

один маленький стаканчик? В конце концов она срывает бант, откупоривает бутылку и наполняет кофейную чашку вином. Пьет жадными глотками, стараясь смыть тревогу, но ничего не выходит.

Спустя столько лет Ребекке по-прежнему трудно выстроить отношения с матерью. Ну как такое возможно? Разве она недостаточно взрослая, чтобы пренебречь тем, что было? Ребекка совсем не хочет застревать в прошлом, при каждой новой встрече становясь заложницей своих чувств.

Прихватив с собой кружку, девушка собирается сесть за стол, как вдруг в окне показывается кошка. С громким мяуканьем она прижимается к оконному стеклу. К своему удивлению, девушка рада ее возвращению. Она достает баночку с кошачьей едой, выходит на лестницу и наполняет миску. Потом садится на корточки и осторожно протягивает руку.

– Привет, – говорит она. – Значит, ты – Скарлетт?

Кошка обходит Ребекку по кругу, не встречаясь с ней взглядом и держась на безопасном расстоянии, так что погладить ее не удастся. В конце концов Скарлетт приближается к миске и берет первый кусочек корма.

– Понимаю, – замечает Ребекка. – Ты не доверяешь людям. Похоже, тебе тоже пришлось через многое пройти.

Она медленно поднимается, чтобы не спугнуть Скарлетт, и возвращается в дом. На столике в прихожей лежит ее мобильный. Ребекка несколько раз за день набирала номер Йуара – он не отвечает, поэтому, вместо того чтобы повторять попытку, она открывает почтовое приложение. Сердце тяжело бьется, пока крутится колесико и подгружаются новые сообщения. Когда почтовый ящик обновился, девушка видит, что Биргитта тоже ей ничего не написала. Она разочарованно откладывает телефон в сторону. О том, что Йуар занят, ей известно, но начальница-то почему не отвечает? Уж не хочет ли компания, воспользовавшись ситуацией, избавиться от нее?

Ребекку захлестывает волна стыда. Она так боролась за то, чтобы идти своим путем, а теперь сомневается, правильный ли сделала выбор. Может быть, глупо было полностью посвящать себя работе? Совершенно очевидно, что Ребекка не так важна компании, как компания для Ребекки. Она устало трет глаза. На сегодня с нее хватит. Пора сделать перерыв.

Найденная фотография вновь притягивает ее мысли, девушка выходит в прихожую и достает карточку из кармана куртки. Потом идет в бабушкину спальню за полосатой картонкой, возвращается, ставит ее на кухонную столешницу и с чувством благоговения поднимает крышку.

Бумага шуршит от прикосновения, когда Ребекка достает пачку писем, перетянутых синей бархатной лентой, и развязывает элегантный бант.

Письма датированы 1943 годом, подписаны некой Сив и адресованы бабушке Ребекки. Похоже, она жила тогда в каком-то Хиллесгордене, расположенном в Глумслёве, – это местечко в нескольких десятках километров к югу от Хельсингборга.

Ребекка быстро просматривает письмо, написанное в июле. Сив рассказывает, что проводит дни, плавая на озере Меларен и навещая тетю Рут в Стрэнгнесе, а в завершение пишет, что очень скучает по Анне. Тон письма до смешного формален, хотя они, похоже, дружили.

Ребекка улыбается. Очень увлекательно заглянуть в бабушкино прошлое и попытаться понять, каким человеком она была в молодости. Сив описывает все, чем она хочет заняться с Анной, когда та вернется домой: ходить вместе на танцы и в кинотеатр «Сага» на Кунгсгатан, есть пирожные в «Кондитерской Сундбергов».

Девушка перебирает конверты и находит наконец одно письмо, написанное бабушкой. Оно адресовано Сив, но дата не указана, и письмо внезапно обрывается в середине предложения. Ребекка медленно разбирает витиеватый почерк.

Любезная Сив, мой самый дорогой друг!

Я вынуждена просить тебя о большом одолжении. Поскольку я подчиняюсь воле матери, все случившееся в последние недели нужно забыть. Прошу тебя не распространяться о рассказанном мною и уничтожить мои письма. Следов случившегося остаться не должно. С учетом обстоятельств ты, конечно же, понимаешь, насколько это щекотливый вопрос, поэтому, пожалуйста, не говори никому о...

Ребекка уставилась на лист бумаги. За последним словом стояла жирная клякса, будто бабушку резко оторвали от письма.

Девушка откидывается на спинку стула; ей никогда в жизни не представить себе, что за страшная тайна заставила бабушку просить Сив уничтожить письма.

Она осторожно берет в руки фотокарточку и внимательно рассматривает ее, потом убирает обратно в жестяную коробку из-под печенья бискотти. Жестянка старая, с царапинами и пятнами ржавчины вдоль краев. На ней есть вмятины, и синяя краска кое-где откололась, но все равно выглядит красиво. Лúка Кавалли – похоже, итальянское имя. Интересно, может, он как-то связан с этой жестянкой?

Немного поколебавшись, Ребекка открывает дневник и еще раз смотрит на даты. Думает, что могло быть общего у Швеции и Италии во время Второй мировой войны. По словам Анны, она встретила Лúку в молодости, и внучка пытается высчитать, когда бабушка вышла замуж за дедушку. Ее мать родилась в июне 1944 года, значит, с Лúкой она познакомилась до замужества. Ребекка пытается поискать информацию о нем в интернете, открыв свой ноутбук. Вбивает сочетание: «Лúка Кавалли» и «1943 год», но результатов слишком много – все не просмотреть.

Девушка аккуратно перелистывает тонкие страницы дневника. Можно ли прочитать бабушкины записи? Она почти ничего не знает про историю своей семьи, да и бабушкина реакция вызвала у нее любопытство. Если Лúка итальянец, тогда где и как они встретились и почему бабушка так разволновалась, увидев его фотокарточку?

Ребекка достает белый носовой платок с голубой каймой и ощупывает мягкую ткань. Перевернув его, замечает монограмму. Под волнистой голубой линией красуются три буквы: ЭТР.

Сочетание букв кажется знакомым, но Ребекке не удается вспомнить, где оно ей попадалось. В интернете она находит статью об «Электротоварах Рунстрёма» – предприятии, основанном в 1920-е годы, а в 1967 году приобретенном международным концерном. Девушка вновь смотрит на носовой платок. ЭТР. Что-то отзывается в отдаленных закоулках памяти, но, как бы Ребекка ни старалась, она не может понять, где раньше слышала это название.

Глава 8

Сентябрь 1943 года

Анна едет на велосипеде по улице Сёдергатан в Хельсингборге. В корзине лежит стопка книг, только что купленных в книжном магазине Чильберга на площади Стурторьет; девушку пьянит ощущение свободы, пока ее красный «кресцент» мчится вперед, подсакивая на булыжниках мостовой.

День пасмурный. С моря дует холодный ветер, и Анна радуется, что поверх платья надела вязаный свитер. На площади Густава Адольфа собрался народ – она с любопытством поглядывает в их сторону.

Когда перед ней внезапно появился Лúка, девушку качнуло, и она наткнулась на бордюр. Велосипед кренится, и Анна чуть не падает. Лúка стремглав бросается к ней, успев схватить руль.

– Все хорошо?

– Да, нормально, – смущенно бормочет она.

Лúка с улыбкой кивает на корзинку:

– Новые книги?

– Да, я дочитала Хемингуэя.

– «Комната с видом», – читает Лúка. – О чем она?

– О девушке Люси, которая посещает Флоренцию со своей тетей.

– Опять Италия.

Анна в растерянности встречается взглядом с Лúкой. Уж не думает ли парень, что она выбрала эту книгу из-за него?

– Я так хочу туда поехать, – объясняет девушка. – Наши друзья живут у самой Пьяцца Дуомо.

– У собора Санта-Мария-дель-Фьоре?

– Точно. Если бы не война, я бы уехала туда изучать итальянский.

Пару лет назад у них гостил мой брат, и с тех пор, как он вернулся домой и рассказал о своих впечатлениях, я мечтаю съездить во Флоренцию. А ты из какого региона Италии? – с интересом спрашивает она.

– Из Болоньи. Это не так далеко от Флоренции. Я бывал во Флоренции, видел «Давида» Микеланджело и картины Боттичелли. Ты

знаешь *Nascita di Venere*? Я, к сожалению, не знаю названия на шведском.

– «Рождение Венеры»?

– Да, – кивает он в ответ. – Она волшебна. Когда стоишь перед ней, невозможно глаз оторвать. – Лука делает импульсивный жест рукой, и глаза его начинают светиться.

Анна улыбается. Ее удивляет, как он говорит об искусстве. Она не ожидала от батрака такого глубокого интереса к живописи и скульптуре.

Со стороны того места, где собрался народ, доносится грохот, и они оборачиваются. Раздающийся звук похож на удары ногой по уличному фонарю, но Анне ничего не видно – только море человеческих спин.

– Пойдем, – говорит Лука. – Посмотрим, что там происходит.

Он направляется к церкви, Анна идет следом. Когда они подходят ближе, она видит мужчину, стоящего на перевернутом вверх дном деревянном ящике, – полного, в коричневом костюме и с прилизанными волосами.

– Им здесь не место, – говорит митингующий и грозит кулаком. – Они принадлежат другой расе, это очевидно. Шведы – один из древнейших народов мира, а господин Ханссон пускает сюда иностранцев, которые крадут наши рабочие места. Нечего потом удивляться росту безработицы.

Анна с велосипедом встает в сторонке. Мужчина ей незнаком, но что-то сжимается внутри от его слов.

– И что же нам делать? – спрашивает женщина в сиреневой шляпке.

Политик убирает со лба челку:

– Голосуйте за меня, Ингве Хельберга, и я добьюсь, чтобы у нас была страна, какую мы заслужили.

В воздухе ощущается напряжение, молодой блондин в синей рубашке начинает раздавать листовки, и по собравшейся толпе пробегает ропот.

– Здесь адрес канцелярии нашей партии, – выкрикивает молодой человек. – Записывайте всех евреев и коммунистов, на которых наткнетесь, и отправляйте списки нам.

– Только я смогу помочь вам избавиться от этого сброда, – объясняет Ингве Хельберг. – Я не позволю безбожникам и красной сволочи разрушить нашу родину!

Анна смотрит на молодого человека с листовками. Она знаком ей: это Юн, старший сын хозяев соседнего хутора, он обычно помогает им с заготовкой сена. Анна не раз слышала, как он громко ругается со своими родственниками, швыряет в братьев чем попало и матерится, если кто-нибудь неправильно погрузит сено на телегу. Однажды она видела, как Юн замахнулся на собственную мать. Девушка была уверена, что та получит от сына пощечину, но он опустил руку, заметив, что за ними наблюдают. Тогда ничего не произошло, но она до сих пор помнит искры злобы в глазах парня.

Придерживая велосипед, Анна пытается пробраться вперед, но на ее пути толпа народа. Оглядываясь в поисках Лúки, она замечает, что он уже протиснулся в центр.

– А разве мы не обязаны помогать тем, кто спасается бегством от господина Гитлера? – громко спрашивает Лúка.

Лицо стоящего на деревянном ящике политика приобретает насмешливое выражение.

– Ты же папист, какое тебе дело до евреев?

Лúка оглядывается по сторонам:

– Мне до всех людей есть дело.

– В таком случае можешь возвращаться туда, откуда приехал, и не суй свой нос в дела другого народа, – ответил ему политик.

В толпе на площади раздаются смешки. К Лúке, скрестив руки, подходит Юн. Широкоплечий хуторянин нависает над итальянцем.

– Пошел отсюда, – шипит он.

Анну передергивает от неприязни, и она расталкивает народ велосипедом, чтобы подойти ближе к Лúке.

– Пойдем, – зовет она его, дергая за рукав.

Долгое мгновение Лúка стоит, встретившись взглядом с Юном, потом поворачивается к Анне.

– Я сяду на автобус, но могу пройти с тобой немного вдоль дороги, – говорит он, кивая в сторону моря.

Выбравшись из толпы, они идут быстрым шагом к дороге Ландскрунавэген, ведущей обратно в Глумслёв. Судя по его виду, Лúку переполняет злость. Анна теряется, не зная, что сказать в такой

ситуации, и, когда итальянец наконец останавливается, напряженно смотрит на него.

– *Avere la facciada pesce lesso.*

– Что это значит?

– Что у этого мужчины лицо, как у вареной рыбы, – объясняет он.

Анна пристально смотрит на Лúку, но, когда он расплывается в улыбке, прыскает от смеха.

– Я думала, ты страшно разозлился.

– Так и есть, – замечает он. – Ненавижу нацистов. Это они развязали войну. Но если расстраиваться из-за каждого идиота, жизнь станет ужасно грустной.

Анна грустно усмехается. Думает, как бы отреагировал Лúка, если бы узнал, что ее отец заключает сделки с немецким правительством.

– А ты уверен, что всему виною Гитлер? Я хочу сказать: Советский Союз разве не менее опасен?

– Опасность представляют все, кто хочет властвовать над другими, – тихо произнес он. – Но я слышал ужасные вещи о том, что происходит в Германии. Они терроризируют евреев, там есть лагеря, где людей истязают до смерти. Война пробуждает в нас худшее, и Гитлер – *coglione*^[5], совсем как Муссолини, – говорит Лúка.

– Когли-кто?

– Да так, неважно.

Анна выпрямляет спину. Рассуждения Лúки заставляют ее взглянуть на мир по-новому.

– Почему ты не можешь научить меня?

– Научить тебя чему?

– Ну, итальянскому, естественно. Я тоже хочу уметь так ругаться.

Лúка грозит ей указательным пальцем:

– Никаких непристойностей, пока не научишься красивым словам.

– *Pesce lesso*^[6], – дразнит его Анна.

– От этого у меня только аппетит просыпается, – смеется Лúка, потом внезапно становится серьезным.

– *Le cose belle arrivano quando non le cerchi*^[7].

Анна изо всех сил старается повторить сказанное Лúкой:

– *Le cose belle...*

– *Arrivano quando non le cerchi*, – терпеливо повторяет молодой человек.

– Arrivano quando non le cerchi. Звучит красиво. Что это означает?

– Прекрасное приходит в нашу жизнь, когда мы меньше всего этого ждем, – говорит Лúка, глядя ей прямо в глаза. Анна чувствует, как у нее начинают гореть щеки.

– Мне пора домой, – быстро выпаливает она.

– Конечно.

Она садится в седло и отталкивается.

– Если ты научишь меня итальянскому, может быть, я могла бы побольше рассказать тебе о Швеции? – кричит Анна через плечо.

– Va bene allora ^[8], – доносится до нее ответ Лúки.

На повороте она осторожно поворачивает голову назад и смотрит на Лúку, идущего в тридцати метрах от нее. Анна знает, что он не относится к типу людей, с которыми ей следует общаться, но чем чаще она его встречает, тем больше ей нравится с ним разговаривать. К тому же других друзей у нее здесь нет. Да и кто может лучше научить итальянскому, если не итальянец? Это даже родители должны понимать.

Глава 9

Апрель 2007 года

Ребекка просыпается без будильника в половине шестого и с удивлением смотрит на часы. Впервые за долгое время она проспала всю ночь, ни разу не проснувшись. Дома, в Стокгольме, как бы мало часов ни длился ее сон, Ребекка заставляет себя подниматься ни свет ни заря, чтобы перед работой успеть на пробежку. Поскольку Йуар убежден, что правильные привычки – залог успеха в этой жизни, каждый день они начинают со стакана сока сельдерея и утреннего выпуска новостей, а потом надевают наушники и отправляются бегать.

Девушка берет оставленный на подлокотнике дивана мобильный и просматривает сообщения. Йуар так и не ответил. Скорее всего, он с головой ушел в судебный процесс, но все равно такое длительное молчание кажется ей странным. Неужели он совсем не скучает по ней?

На заре отношений, когда кто-нибудь из них уезжал, они постоянно были на связи. Ребекка вспоминает, как они разговаривали по телефону, одновременно просматривая одну и ту же телепередачу. Помнит, что голос Йуара в телефонной трубке разгонял ощущение одиночества, посещавшее ее в скучных гостиничных номерах. Теперь же они не смотрят одну и ту же передачу, даже когда лежат вместе в одной постели. Йуар всегда лежит в обнимку со своим ноутбуком – работает и смотрит одним глазом какой-нибудь занудный турнир по гольфу или футбольный матч, а работы часто бывает столько, что вечерами они практически не успевают поговорить.

Сквозь жалюзи начинают пробиваться первые лучи солнца, и Ребекка гонит прочь мысли о Йуаре. Он обязательно перезвонит ей, как только будет время. Девушка задумывается, не пробежать ли пару километров? Спина и плечи заостенели, пока она часами сидела на коленях, работая в саду, но, если размять мышцы, должно стать лучше.

В бабушкиной кухне не водятся ни сельдерея, ни соковыжималка, поэтому Ребекка достает бутылку апельсинового сока, который ее жених назвал бы сахарной бомбой, выпивает стакан и зашнуровывает беговые кроссовки.

Несмотря на весну, утренний воздух веет прохладой. Ребекка делает глубокий вдох, втягивая землистый запах открытых полей, и

решает пробежаться до расположенной неподалеку лиственной рощи.

Грунтовка мягко шуршит под ногами, и девушка быстро выбирает комфортный темп. Как это ни удивительно, она чувствует прилив сил. По пути все чаще встречаются дома и фермерские угодья. В некоторых окнах Ребекка успевает уловить любопытные взгляды.

Она делает вид, что не замечает этого, но ее удивляет, как многие выбирают для житья место, где им никогда не удастся сохранить анонимность. В таком маленьком поселке все тайны становятся общим достоянием и от надзора никуда не скрыться.

Возвращаясь назад, девушка замечает силуэт во дворе у Герды и понимает, что это – Арвид. Замедлив темп, проводит рукой по волосам. Может, у него и правда был тяжелый день, когда она приходила к нему знакомиться? В любом случае ссориться с бабушкиным ближайшим соседом совсем ни к чему.

Ребекка машинально натягивает рукава свитера на кулаки и уже собирается поздороваться, как Арвид внезапно поворачивается к ней спиной.

Она останавливается. Конечно, их разделяют всего два десятка метров, но должен же он был заметить ее приближение?

Неужели этот Арвид и вправду настолько неприятный, что специально избегает ее, не желая здороваться?

Девушка делает еще пару неуверенных шагов. Еще не поздно что-нибудь сказать, но слова будто застряли в горле – она ускоряется и делает последний рывок, добегая до бабушкиного дома.

Оказавшись у цели, Ребекка замечает Скарлетт, поджидающую ее у входной двери.

– Привет, – говорит она кошке. – Здорово, что ты помнишь сюда дорогу. Хочешь перекусить?

Кошка смотрит на нее и издает протяжное «мяяуу». Ребекка придерживает открытую дверь на случай, если Скарлетт захочет зайти погреться, но она не двигается с места.

– Ладно, понимаю. Тогда подожди – принесу еду.

Кошка принимается за трапезу сразу, как только девушка ставит перед ней наполненную миску и возвращается в дом. Она жадно заглатывает еду и исчезает. Ребекка наблюдает за ней через окно, раздумывая, где проводит время животное, когда не гостит у бабушки.

Может, навещает хозяйство Герды, чтобы подразнить Арвида с женошкой. Вот и правильно.

Приняв душ и позавтракав, девушка присаживается к кухонной столешнице. Бабушкина большая круглая жестянка не убрана со вчерашнего вечера; взглянув на нее, Ребекка достает ноутбук и печатает в строчке поисковика: «Хиллесгорден». Очень скоро на экране перед ней появляются фотографии поместья, затерявшегося среди холмов Гульмслёва. Оно находится недалеко от Бьёркбаккена, но Ребекка не припомнит, чтобы ей рассказывали об этом огромном доме.

Она в ошеломлении рассматривает фотографии. Неужели бабушка там жила? И почему в таком случае никогда не рассказывала об этом?

Ребекка пробует набрать в поисковике: «Сконе во Вторую мировую войну», но результатов оказывается слишком много. В конце концов она натывается на страницу об истории Хельсингборга, которую запустил некто по имени Карл Перссон. Может, он поможет навести справки о Лúке?

Девушка открывает «Новое сообщение» и быстро печатает:

Здравствуйте!

Меня зовут Ребекка, я пытаюсь найти следы человека, с которым дружила моя бабушка. Его имя – Лúка Кавалли, в конце Второй мировой войны он проживал недалеко от поместья Хиллесгорден в Гульмслёве. Буду благодарна за совет, что предпринять, чтобы найти его.

Она перечитывает письмо. Скорее всего, шансы пролить свет на эту историю с помощью Карла Перссона невелики, но при некотором везении, возможно, Ребекка получит рекомендацию, как ей продолжить поиски.

Подходя к кофеварке за добавкой кофе, девушка замечает какое-то движение в саду. Она перегибается через кухонную столешницу, чтобы рассмотреть повнимательнее. Рябая курица шустро выкапывает растения, посаженные Ребеккой только вчера. Потом она замечает еще одну птицу, которая пытается удержать равновесие, уцепившись за край цветочного ящика, а дальше, в глубине сада, расположилась целая банда кур, клюющих и щиплющих газон. С чего это вдруг бабушкин сад заполонили куры?

Быстро надев ботинки и накинув куртку, Ребекка выходит из дома. Шугает кур, но они только равнодушно смотрят на нее, а потом с кудахтаньем продолжают уничтожать плоды ее труда в саду.

Она в раздражении шагает к соседскому двору. Ну конечно же это Арвид забыл запереть свою птицу. Какая безответственная халатность! С каждым шагом ее волнение усиливается. Мало того, что бабушкин сосед оказался таким неприятным, он еще и о своих курах нормально позаботиться не может. Что за крестьянин, черт возьми?

Дойдя до дома соседа, Ребекка так переволновалась, что ей приходится сделать пару глубоких вдохов перед тем, как постучать в дверь. Стук в дверь отдается эхом через весь дом, но никто не отзывается. После третьей неудачной попытки девушка заглядывает в окно рядом с дверью. С любопытством разглядывает жилище Арвида и Мэнди. В просторной прихожей почти нет мебели, но на стене висит оружейный шкаф с охотничьими винтовками.

От вида оружия настроение у Ребекки портится, но так легко сдаваться она не намерена и, заметив, что дверь в сарай приотворена, шагает к сараю.

Арвид выглядит удивленным, когда Ребекка врывается в его сарай, но все равно продолжает накидывать сено в тачку.

– Привет, – сухо здоровается она. – Твои куры портят мой сад.

– Ты уверена, что это куры?

– Да. Для того, чтобы опознать курицу, вовсе не обязательно жить в деревне.

Арвид пожимает плечами и накидывает еще сена. Его немногословность еще больше раздражает Ребекку.

– Нельзя просто так выпускать кур. А что, если они под машину попадут? Разве ты не обязан о них заботиться?

Арвид отставляет в сторону вилы, берет за ручку тачки и провозит ее так близко от Ребекки, что ей приходится отступить в сторону.

– Этим и занимаюсь.

Девушка выходит следом за ним во двор. Ей непонятно, как можно быть таким невежливым.

– Забери своих проклятых кур, пока они не перепахали мне всю клумбу, – вскидывается она.

– Не могу.

– Почему это не можешь?

– Потому что это – не мои проклятые куры, – рычит он.

Ребекка так удивлена его ответу, что пятится назад. Она непонимающе смотрит на Арвида, пока его хмурый вид не озаряет едва заметная улыбка.

– Здесь нет курятника, – продолжает он, широким жестом показывая на свой двор.

Ребекка озирается вокруг. Откуда ей знать, как выглядит курятник?

– Вот как? – неуверенно произносит девушка.

– Это куры Эгона, – говорит Арвид, показывая на дом, стоящий чуть поодаль на склоне холма.

– Но что они тогда делают в моем саду? – неуверенно спрашивает Ребекка.

– Без понятия, но дыры в твоем заборе вряд ли их остановят.

Арвид исчезает в сарае, а Ребекка косится на двор Эгона. Надо бы пойти туда, но после возникшего недопонимания с Арвидом ее запал испарился. Непонятно, почему каждый разговор с соседом так злит ее. В обычной жизни Ребекка не умеет отстаивать свои права и предпочитает избегать конфликтов, но превосходство, с которым держится Арвид, сводит ее с ума.

К тому моменту, как Ребекка вернулась в бабушкин дом, куры успели удалиться, но клумбы разорены, и на газоне кое-где зияют дыры. Пока она пытается пристроить на место травяные кочки, из-за угла дома, крадучись, выходит Скарлетт.

– А, так это ты их спугнула? – спрашивает Ребекка, присаживаясь на корточки.

Кошка медленно приближается к ней. Маленькие лапки бесшумно семят по земле, Скарлетт обходит вокруг Ребекки и ласково трется о ее ногу.

– Хорошая кошечка, – мурлычет девушка себе под нос, скользя обеими руками по мягкой шерсти. Когда в кармане начинает вибрировать мобильник, она достает его и с облегчением видит, что звонит Йуар.

– Доброе утро!

– Доброе! Как у тебя дела?

– Хорошо, – отвечает Ребекка, продолжая гладить кошку, которая ходит вокруг нее кругами.

– Как бабушка?

– Она все еще в больнице. Скорее всего, пару дней там пробудет, но это нестрашно. Я затеяла ремонт ее дома. Здесь многое надо починить и наладить.

– Вот как? Зачем тебе это?

– Ну как же? Чтобы к бабушкиному возвращению все было красиво и хорошо.

Йуар откашливается. Его голос звучит отстраненно, и Ребекка размышляет, успел ли ее жених добраться до офиса.

– Твоя бабушка уже в довольно преклонном возрасте, – продолжает он. – Ты думаешь, она еще сможет жить в этом доме?

– Конечно, сможет. Это же ее дом, – быстро отвечает Ребекка.

– Ладно, извини, – бормочет Йуар. – Не хотел тебя расстраивать. Просто, возможно, ей пора переехать в дом сопровождаемого проживания. Да и ты, полагаю, могла бы найти себе занятие получше, чем ремонтировать старую развалюху? Я думал, ты попытаешься придумать способ показать Буману, что он ошибся в своем кадровом решении.

– Пытаюсь, – вздыхает Ребекка. – Но пока еще не могу вернуться домой.

– Почему не можешь?

– Здесь много всего нужно устроить. Я пыталась дозвониться до тебя, но ты не отвечал, и я уже сообщила Биргитте, что задержусь здесь на пару дней.

– Хорошо. Но ты ведь вернешься к следующей пятнице, когда мы ужинаем у Лундинов? Там будет все правление – ты знаешь, как важно, чтобы мы пришли вместе, иначе на статус партнера можно не рассчитывать.

– Конечно, – заверяет, успокаивая его, Ребекка. – К тому времени вернусь обязательно. Как, кстати, вчера прошло?

Йуар выдыхает с присвистом.

– Хорошо, – произносит он наконец. – По крайней мере, мне так кажется. Сегодня буду представлять обстоятельства дела.

– Удачи!

– Тебе тоже.

Ребекка убирает мобильник, а Скарлетт, остановившись, трется головой о ее колено. Тогда девушка осторожно касается пальцами

кошачьей шеи и чешет за ухом. Она вспоминает, сколько воды утекло с тех пор, как они с Йуаром стали парой. Переехав в Стокгольм, Ребекка чувствовала себя одинокой и неприкаянной, пока не встретила этого парня. Его учеба на юрфаке подходила к концу, он уже подрабатывал адвокатом и не жил, как другие студенты, на рыбных консервах и лапше. Начиная ухаживать, Йуар приглашал ее в роскошные рестораны, дарил элегантные подарки и возил в туры выходного дня – выросшую в спартанских условиях Ребекку такой экстравагантный стиль жизни сразил наповал. Уже тогда со всей очевидностью парень мечтал по крупному и очень скоро включил ее в свои жизненные планы.

Не прошло и двух недель, как они съехались; Ребекке нравилось делить свою жизнь с человеком, у которого все под контролем, – это давало ощущение стабильности. Она знала, что ее внутренний компас барахлит, но Йуар ловко помогал выбирать правильное направление и обуздывать эмоции. Обретя структуру и точки опоры, чувства Ребекки, раньше привычно кидавшие ее, словно на американских горках, из радостной эйфории в мрачную безысходность, постепенно выровнялись. Пять лет спустя, когда Йуар, преклонив колени, преподнес ей кольцо с бриллиантом изумрудной огранки и сделал предложение, Ребекке казалось, что она обрела счастье, о котором только можно мечтать.

«Может, и не надо было мне приезжать в Сконе», – думает она, глядя на будто голый без кольца палец. В последние полгода что-то в их с Йуаром отношениях изменилось. Ребекка не понимает, что именно, но они все больше отдаляются. А ведь раньше им было так весело вместе. Они могли лежать ночами без сна, болтая о жизни, обсуждая планы на будущее и подбадривая друг друга в том, чего хотели достичь. Но в последние месяцы общие устремления уже не приносят прежнюю радость, и каждый раз, когда они стараются провести время вместе – за ужином или прогулкой, – часто повисает тишина. Единственное, что они могут обсуждать, – это работа.

Ребекка с осторожностью проводит руками по спинке Скарлетт и гладит ее по шерсти, пока кошка не начинает урчать. Йуар – ее семья, он сделал для нее невероятно много. Его сдержанность, скорее всего, связана с большой нагрузкой на работе. В длительных отношениях нельзя ожидать постоянной влюбленности, надо надеяться, что они вновь обретут друг друга, как только на работе станет поспокойнее.

Она знает все это и все равно расстраивается, что в истории с бабушкой жених остался безучастным. Если бы не бабушка, ничего путного из Ребекки не вышло бы, но и слишком долго она здесь, конечно, оставаться не может. При небольшом везении через несколько дней Анна вернется домой. Ребекка может прожить здесь самое позднее до середины следующей недели, потом пора будет возвращаться к обычной жизни.

Глава 10

Сентябрь 1943 года

Каждый раз, когда они встречаются, время будто перестает существовать. Лúка учит ее итальянскому, и они обсуждают все подряд, растворяясь в душевных беседах, пока Анна не осознает, что два часа пролетели и ей пора торопиться домой. Особенно ее увлекают рассказы Лúки об итальянской кулинарии. Он без усталости может говорить о разных блюдах, так дотошно описывая какой-нибудь соус, что Анна начинает чувствовать его вкус. Она с энтузиазмом записывает все рецепты в свой дневник. Ее удивляет, насколько интересной оказалась компания Лúки. Конечно, ей тут особенно не из кого выбирать, но все равно, она и представить себе не могла, что у них может быть столько общего. Встречи с Лúкой внезапно стали для Анны яркими моментами в ее достаточно скучной на события сельской жизни.

Часы в прихожей уже пробили девять, и Анна торопится в свою спальню, чтобы мать не заметила ее позднего возвращения, как вдруг видит, что дверь в кабинет отца открыта. Больше недели отец отсутствовал, и теперь, не успев подумать, Анна врывается к нему.

За письменным столом восседает директор Вальтер Экблад. Вся его фигура, отбрасывающая длинную тень на ковер, внушает уважение. Он сидит спиной к двери, устремив взгляд в темнеющий за окном сад и плотно прижав к щеке телефонную трубку.

Отцу стоило бы рассказать о Лúке, думает дочь. В отличие от матери, которая с подозрением относится к любому незнакомцу, он всегда интересовался иностранцами, и рассказы Лúки об Италии точно бы оценил.

Анна уже представляет себе, как Лúку пригласили к ним на ужин в столовую за празднично накрытый стол. Как итальянец, одетый в свою лучшую рубаху, развлекает ее родителей увлекательными историями, хвалит угощения и произносит тосты на итальянском. Конечно, оказать Лúке подобный прием – немыслимо, но подобная картинка все равно повышает девушке настроение.

Пальцы поглаживают дверной косяк. Древесина кажется приятной на ощупь. Анна задумывается, как бы отреагировал отец, узнай он, сколько времени его дочь проводит с Лúкой. Если рассказать ему

правду, объяснить, какой счастливой она чувствует себя всякий раз, когда итальянец находится рядом, возможно, есть небольшая вероятность, что отец поймет ее.

– Так вот, – бормочет он в трубку, – у нас возникла одна проблема. Надо найти управу на Сегерстедта^[9]. Он никак не заткнется со своими текстами против Германии. Его опять пытались подвергнуть цензуре, но он, похоже, не сдастся. Даже к королю не прислушивается. Просто продолжает беззастенчиво пользоваться шведской свободой печати для своей пропаганды. Ах, вот оно что? То есть ограничить наши поставки, – вздыхает отец. – Неужели они не понимают, что экономика всей Швеции держится на торговле с Германией? Да у нас ничего бы без нее не было.

Анна начинает волноваться и вспоминает, что рассказывал ей Лúка. Отец всегда четко дает понять, что не осуждает Германию за развязывание войны. И, кстати, Великобритания первой объявила войну, а не наоборот, замечает он. К тому же именно из Германии Швеция получает многие товары первой необходимости. По его словам, немцам надо сказать спасибо за уголь, а то нечем было бы топить.

А вот дочери становится не по себе всякий раз, когда она слышит речи Гитлера. Анну бросает в дрожь от его резкого голоса на повышенных тонах. Но при этом она знает, что Швеция, несмотря на свой нейтральный статус, отчасти поддерживает немецкого лидера. Девушка своими глазами видела, как от железнодорожного вокзала в Хельсингборге отходят набитые солдатами немецкие поезда. Сив писала, что позеленела от зависти после рассказа об одетых в форму молодцах, оравших песни на немецком и раздававших воздушные поцелуи молоденьким женщинам на перроне. И пусть договор о транзите уже аннулирован, в газетах по-прежнему пишут о *нерушимой линии* правительства, которое не собирается принимать решения под давлением западных держав. Неужели они придерживались бы той же линии, если немцы, как утверждает Лúка, чинили бы всяческие зверства?

– Цветочек мой, – внезапно обращается к ней Вальтер, и Анна замечает, что отец обернулся и положил трубку. Поднявшись, он подходит к ней с распростертыми объятиями, и она обнимает его.

– Я скучала по тебе, – бормочет дочь в могучих объятиях отца.

– Я тоже, – отвечает Вальтер. – Но я привез тебе подарочек.

Он кивает на сервировочный столик, где стоит горшок с белыми георгинами. Подойдя к растению, Анна рассматривает крупные цветы, по форме напоминающие кувшинки.

– В саду у Вибергов заприметил их и попросил взять с собой, для тебя.

– Вот как? – говорит Анна. – Спасибо.

– Я рассказывал тебе, – продолжает отец, – что, когда ты родилась, мы хотели назвать тебя Георгиной?

– Да, всего тысячу раз, не больше.

Вальтер смеется:

– Твое личико напоминало розовый георгин. Идеально круглое, и черты лица – будто резные. Георгины – самые красивые из всех цветов, но их нужно беречь от ночных заморозков.

– Тогда отец может не беспокоиться: вечерами все еще тепло.

– Правда? А я как раз сижу и думаю, чем это ты занимаешься в такой поздний час?

Анна волнуется. Вот она, возможность рассказать о Лúке.

– У меня новое знакомство, – говорит она, чувствуя, как трепещет сердце. – И теперь я учу итальянский.

– Ну, это же просто великолепно! – отвечает Вальтер, беря дочь за руки. – Скажи что-нибудь!

Анна задумывается на секунду:

– *Dolce far niente*. Это означает что-то типа «сладостное ничегонеделание».

– Хорошую ты себе подружку нашла! – восклицает отец. – Я и сам не прочь с такой познакомиться!

Девушка открывает рот, чтобы поправить его, но осекается.

– Если мне и нужно чему научиться, так это наслаждаться покоем, – продолжает он. – Было бы у меня побольше времени, с удовольствием возился бы в саду и огороде. В этом году я, похоже, ни единой луковицы посадить не успею. Смотри-ка, я рад, что ты, несмотря ни на что, тут освоилась. Я знаю, что ты очень расстроилась, когда мы не позволили тебе вернуться в Стокгольм, но пойми, мы только хотели защитить тебя.

Анна кивает, соглашаясь. На самом деле ей, конечно, хочется протестовать, но она понимает, что это бессмысленно. Сейчас, во время

беседы один на один с отцом, в голове настойчиво всплывают некоторые из тем, которые они обсуждали с Лúкой.

– Отец, – говорит Анна, делая глубокий вдох. – Я хочу задать тебе один вопрос.

– Вперед, не стесняйся.

– Я слышала кое-что ужасное о немцах и хочу спросить, много ли ты знаешь о том, что происходит в Европе?

– Анна, – обращается он к дочери, и темная тень падает на его лицо. – В Европе идет война. Там происходит много ужасного.

– Понятно. Но ты продаешь Гитлеру железную руду. Тебя не волнует, как они ее используют?

– Это моя работа, – отвечает Вальтер, пожимая плечами. – А что, было бы лучше продавать ее русским, устроившим террор против собственного народа?

– А разве немцы не устроили террор? Я слышала, что они преследуют евреев.

Отец откашливается. Щеки зарделись румянцем, лоб прорезала глубокая морщина.

– Мои знакомые говорят, что они просто переселяют людей, чтобы освободить больше пространства для немецкого населения, и только. Возможно, это звучит жестоко, но евреи – отдельный народ, а немцам самим территории не хватает, так что они не могут еще и евреев землями обеспечить.

– Отец, ты уверен, что это вся правда?

– Что ты имеешь в виду?

Анна нервно переступает с ноги на ногу:

– По слухам, они помещают людей в лагеря, где их убивают.

– Сколько раз я просил тебя не читать газет? – вздыхает он. – Неужели ты и правда веришь, что журналистам известно больше, чем нам? Они все как один – коммунисты, а распространение дезинформации – между прочим, одна из форм ведения войны. Именно поэтому правительство внесло поправки в указ о свободе печати.

– А что, если это правда?

Вальтер возвращается к письменному столу.

– Мне надо работать, – говорит он, и Анна чувствует, как что-то екнуло в груди. Ссориться с отцом не хочется.

– Прости за глупость.

– Ничего страшного, – бормочет отец, отводя взгляд. – Ты молода, и не твоя вина, что не знаешь, как устроен мир.

Анна остается стоять посреди кабинета, пока отец перелистывает страницы записной книжки. Она жалеет, что стала его расспрашивать, и очень хотела бы забрать свои слова обратно. Молчание сумерками повисает между ними, и Анна отчаянно старается придумать, как ей вернуть внимание отца.

– К нам на ужин собирается семья Рунстрём, – говорит она в конце концов и видит, как озаряется его лицо.

– Да, мать говорила. К их визиту тебе пошьют платье, правильно?

– Точно, – кивает Анна.

– Прекрасная идея. Аксель – хороший человек, он понимает все сложности мироустройства. – Вальтер поднимает глаза и смотрит на нее. – Я знаю, что найти свой путь в молодости бывает непросто, но не забывай, что у тебя есть мы с матерью, и наша задача – помочь тебе определиться. Мы желаем тебе только добра.

– Знаю.

– Хорошо, – отвечает он. – Все наладится, вот увидишь. Война скоро закончится, и жизнь вернется в нормальное русло. Но Анна, пока этого не произошло, я хочу кое о чем тебя попросить.

– Да, конечно.

– Будь осторожна. Не всем людям можно доверять.

Когда отец вновь садится за письменный стол, стул покачивается под его тяжестью. Он поднимает трубку телефона, и Анна понимает, что разговор окончен. В течение нескольких секунд девушке кажется, будто она прилипла к полу. Ей так много надо рассказать отцу, так на многое хочется открыть ему глаза: он ведь совсем не знает, что она за человек; отцу невдомек, что дочь способна понять и понимает значительно больше, чем ему кажется. Но как только Вальтер сует палец в диск телефонного аппарата и начинает вращать его, Анна покидает отцовский кабинет и спешит в свою спальню. Родители всегда старались ограничить ее доступ к новостям, да и друзья, за исключением периода, когда разразилась война, особенно не стремились обсуждать то, что происходило в мире. Сив начала было собирать средства в пользу детей из охваченной войной Финляндии, увидев однажды на Центральном вокзале Стокгольма целый поезд с младенцами, у которых на шее висели записки с адресами, но потом

осознала трудоемкость этого дела и завершила проект. Когда Анна пыталась расспрашивать взрослых из своего окружения о том, что происходит вокруг – будь то немецкое вторжение, осада Сталинграда или бои в Северной Африке, – никто, казалось, не мог ответить ничего путного. Магистр Руслунд – любимый преподаватель Анны, учивший ее латыни, – лишь коротко обозначил, что некомпетентен в вопросах внешней политики, а их домработница в Стокгольме – фрёкен Юнссон – залилась краской, воскликнув, что такие вопросы на кухне не обсуждаются.

Единственным источником информации, доступным Анне помимо газет, было радио. Оказываясь дома в одиночестве, она украдкой пробиралась через гостиную в салон и включала радиоприемник. Если повезет, успевала послушать программу «Эхо» или выпуск новостей информационного агентства «ГТ», пока не придет мать, и это помогало девушке в общих чертах быть в курсе военной кампании. Но о лагерях смерти она ничего не слышала.

Анна прикусывает губу. А вдруг Лúка ошибается? Быть может, он вовсе и не знает, что происходит в Германии, быть может, это лишь злонамеренные слухи, выдуманные, чтобы испортить Гитлеру репутацию? Хотя, с другой стороны, зачем ему выдумывать? Лúке нет резона лгать: в отличие от отца, ложь не принесет ему выгоду.

В горле нарастет ком, и Анна упрямо пытается сглотнуть его. Не хочется верить, что отец лжет. Может, его ввели в заблуждение? Или его компаньоны и не нацисты вовсе? И с Гитлером ничего общего не имеют? А как иначе? Получается, отец осознанно ведет бизнес с людьми, которые убивают и мучают других?

Внезапно Анну обдает холодом. Будто ледяной ветер промчался мимо, заморозив ее. Она ежится и ускоряет шаг. Скорее всего, Лúка не прав. Неужели он не понимает, в какое неловкое положение ставит ее, рассказывая неофициальные версии происходящего?

Подумав так, девушка начинает себя накручивать. Раз уж надо убедить родителей, что она готова нести ответственность за свои собственные решения, нельзя предстать в их глазах доверчивой и плохо осведомленной. При следующей встрече с Лúкой Анна не упустит случая сказать ему, чтобы держал свою пропаганду при себе.

Глава 11

Апрель 2007 года

Ребекка моментально просыпается от громкого хлопка. Не понимая, что происходит, резко садится в постели, роняя подушку на пол. Она спокойно проспала вторую ночь в доме бабушки, но теперь кто-то ужасающе шумит.

Раздается еще один хлопок. Ребекка протирает глаза. Звук похож на выстрел из винтовки. Кому, скажите на милость, могло понадобиться проснуться и стрелять без четверти пять утра?

Выстрелы не прекращаются, поэтому приходится подняться и выйти на крыльцо. На поле лежит густой туман – различимы только контуры деревьев и строений, но, когда раздается новый выстрел, становится ясно, что стреляют из-за хутора Герды.

Одевшись, Ребекка решительным шагом идет по гравийной дорожке. Арвида она находит в сарае. Несмотря на ранний час, он вовсю доит коров – громко жужжит доильный аппарат.

– Прошу прощения! – громко окликает она.

Сначала сосед ничего не замечает, но, увидев Ребекку, закатывает глаза.

– Что случилось?

– Это ты стрелял на поле несколько минут назад?

– А тебе какое дело?

Ребекка скрещивает руки:

– Ты меня разбудил.

– Жаль, конечно, но в деревне приходится рано вставать и много работать, а то разоришься.

– Я уверена, что работаю уж по крайней мере не меньше тебя.

– Кем работаешь-то? Каким-нибудь дизайнером интерьеров?

Ребекка с удивлением смотрит на него:

– Я работаю в одной из крупнейших аудиторских компаний Швеции. И впервые за много лет взяла отпуск.

– Везет тебе. У меня ни разу не было отпуска.

Сжав руки в кулаки, чтобы не закричать, она почувствовала, как ногти впиваются в кожу. Ну почему он так сильно действует ей на нервы?

– Честно говоря, я считаю, что нельзя стрелять из оружия там, где живут люди.

Арвид жестом предлагает ей отойти в сторону, потом обходит корову, которая громко мычит, пока он закрепляет доильный аппарат.

– Вот так, хорошая моя, – говорит он, поглаживая корову по спине.

– Ты слышишь, что я говорю?

– Да, – отвечает Арвид. – Просто я пытаюсь понять, почему тебе именно со мной так хочется поругаться. Ты же ведь даже не знаешь, кто стрелял.

– Я слышала: выстрелы доносились отсюда. А еще видела оружейный ящик в твоей прихожей.

– Когда это ты была в моей прихожей?

– Ящик случайно попался мне на глаза, когда я стучалась в дверь, – объясняет Ребекка, убирая за ухо выбившуюся прядь волос.

Арвид опускается перед ней на пол.

– Это был не я, – бормочет он, опустив подбородок. – Это Эгон. Он стреляет кабанов на поле за сараем. Мне тоже это не нравится. Коровы пугаются, я просил его больше так не делать, но он меня не слушает.

– Не слушает, говоришь? Тогда мне придется поговорить с ним.

– Конечно! Желаю удачи! – говорит Арвид, и уголок его рта приподнимается в кривой ухмылке. – Он послушает экономиста из Стокгольма, это точно. Кстати, раз уж ты все равно к нему наведаешься, попроси заодно и кур запирать.

Выйдя из сарая, Ребекка направляется к дому Эгона. Щеки горят румянцем от раздражения. Она приложит усилия, чтобы показать Арвиду, как многого можно добиться обычной вежливостью.

Выкрашенный в красный цвет дом размерами похож на бабушкин, под прямым углом от дома стоит небольшой сарай, к которому пристроен загон для кур. «Раз у него оборудовано специальное место для птицы, почему бы ее там не запереть?» – рассуждает про себя Ребекка и стучится в дверь. Проходит пару секунд, потом раздается голос:

– Что надо?

«Похоже, в этой деревне многим не хватает воспитания», – думает она, наклоняясь к кухонному окну, расположенному рядом.

– Здравствуйте! Меня зовут Ребекка, я внучка Анны – той, что живет в Бьёркбаккене.

Первые лучи утреннего солнца отражаются от оконного стекла, ослепляя ее, но девушка успевает заметить, как внутри кто-то шевельнулся, и скоро до нее доносится невнятное: «Заходи».

Эгон сидит у кухонного стола и пьет кофе. Он одет в потертый махровый халат синего цвета, седые волосы стоят дыбом, грязные очки кособоко сидят на переносице. Несмотря на яркий солнечный свет за окном, в помещении царит полумрак, и Ребекка замечает, что ни одна из ламп не горит.

– Здравствуйте, меня зовут Ребекка, – повторяет она.

– Я слышал.

– Можно мне присесть?

Эгон пожимает плечами, и Ребекка выдвигает стул, приютивший, как оказалось, кипу старых газет и рекламных листовок.

– Ладно, я постою, – говорит она. – Я пришла сюда с одной просьбой.

– Вот как?

Девушка пытается изобразить улыбку, но под суровым пристальным взглядом Эгона это непросто.

– Некоторое время назад я слышала выстрелы. Это вы стреляли?

Отхлебнув глоток кофе, хозяин кивает в сторону прислоненной к плите винтовки.

– А можно ли стрелять в районе, где живут люди? – осторожно спрашивает Ребекка. – Вдруг попадете в кого-нибудь?

– Я хорошо вижу, куда стреляю, – фыркает Эгон.

– Разве не лучше охотиться в лесу?

– А я и не охочусь! – восклицает старик, наморщив нос. – Просто кабанов отпугиваю.

– Вот как? – удивляется Ребекка. Она никаких кабанов не видела. – Они вам мешают?

– Они выкапывают мои посадки картофеля. Стоит только посадить заново – они тут как тут. А защитная охота разрешена, между прочим, круглый год.

– А нельзя их как-то по-другому остановить?

– Мне другие способы неизвестны, – говорит Эгон, выковыривая крупинку сахара между зубами. – Ты что-то еще хотела?

Ребекка уныло оглядывается по сторонам. Бабушкин дом был, конечно, захламлен, когда она приехала, но с этим он и сравниться не

мог. Повсюду раскиданы вещи, мойка завалена грязной посудой, на кухонной столешнице – пирамида из пустых коробок из-под молока, рискующая в любой момент рухнуть.

– Почему здесь так темно?

– Не твое дело.

– Прошу прощения, просто хотела поинтересоваться.

Эгон продолжает пристально смотреть на нее.

– Уже ухожу. Хотела еще рассказать, что бабушка в больнице. Она упала и сломала руку, но надеюсь, что скоро вернется домой.

– Вот как? Печально.

Повернувшись к старику спиной, Ребекка надевает ботинки и уже тянется к ручке двери, когда Эгон откашливается.

– Лампочки перегорели, а новые мне не вкрутить.

– Извините, не расслышала.

– Не дотянуться, – вздыхает он, показывая на плафон под потолком. – Я легко теряю равновесие и не могу высоко забираться.

– Могу помочь, если хотите.

– Да ладно, меня полумрак не смущает, я все равно почти ничего не вижу.

«Тогда, наверное, тебе вовсе не стоило бегать по полю с заряженной боевыми патронами винтовкой», – подумала Ребекка, но тут же прикусила себе язык и вместо этого произнесла:

– Ну конечно же здесь нужен свет! Где у вас запасные лампочки?

Спустя десять минут Ребекка заменила все перегоревшие лампочки в доме и, довольная собой, огляделась вокруг.

– Теперь здесь осталось немного убраться, – улыбается она.

– Нет уж, голубушка, я не позволю тебе притрагиваться к моим вещам.

– Не беспокойтесь, ни к чему не притронусь, – уверяет его Ребекка, подняв руки.

– Да уж, не вздумай, – бормочет себе под нос Эгон, двигая через стол белую баночку с таблетками. – Раз уж начала помогать, можешь открыть мне лекарство для сердца? Там, похоже, крышку заклинило.

– Не вопрос. Уверены, что больше ни с чем помощь не требуется?

Старик отрицательно качает головой, а Ребекка замечает рамку с фотографией, стоящую за коробкой с сухими завтраками. С карточки на нее смотрит тот же Эгон, только значительно моложе и с аккуратно

причесанными волосами, а рядом с ним – радостная женщина в зеленом платье.

– Моя Пиа, – говорит старик бесцветным голосом. – Она умерла три года назад.

– Очень грустно.

Эгон кивает, но тут же вздрагивает, услышав громкое кудахтанье за окном.

– Это ваши куры по окрестностям бегают?

– Да, – вздыхает он. – Им всегда удается выбраться из загона. С этой птицей хлопот невпроворот, но я рад, по крайней мере, что у меня есть свежие яйца.

– Понимаю. Не будете возражать, если я взгляну на ограду?

– Как хочешь.

Ребекка выходит на маленькую, покрытую гравием площадку. В загоне гуляют, копаясь в земле, две курицы. Девушка осматривает дверь и, не обнаружив бреши, обходит большую клетку по периметру. В конце концов находит угол, где сетка отошла от столба. С такой поломкой она справится за пару минут.

Продолжая обход участка Эгона, Ребекка видит картофельное поле. Земля разрыта, тут и там валяется надкусанная семенная картошка. Если это кабаны похозяйничали, она отчасти начинает понимать, почему Эгон хочет их подстрелить.

Ребекка окидывает взглядом периметр участка. Хозяйство огорожено, но забор в нескольких местах поврежден. Подойдя к дыре покрупнее, ощупывает толстые зеленые прутья. Слишком много работы, чтобы браться за такое в одиночку, но с небольшой помощью решаемо, думает она, поглядывая украдкой на дом Арвида.

Одолжив у Эгона ящик с инструментом, Ребекка крепко прибивает сетку к столбу загона для кур и возвращается в кухню.

– Загон починила, – радостно сообщает она. – Вижу, что у вас вокруг участка забор. Если мы починим его и кабаны не смогут сюда пробраться, обещаете больше не стрелять?

– Кто это – вы? Ты с бабулей, что ли?

– Хотела соседа вашего спросить, Арвида.

– У него нет времени, – махнув рукой, возражает Эгон. – Этот дурачок наивно полагает, что фермой еще можно управлять, как

раньше. Но теперь, чтобы зарабатывать себе на жизнь сельским хозяйством, надо ставить все на промышленные рельсы.

– Вот как? А я думала, что сельское хозяйство – беспроектный вариант. Ведь люди всегда хотят есть, правда?

– Да, можно было бы так подумать, – усмехается старик. – Но настоящие профессии теряют смысл. Везде одни машины. Вот подожди, еще немного, и они завоюют весь мир. – Эгон делает паузу и поправляет очки на переносице. – Хотя твою работу они вряд ли отберут. Чем ты, кстати сказать, занимаешься?

– Я экономист.

– Вот незадача, – бормочет старик себе под нос. – Такая работа уж точно роботу по силам. А я был рабочим на производстве. Проработал на одном и том же заводе сорок два года, пока производство не автоматизировали. Хотя на прощание мне вручили памятный подарок, – рассказывает Эгон и достает отливающий серебром штопор с эмблемой предприятия. – Так много людей сократили, что денег на позолоченные часы для всех не хватило.

Ребекка не находит что сказать в ответ.

– Жаль, – замечает она.

– Да ладно, я не жалею. Вон, картошка есть – не голодаю, – отвечает старик, подмигивая Ребекке.

Убрав ящик с инструментом, девушка забирает коробку с перегоревшими лампочками. Она задумывается, насколько лучше жилось бы обоим, если бы Арвид и Эгон помогали друг другу. Когда живешь вот так, в полном одиночестве, без посторонней помощи справиться непросто.

– Я поговорю с Арвидом, – говорит она.

– Он ни за что не согласится. Мы не очень-то с ним ладим.

– Но стоит, по крайней мере, попытаться, – продолжает Ребекка, выдавив из себя улыбку.

Глава 12

Сентябрь 1943 года

Анна медленно идет по лесу, огибая стволы деревьев. В детстве лес всегда казался ей волшебным местом, населенным сверхъестественными существами. Она была готова поклясться, что видела, как из зарослей кустов выглядывает лесная нимфа скугсро^[10], слышала скрипку водяного Нэка^[11] и угадывала в утренней дымке танцующих эльв^[12].

Отец обычно говорил, что всему виной ее чрезмерное увлечение чтением.

– Не смешивай этот воображаемый мир с реальностью, – подсмеивался он над дочерью, когда Анна в очередной раз за завтраком не могла оторваться от книги.

В лесу царит тишина. Ковер из опавших листьев скрадывает шум ее шагов. Анна переводит взгляд на качающиеся на ветру мощные кроны деревьев. Есть что-то могущественное в этих огромных дубах и ольхах, устремленных ввысь, и девушка задумывается, сколько лет они уже тут растут. Не одну сотню, наверное.

Скоро Анна увидит Лúку, она с нетерпением ждет встречи, хотя все еще обеспокоена недавним разговором о Германии. Лúка понимает происходящее совсем не так, как ее отец, и девушка не знает, кому из них верить. Ей трудно представить, что Лúка умышленно лгал ей, но, если он прав, значит, отец вводит ее в заблуждение, а с такой мыслью очень нелегко смириться.

Анна всматривается вдаль сквозь листву. Несколько раз она видела, как Лúка исчезал в этом направлении – наверное, он живет на одной из ферм с южной стороны холмов. Может, ей прогуляться туда? Он же пришел в Хиллесгорден, чтобы найти ее.

Девушка гонит прочь эту мысль. Она знает, что так думать о Лúке не стоит и их дружба – всего лишь скоротечный эпизод в ее жизни, и все равно не может остановиться. Он странным образом наполняет ее существо и всякий раз, когда они встречаются, будто окрашивает ее в свои тона.

Услышав звук за спиной, Анна кружится на месте. В первую секунду она думает, что это Лука первым нашел ее, но вместо Луки замечает Юна с соседнего хутора. Он стоит всего в паре метров от нее в рубаше в голубую полоску с засученными рукавами, обнажающими рельефные мускулы.

– Это что же: барышня гуляет совсем одна? – спрашивает он, ухмыляясь.

Анна напрягается, почувствовав опасность. Ей вспомнилось, как часто она слышала злобный голос соседа и видела, как он обижает младших братьев.

– Я иду домой, – отвечает она, оглядываясь по сторонам. Они одни посреди леса.

– Куда так торопишься? Могла бы поговорить со мной минутку.

– Меня ждут родители, – буркнула Анна, пытаясь обойти собеседника.

Юн смеется:

– С макаронником-то не прочь пообщаться, а на себе подобного, значит, времени у нее нет?

Юн преграждает ей дорогу к дому.

– Пусти меня! – требует она.

– Я уж точно не хуже этого бродяги, – продолжает Юн, – только дай мне шанс!

Он легонько проводит рукой по ее бедру. Анна отступает на шаг назад, но парень тут же подходит ближе.

– И совсем не страшно, правда? – улыбается он, притягивая к себе девушку.

– Пошел прочь! – кричит Анна, размахивая руками, но это не помогает. Юн хватается за запястья и с силой прижимает к дереву.

Его лицо оказывается так близко, что она чувствует кожей тяжелое дыхание. Пытается вывернуться, но Юн прижимает ее всей своей массой и стискивает руки. Свободной рукой берет за подбородок. Вцепляется пальцами в лицо и поворачивает к себе так, чтобы было не отвести взгляд.

– Вижу, тебе нравятся пылкие объятия, – говорит Юн, опуская руку к ее груди, но, когда он хватается край блузки, Анна плюет ему в лицо.

– Пусти меня! – шипит она.

Его щеки становятся пунцовыми, и Юн замахивается, чтобы дать оплеуху. В тот момент, когда он ударяет ее по щеке, раздается громкий вопль. Откуда ни возьмись появляется Лúка; бросившись на Юна, он оттаскивает его от Анны и ударяет кулаком в губу с такой силой, что тот падает навзничь.

Пока Юн медленно поднимается, Лúка с бешенством смотрит на него.

– Прочь отсюда!

Юн прижимает руку к разбитой губе, между пальцами сочится кровь.

– Ты пожалеешь об этом, – зловеще бурчит он и смотрит на Анну. – Я знаю многих, кто ненавидит южан. Ты и твой парень-бродяга еще свое получите, я вам это так не оставлю!

Юн уходит прочь по тропинке, а Лúка оборачивается к Анне.

– Как это произошло? – с беспокойством спрашивает он.

Анна хватается за подбородок. Все лицо ноет, челюсть пульсирует от боли.

– Я даже не знаю.

Лúка наклоняется к ней ближе и осторожно осматривает щеку.

– Здесь больно?

Она кивает в ответ.

– Надо что-нибудь холодное приложить, – советует он. – Мама готовит мазь, успокаивающую боль. Мы живем всего в двухстах метрах отсюда. Или хочешь, чтобы я проводил тебя домой?

Анна пытается представить себе, как отреагирует мать, если дочь ввалится в дом с синяком на лице, да еще в обществе Лúки. Она отрицательно качает головой.

– Ну ладно.

Он ведет ее по почти невидимой тропинке через лес к избушке. Вначале Анна даже не понимает, что они направлялись именно сюда, и удивляется, когда Лúка кивает на избушку.

– Вот здесь я живу, – говорит итальянец.

От удивления Анна широко раскрывает глаза – она думала, что Лúка живет на хуторе. Девушка молча плетется к двери. Избушка совсем крошечная, на покрытой дерном крыше торчит покосившаяся труба.

Лу́ка провожает Анну в одну из двух комнат и предлагает присесть. Девушка оглядывается вокруг. В глубине комнаты вдоль окна стоит стол, а рядом с ним – два кухонных дивана, где, как она догадывается, спят мама и сестра Лу́ки. В углу расположен простой очаг, на котором семейство готовит себе еду, а с другой стороны – шкаф.

– Мама с Франческой ушли в лес за грибами, – объясняет он, протягивая Анне кусок ткани, которую он мокнул в ведро с водой.

Взяв кусок ткани, девушка прикладывает его к щеке и вздрагивает от холодного прикосновения.

– Ай!

Итальянец с тревогой смотрит на нее. Потом вытаскивает красивую жестяную коробку с надписью «Бискотти».

– Она принадлежала еще моей бабушке, – рассказывает он, – и напоминает мне об отце. – Вот, угощайся, – предлагает Лу́ка, поднимая крышку. На дне коробки лежит парочка похожих на сухари печений.

Анна мотает головой:

– Боюсь, я не смогу жевать.

– Может, пить хочешь? Мы сами готовим лимонад.

– Нет, спасибо.

Кивнув, Лу́ка достает стеклянный пузырек с зеленой жидкостью.

– Изготовлено по собственному рецепту моей матери, – гордо объясняет он, присаживаясь рядом.

Убрав с лица ткань, Анна подставляет лицо для осмотра.

– Можешь широко открыть рот? – спрашивает Лу́ка.

Она выполняет его просьбу и разевает рот, хотя это причиняет ей боль.

– Хорошо, – бормочет он себе под нос, открывая пузырек.

Когда Лу́ка наклоняется еще ближе и аккуратно накладывает мазь на щеку, у Анны перехватывает дыхание. Она сидит, не шелохнувшись, и чувствует, как быстро бьется сердце в груди.

– Я понимаю, тебе больно. Но не волнуйся, все пройдет, – успокаивает ее итальянец.

Анна кивает. От мази исходит резкий запах петрушки и яблочного уксуса. Она думает, что лучше всего ей юркнуть сразу в свою комнату, чтобы избежать материнских расспросов.

– Спасибо за помощь. Думаю, мне пора домой.

– Конечно, я провожу тебя.

Они идут обратно по лесу, и на подходе к тому месту, где Юн напал на нее, все сжимается внутри. Анна вспоминает свои размышления о войне, которые хотела обсудить с Лúкой. Внезапно они кажутся ей неважными.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я боюсь, – отвечает она, – что он поступит, как обещал, и вернется сюда со своими друзьями.

Лúка берет ее за руку, и Анна чувствует, как кровь в жилах начинает бежать быстрее.

– Это я во всем виновата, – продолжает она.

– Все нет. Ты ничего не могла поделать с этим идиотом.

Анна всхлипывает, и он открывает ей свои объятия. Секунду она колеблется, потом опасно прислоняется к его плечу. Как приятно ощущать на себе его руки, так спокойно, когда он рядом.

Долгое мгновение они стоят неподвижно, пока Лúка не прерывает молчание:

– Надо бы дойти до полицейского участка.

– Нет, – быстро отвечает Анна. – Мать не должна ни о чем знать. Иначе она никогда больше не выпустит меня из дома.

Анна заметила, как Лúка напрягся. Он не согласен, но, встретившись с ней взглядом, кивает в ответ.

– Some vuoi ^[13]. Тогда не пойдём.

– Спасибо, – шепчет она.

Его пальцы гладят ее по спине, и в теле начинает пульсировать желание. Бархатный голос, мягкие локоны и обворожительная улыбка. Как ей хочется поцеловать его. Может, им бежать вместе куда-нибудь далеко, где их никто не знает?

– Можно задать тебе один вопрос? – тихо спрашивает Анна.

– О чем?

– Ты бы хотел показать мне Италию? Я имею в виду потом, когда война закончится.

Искорка блеснула в его добродушных глазах, и, хотя оба знают, что это всего лишь фантазия, Лúка кивает в ответ.

– Начнем с Рима: сходим в Колизей и Сикстинскую капеллу. Потом проедем по берегу до самой Флоренции. Посмотрев на Давида и,

изучив всю живопись Микеланджело и Да Винчи, отправимся дальше, в Венецию.

– И там поплаваем на гондоле?

– Конечно! Мы будем скользить сквозь город под песни гондольера и причаливать к самым лучшим ресторанам. Там мы будем есть сногшибательные блюда: тальятелле с рагу из барашка, потом лонгвини с томатами «сан-марцано» и рыбу на гриле с каперсами, оливками и карамелизированным луком.

Анна закрывает глаза. Она знает: тому, что они обсуждают, не суждено сбыться. Лука с Анной никогда не поедут вместе в Италию, но надо же ей о чем-то помечтать, чтобы отвлечься. Пусть на короткое мгновение, но так хочется оказаться в другом месте, в завтрашнем дне, где их миры способны сблизиться.

Глава 13

Апрель 2007 года

На следующее утро, выйдя на крыльцо, чтобы покормить Скарлетт, Ребекка обнаружила, что кто-то оставил на верхней ступеньке плоскую, завернутую в газетную бумагу. Внутри лежали семь коричневых яиц.

Протягивая миску с едой кошке, ожидающей завтрак на своем обычном месте, Ребекка говорит:

– Видела, какие красивые яйца мне принесли?

Смахнув крошечное перышко, она улыбается. На то, чтобы заманить этих кур обратно в клетку, у нее ушел битый час. Взяв черствый хлеб, Ребекка посыпала крошками путь, ведущий через дверцу внутрь, и в конце концов все куры, кроме последней, оказались в загоне. Агда, любимая курица Эгона, никак не хотела идти за другими следом. Долго с довольным видом щипала травку на газоне, пока наконец не удалось поймать ее.

Ребекка смотрит на яйца. Она с большим удовольствием что-нибудь испекла бы, но пора на пробежку. В стокгольмской квартире Ребекка практически не пользуется кухней. Они с Йуаром почти никогда не готовят и дома едят только то, что можно сделать на скорую руку – бутерброды или мюсли с кефиром. Но, живя у бабушки, Ребекка много времени посвящала кулинарии, любила экспериментировать с составом рецептов и оформлением. Она пекла хлеб и печенье для званых бридж-вечеров у Анны. Выкладывала на блюда ржаные булочки, миндальные шарики, орешки с начинкой, венское печенье с джемом, печенье мятное, карамельно-яблочное и с изюмом. Бабушка учила ее всем тонкостям выпечки: как ставить опару, делать закваску для разных мучных смесей, взбивать бисквиты, украшать торты, сушить сухари и раскатывать слоеное тесто.

В самое тяжелое время подросткового периода кухня стала единственным местом, где Ребекка могла отвлечься от бушующих в ней эмоций. Здесь она полностью сосредоточивалась на том, что творят ее руки, получала отдушину, когда было плохо на душе, могла хотя бы на время забыть все остальное.

Покормив Скарлетт, Ребекка находит передник и открывает кладовую. Там, на старом месте, стоит бабушкин большой ящик с

принадлежностями для выпечки. Достав его, она выкладывает содержимое: венчик для взбивания, литровую мерную кружку из жести, формочки для миндальных корзиночек, кулинарный скребок и эмалированную миску.

Ребекка осторожно проводит пальцем по зеленому краю и, нащупав скол, глубоко вздыхает. Эмаль повредилась, когда она уронила миску на пол. Ребекке тогда было десять лет, и она пришла в отчаяние, испортив красивую бабушкину посуду. Но когда внучка разразилась рыданиями, бабушка сказала, что ничего страшного не произошло.

– Дело житейское, – успокоила она девочку.

От воспоминания кольнуло в груди. Бабушка не должна лежать в больнице. Она должна находиться в полном здравии и жить в Бьёркбаккене, как обычно: гладить свежестиранное постельное белье, выращивать морковь, засахаривать уродившиеся в саду сливы и печь на кухне булочки с кардамоном. А если она не сможет со всем этим справляться, что же тогда будет с бабушкой? И кем будет Ребекка без бабушки?

Пытаясь справиться с тревогой, девушка достает из кладовой муку, сахар, миндальную стружку, ванилин и разрыхлитель. Она не готова к изменениям. Бабушка поправится. Вернется домой, и все будет как обычно. Жизнь вернется в свою колею.

Привычными движениями Ребекка растапливает масло в одной из бабушкиных мерных кружек и достает формы для кексов. Яиц с лихвой хватит на два кекса – Эгону и бабушке.

Под звуки венчика, ударяющегося о стенки миски, глядя на медленно поднимающееся тесто, Ребекка чувствует, что вновь может свободно дышать. Мерное постукивание по металлу действует на нее успокаивающе, девушка поднимает глаза и смотрит на соседский двор. Арвида не видно. Ребекка вспоминает слова Эгона о том, как непросто соседу сводить концы с концами, управляя фермерским хозяйством. Может быть, этим объясняется его резкость?

На мгновение она задумывается, не угостить ли и его свежее испеченным кексом, но потом решает, что не надо. Не заслужил Арвид ее вкусной выпечки.

Когда Скарлетт, запрыгнув на оконный карниз, трется о стекло, на лице Ребекки появляется улыбка. Ей непонятно, почему, но каждый раз при виде кошки настроение улучшается.

Пока кексы пекутся в духовке, внучка просматривает папку с бабушкиными финансовыми документами. Она обещала оплатить коммунальные платежи за этот месяц и с удивлением обнаруживает, что денег на счету у Анны совсем не много. Ясное дело: когда росла Ребекка, бабушка работала неполный рабочий день в цветочном магазине, но внучка все равно думала, что бабушка получает пенсию побольше. После оплаты счетов денег практически не остается. Неудивительно, что бабушка не могла позволить себе отремонтировать дом.

Внутри все сжимается от осознания: когда Ребекка жила у Анны, той, скорее всего, еще труднее было сводить концы с концами. Но бабушка никогда не жаловалась.

Внучка листает папку, надеясь найти сведения о сберегательных счетах, но, к своему изумлению, ничего не находит. Ей известно, что мать выросла в доме, значительно больше этого. Куда же делась разница от продажи? И потом, по ее представлению, дедушка хорошо зарабатывал. Разве бабушка не получила наследства после его смерти? Захлопнув папку, Ребекка задерживает взгляд на освещенной духовке и формах с кексами. Ее раздражает, что она так мало знает. Иногда Ребекке кажется, будто ее неприкаянность вызвана как раз отсутствием связи с прошлым. Наверное, ей трудно разобраться в собственных желаниях, не зная историю своей семьи. Но кто ей в этом поможет? Ни бабушка, ни мать никогда не говорят о родне и о былом.

Взгляд Ребекки притягивает полосатая картонная коробка, в которой хранятся бабушкины памятные вещи. Знай она больше о прошлом семьи, наверное, было бы легче понимать, что к чему. Всего мгновение она колеблется, потом вынимает из духовки готовые кексы, находит бабушкин дневник и выходит в сад. С ярко-голубого неба припекает солнце. Как только Ребекка садится на траву, подходит Скарлетт и усаживается рядом. Где-то внутри все еще теплится сомнение, правильно ли это – читать бабушкины записи, но внучка все равно открывает дневник. Ей надо выяснить, почему Анна так отреагировала на фотографию Лúки.

Сосредоточившись, Ребекка начинает читать и удивляется, насколько явственно она слышит бабушкин голос. Узнает ее выражения, например, привычку использовать слово «ужасно» как нечто положительное: «Я ужасно рада» или «мы ужасно удивились». И

в то же время очевидно, что мысли принадлежат молодой женщине. Вся внутренняя сторона обложки дневника посвящена Хамфри Богарту. Здесь есть черно-белый, вырезанный из газеты портрет актера – с серьезным выражением лица, в тренче и шляпе. Бабушка нарисовала карандашом вокруг портрета серебряное сердечко, а под ним перечислила фильмы с лучшими, по ее мнению, ролями Богарта. На первом месте указана «Касабланка», за ней – «Мальтийский сокол» и «Они ехали ночью».

Первые записи в дневнике немногословны. Бабушка рассказывает, как проходит ее лето в некоем Хиллесгордене: пишет о погоде и книгах, которые читает. Похоже, ей скучно и одиноко: раз за разом Анна повторяет, как стремится вернуться домой, пока однажды не встречает молодого человека по имени Лúка.

Сначала он ее раздражает. Бабушку удивляет дерзость, с которой молодой человек полагает, будто ей интересно общаться с ним, но дни идут, и тон описания Лúки меняется. Анна пишет о нем все больше, и вскоре записи посвящены уже исключительно их встречам. Строчки наполняют фразы на итальянском и рецепты различных блюд. Бабушка сразу становится радостнее, уже не жалуется на скуку, и в записях появляются кулинарные советы наподобие того, что вкус любого блюда улучшат каперсы и томаты «сан-марцано».

Но потом что-то происходит. Записи появляются реже. Интервалы составляют несколько дней, а иногда и недель. Они превращаются в несвязные слова и разрозненные описания. Ребекке непонятно, что хотела сказать бабушка. Текст пестрит словами «тайна» и «ужасающее», тон записей становится тягостным, будто Анну охватывает страх.

Последняя запись датирована 24 ноября 1943 года. Бабушка загадочно пишет, что все кончено. Теперь надо найти в себе силы двигаться дальше и поступать согласно ожиданиям других. Жизнь, пишет Анна, не всегда складывается так, как нам хотелось бы. На этом записи обрываются, последние страницы дневника зияют безысходной пустотой.

Ребекка от волнения сглатывает. Ее мгновенно настигает раскаяние за то, что она прочитала бабушкины – такие личные – записи. Не надо ей было даже открывать этот старый книжный шкаф. А вдруг бабушка

пережила душевную травму и Ребекка разбередила своими назойливыми вопросами ее старые раны?

Откинувшись назад, девушка проводит пальцами по длинным травинкам и наблюдает, как Скарлетт охотится за бабочкой-лимонницей, пока она сама пытается собрать кусочки пазла воедино. Похоже, бабушка была сильно влюблена в этого Лúку, так почему же она не хочет о нем говорить? И в чем до сих пор раскаивается?

Когда Ребекка откладывает дневник в сторону, из него выскользывает, ложась ей на колени, обрывок бумаги. Перевернув его, она обнаруживает, что это кусочек фирменного бланка, в верхней части которого сохранился штамп организации. Широко раскрыв глаза, девушка смотрит на логотип. Черный орел на дубовом венке. А посередине – черная свастика.

Глава 14

Сентябрь 1943 года

Анна идет на север по тропинке вдоль берега. Над ней нависают тяжелые облака, ветер взбивает пену, превращая волны в барашки. После происшествия в лесу она стала проявлять осторожность. Все время окидывает взглядом окрестности и, как только начинает смеркаться, старается не находиться на улице в одиночку.

Тропинка поворачивает, и Анна замечает Лúку, сидящего в условленном месте. Он машет и показывает что-то, вытянув руку вверх. Анна машет ему в ответ. Минуты, которые она проводит с Лúкой, – самое приятное время в ее однообразных буднях. Конечно, чтобы не сидеть совсем без дела, она начала учиться на курсах стенографисток, но это ужасно скучно. Особенно для нее, привыкшей, что жизнь должна бить ключом. В Стокгольме Анне дома не сидится: то обедает с друзьями в ресторане «Англэ»^[14], то гуляет по Юргордену^[15], то танцует в Винтерпалатсет^[16]. Отец говаривал в шутку, что парадные двери их особняка на Стурегатан надо заменить на вращающиеся.

Анна перебирается через мощный корень дерева, стелющийся по земле. Как ей повезло, что есть Лúка. Последнее время они встречаются все чаще. Видятся вечерами, когда он заканчивает работу, а Анна делает вид, что отправляется на вечернюю прогулку. Невероятная легкость охватывает ее в его присутствии. С ним она может быть самой собой, не испытывая необходимости соответствовать ожиданиям. К тому же у них так много тем для разговоров: искусство, политика и надежды на лучшую жизнь после войны.

Анна садится на камень рядом с Лúкой, и тот протягивает ей «Прощай, оружие».

– Всю прочитал?

– Да, – кивает он. – От корки до корки, на шведском.

– Это потрясающе. Какой ты молодец!

Лúка качает головой:

– Да ладно, было не так и сложно.

– Я вряд ли смогла бы прочитать книгу на итальянском, – замечает

Анна. – Ну и как она тебе?

– Брависсимо, – улыбается он. – Очень понравилась.

Анна опускает глаза. Почему-то она смущается при мысли о том, что Лúка прочитал историю любви Кэтрин и Фредерика.

– Что теперь хочешь почитать?

– Может быть, что-нибудь об истории Швеции? Если мне здесь учиться, надо больше знать о стране.

– Подумаю, какая книга подошла бы, – кивает Анна.

Она достает корзинку, в которую собрала то, что смогла украдкой взять на кухне, и расстилает кухонное полотенце.

– Яйца, хлеб, сыр и крýшон, – объясняет Анна, раскладывая угощение.

– Выглядит очень вкусно.

– Ветчины, к сожалению, не было.

Лúка касается ее плеча.

– Ничего страшного, – говорит он, на мгновение задерживая руку.

– Мне бы так хотелось нормальный кусок мяса, – тараторит Анна. – Позавчера у нас подавали мясной рулет, но его замешали с хлебом и макаронами. А на десерт – один только манный пудинг.

– Один манный пудинг? – смеется Лúка. – Какой кошмар!

Анна закатывает глаза, потом молча наблюдает, как он пробует угощение. На лице загар от сентябрьского солнца, под ногтями – траурная чернота. Когда Лúка перехватывает ее взгляд, она смущенно отворачивается.

– Ну, и чем ты сегодня занимался?

Лúка тянется за бутылкой крýшона, но на полпути вздрагивает и хватается за спину.

– Боронил перед посевной, – рассказывает он, выдохнув.

– Болит?

– Немного. Да ничего, пройдет. А ты что делала?

Тряхнув головой, Анна задумывается. Ей кажется, будто все дни напролет она только и делает, что дожидается вечера.

– Читала. И навыки стенографии отрабатывала. Есть новости из Италии?

Откусив кусок бутерброда, Лúка оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что они одни.

– Пока нет, – тихо отзывается он. – Как я рад, что Бадольо ^[17] сдался британским и английским войскам. Я думал, что после

наступления союзников на Италию война там закончится, но немцы дали отпор. Ходят даже слухи, что они освободили Муссолини.

– По радио об этом не говорили. Откуда ты все узнаешь?

Лу́ка пристально смотрит на нее:

– Этого я тебе сказать не могу.

– Почему?

– Потому что это рискованно. Я не должен был тебе ничего говорить.

– Ты что, мне не доверяешь?

Лу́ка умолкает.

– Я кое-что слышал, – говорит он наконец. – О твоём отце.

– И что же?

– Что он сотрудничает с нацистами.

Анна плотно сжимает губы. Замечание Лу́ки застигло ее врасплох.

– Ты навёл справки про мою семью? – с укором спрашивает она.

– Нет, – отвечает он. – Я не интересовался, само всплыло. Но это ведь так?

– А почему ты беспокоишься? Думаешь, наябедничаю? Донесу, чем ты с друзьями занимаешься?

– Да нет, конечно.

Анна начинает убирать еду. Она быстро заворачивает сыр в холщовую ткань, а когда Лу́ка вновь касается ее рукой, отталкивает его.

– Анна, – просит он.

– Знаешь, что самое ужасное? – выпаливает она, отводя взгляд. – То, что ты думаешь, будто я не понимаю, насколько это секретная информация.

Убрав еду в корзинку, девушка встает.

– Ну, пожалуйста, я не хотел.

– Ты заблуждаешься насчет отца, – продолжает она. – Он вовсе не сотрудничает с нацистами, просто волею судьбы продает в Германию железную руду. Отец начал свой бизнес много лет назад, задолго до того, как разразилась война. Но с Гитлером его ничего не связывает.

– Прости, – просит Лу́ка, поднимаясь за ней следом. – Я сболтнул глупость. Не уходи! – умоляет он Анну и начинает рыться в карманах своего плаща, пока не находит брошюру, которую протягивает девушке.

– Что это? – с недоверием спрашивает Анна.

– Прочитай, – предлагает Лу́ка.

Она держит перед собой брошюру и в сумеречном вечернем свете пытается различить текст.

– Школа медицинских сестер города Мальмё.

– Ты знала, что там есть такая?

– Нет.

– Но ведь это было бы прекрасно! – восклицает он. – В будни ты можешь жить в школе, а на выходных – приезжать домой.

Анна кивает, хотя ей известно, что родители ни за что не согласятся на ее переезд в Мальмё. Ну или, по крайней мере, не с целью обучения на курсах медсестер.

– Спасибо. – Она пытается изобразить улыбку. – Это очень любезно с твоей стороны.

– Разве ты не рада?

– Да нет, рада, конечно.

– Тогда в чем же дело?

Анна мотает головой:

– Дело не только в воле матери и отца, которые хотят, чтобы я оставалась здесь. По их мнению, медсестра – не подходящая профессия для девушки моего круга. К тому же они считают, что я не справлюсь.

– Конечно, справишься!

– Не знаю, – говорит она, вертя в руках брошюру. – Может быть, они и правы, считая меня избалованной. Я не привыкла к физическому труду и даже не знаю, как буду воспринимать вид крови. А вдруг я буду падать в обморок при каждой встрече с пациентом?

– Нет, к такому привыкаешь.

– Мать считает, что я должна получить более подходящую для меня профессию – например, стать секретарем директора банка.

– А ты сама-то хочешь работать секретарем?

– Подозреваю, что это несложно.

– Ну, наверное. Но ты бы предпочла работу медицинской сестры?

– Да, но иногда приходится принимать мир таким, какой он есть.

– Знаешь, почему началась война? Потому что сотни тысяч людей поступили, как им сказали, а не так, как сами в глубине души считали правильным. Если мы позволим подчинить себя, нам никогда не стать свободными. Настали новые времена. Ты вольна делать все, чего тебе хочется, – продолжает он. – И не должна во всем слушать своих

родителей. Segui il tuo corso, e lascia dir le genti^[18]. Махни рукой на других и иди своим путем.

Анну бросает в дрожь от его пронзительного взгляда.

– Тебя послушать – все так просто, – вздыхает она.

– Но это действительно просто. Слушай свое сердце.

– Ты пойми: я несу ответственность перед родителями. Они обеспечили мне привилегированные условия, каких еще поискать. Не могу же я все оставить из-за какой-то навязчивой идеи. Может, работа медицинской сестры мне и не по плечу вовсе?

– Мне бы хотелось, чтобы ты посмотрела на себя со стороны, – говорит Лúка и берет ее за руки. – Ты – удивительный человек: умный, сильный и тонко чувствующий. Тебе все по плечу.

Анна ощущает, как земля уходит из-под ног. Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Когда они встречаются взглядами, кажется, будто все вокруг исчезло. Анна видит только его глаза и их тепло.

Она думает, как ужасно было бы не увидеть Лúку вновь. Ей хочется в Стокгольм, но только вместе с ним. Анне нужна его дружба. Внезапно начинает сосать под ложечкой, и девушку наполняет пьянящее возбуждение. Она протягивает руку и касается его щеки. Лúка замирает, но не отстраняется, и Анна гадает, чувствует ли он кожей, как участился ее пульс.

– Анна? – шепчет Лúка.

От волнения у нее пересыхает во рту. Анна знает, что поступает неправильно, собираясь совершить запретное, но ничего не может с собой поделать. Медленно подается вперед, пока губы не встречаются с его губами.

Вначале поцелуй выходит нежным и осторожным. Анна закрывает глаза и, ухватив Лúку за рубашку, притягивает к себе. Прижимается и чувствует, как тепло растекается по всему телу. Лúка становится смелее. Щетина царапает ей лицо, и Анна ворошит его кудри. Когда ее язык проникает Лúке в рот, молодой человек издает стон и отступает назад.

Она открывает глаза. Лúка удивленно смотрит на нее черными, расширившимися зрачками.

– Анна, что это было?

– Не знаю, – отвечает она. – Просто... ты мне нравишься.

– Ты мне – тоже, – быстро откликается Лúка. – Но не думаю, что твои родители одобрили бы то, чем мы сейчас занимались.

– Не ты ли недавно говорил, что мне не следует слушать родителей?

– Говорил, не спорю, но я не это имел в виду, – бормочет он.

– Мне нравится быть с тобой рядом, – умоляюще произносит Анна. – Кажется, будто с тобой одним во всем мире я могу говорить по-настоящему. Ты в точности понимаешь, что я чувствую. А что, если нам уехать отсюда вместе? Мы могли бы отправиться в Стокгольм. Ты изучал бы политологию, а я – училась на медсестру.

– Я был бы счастлив безмерно, но слишком мало могу дать тебе взамен.

– Мне не нужны элегантные интерьеры и дорогие платья, я вовсе не так легкомысленна.

– Речь не об этом, – говорит Лúка. – Дело не только о комфорте, которым тебе пришлось бы пожертвовать. А что подумают твои родители, как считаешь? Вдруг они перестанут с тобой общаться?

– Это их проблема.

– Анна, я здесь никто. Сама знаешь, как меня народ называет. Я не хочу, чтобы к тебе относились так же.

– Тогда поедем в Италию. Ты же хочешь туда вернуться, когда закончится война? – спрашивает Анна.

– С тобой – хоть на край света, – шепчет он.

Лúка убирает прядь волос с ее щеки. От такого интимного жеста чувства вспыхивают вновь, и Анна дрожит от наслаждения.

Анна, улыбнувшись, прислоняется лбом к его лбу. Радует, что наконец отважилась сказать о своих чувствах. Лúка приобнимает ее, и она прижимается ближе.

– Все будет хорошо, – отвечает Анна. – Еще подумаем, как быть, но пока мы вместе, все будет хорошо.

Глава 15

Апрель 2007 года

Когда Ребекка приходит к бабушке, та впервые сидит в постели. Вид у нее по-прежнему очень усталый, но на щеках наконец-то появился легкий румянец, а волосы зачесаны назад и убраны в узел.

– Привет, – здоровается Ребекка и ставит на стол испеченный с утра кекс. – Сегодня ты выглядишь намного бодрее.

– Мне лучше, – кивает та в ответ. – Что это у тебя?

– Миндальный кекс, – отвечает Ребекка. – Подожди немного, сейчас еще кофейку нам принесу.

Вернувшись, она застаёт бабушку за чтением газеты. Ребекка давно не испытывала такой легкости. Встреченная в коридоре медсестра с грубоватым лицом рассказала ей, что показатели анализа крови улучшились и бабушка скоро сможет вернуться домой.

– Я Эгону такой же испекла, – рассказывает Ребекка, разрезая кекс ножом, который одолжила в кафе.

– Старый упрямец, – сморщившись, замечает бабушка.

– Стоит перейти через порог, и он уже не кажется таким опасным.

Бабушка откусывает большой кусок желтого, пышного кекса и закрывает глаза.

– Восхитительно, – произносит Анна с видимым удовольствием. – Допечен и не пересушен. Твой дедушка тоже такой любил, но просил держать кекс в духовке подольше, чтобы края хрустели. Мне так меньше нравилось, но я пекла, как он хотел.

Ребекка отпивает кофе. О дедушке Анна вспоминает крайне редко, так что надо ловить момент. На самом деле внучка хочет спросить, откуда у бабушки взялся обрывок бланка со свастикой, но не решается.

– Скажи, дедушка ведь работал на предприятии, которое называлось «Электротовары Рунстрёма»?

– Да, – ровным голосом отвечает бабушка. – Бизнес принадлежал его семье.

– Правда? Не знала об этом. В интернете есть информация о том, что предприятие было очень успешным.

– Да, какое-то время, – кивает бабушка.

– А что произошло потом?

– Аксель и его брат не могли договориться, как управлять компанией после смерти их отца. Они часто ругались по этому поводу.

– Я читала, что ЭТР выкупили в конце шестидесятых, – замечает Ребекка, выпрямляя спину. – Думаю, она стоила немалых денег.

– Да.

– И куда они делись?

Бабушка задумывается и стряхивает здоровой рукой крошки.

– Сложно объяснить, – отвечает она в конце концов.

– Но ты же должна была что-то унаследовать после его смерти?

– Я не хочу говорить об этом.

– Но почему? Вы же были женаты? – выпаливает Ребекка, но тут же жалеет о сказанном, увидев выражение бабушкиного лица.

– Милая моя, – вздыхает бабушка, – я не в силах.

Ребекка прикусывает губу. Бабушку волновать она не хочет, но в то же время девушке непонятно, как можно прозябать в бедности после замужества с успешным предпринимателем. Она самый заботливый человек из всех, кого ей довелось встретить. Значит, и женой была великолепной – Ребекке не представить себе иного, – так почему же ей ничего не досталось? Несправедливо получается.

В этот момент без стука заходит медсестра, при виде выпечки ее лицо озаряет улыбка.

– Миндальный кекс, как мило!

– Да, – кивает Ребекка. – Хотите попробовать?

– С удовольствием.

Бабушка откидывается назад и устремляет взгляд за окно. Ребекка молча наблюдает за ней. Она чувствует нарастающую потребность выяснить, что скрывает Анна. Пазл никак не складывается в единое целое, чего-то не хватает. Господи, Ребекка даже не знала, что ее дедушка был одним из совладельцев «Электротоваров Рунстрёма».

– Очень вкусно, – говорит медсестра.

– Рада, что вам понравилось, – отвечает Ребекка. На самом деле ей хочется задать Анне еще вопросы о дедушке, но бабушке, похоже, такое не выдержать. И все равно Ребекка никак не может отделаться от мыслей о том, что нашлось в бабушкином в книжном шкафу. Почему Анна просила Сив уничтожить ее письма и откуда у нее клочок бумаги с логотипом нацистской Германии? Внучке не хочется, чтобы между ними возникало отчуждение, но в то же время она полагает, что имеет

право знать о своих корнях больше. Когда бабушки не станет, спрашивать будет некого. Если не воспользоваться этим шансом, Ребекка может так никогда и не узнать историю своей семьи.

По пути домой Ребекка останавливается у продовольственного магазина. Ей надо пополнить бабушкины запасы и прикупить продукты для выпечки.

Проходя между полками, она слышит, как кто-то окликает ее. Ребекка удивленно поднимает глаза и на расстоянии нескольких метров видит парня в джинсах и с татуировкой на шее.

– Ребекка Экблад? – переспрашивает он, снимая солнечные очки. – Это ты?

Она непонимающе качает головой.

– Микке, – представляется он, хлопая себя по груди. – Микке Клинт.

– Да-да, – неуверенно отвечает Ребекка.

– Черт, как классно, что ты здесь! Мы не виделись с самого окончания школы, но в свое время провели вместе незабываемую ночь.

Ребекка в панике оглядывается по сторонам, чувствуя, как покрывается испариной. Она лет сто не встречала никого из гимназии и удивлена, что он узнал ее несмотря на то что в те времена была она брнеткой, носила темную одежду и тонну косметики.

– Я переехала, – быстро отвечает Ребекка. – В Стокгольм.

– Понятно. Да, конечно, я слышал об этом. Ну, рад, что у тебя все в порядке.

– Спасибо.

Микке смотрит блуждающим взглядом.

– Мне тоже нелегко пришлось. Много передряг всяких было, но сейчас все супер, – говорит парень и тянет за висящую из нагрудного кармана золотую цепь. – Полгода трезвости, – гордо продолжает он, вынимая зеленую медаль.

– Поздравляю, – откликается Ребекка, замечая, что за ними не без любопытства наблюдает кассир. – Извини, я немного тороплюсь.

– Понимаю. Ну, очень классно было повидаться. Захочешь как-нибудь скоротать время – дай знать. Я есть в «Фейсбуке».

– Конечно, спасибо, – повторяет она, закрываясь корзинкой с продуктами как щитом, когда проходит мимо.

За рулем машины на обратном пути Ребекка пытается вспомнить Микке. Нет, он не одноклассник, но гимназию «Олимпия» посещали сотни учеников, так что, скорее всего, они учились в одно время. Ребекка сглатывает ком в горле. Перед глазами мелькает испещренная татуировкой шея. Девушка слышит глухие удары басов, в памяти сразу возникает мутный взгляд Микке и пальцы, которые неловко возятся с ее одеждой. Может, это было на одной из вечеринок на той квартирке в районе Хёгаборг, где они часто тусовались? Или в клубе «Тиволи»? [\[19\]](#) Чем больше воспоминаний всплывает в памяти, тем упорнее подступает тошнота, и в конце концов приходится плотно сжать губы, чтобы съеденный кекс не вышел обратно.

Вернувшись домой, Ребекка первым делом подходит к кладовой и достает две оставшиеся бутылки вина. Облокотившись на кухонную мойку, делает глубокий вдох. Пристально смотрит на темно-зеленые бутылки, открывает и выливает в мойку содержимое. Потом включает воду и долго смывает остатки вина, берет губку, выдавливает несколько капель моющего средства и начинает тереть. Трет с таким усилием, что костяшки пальцев белеют от напряжения, но она хочет уничтожить малейший след алкоголя. Сердце по-прежнему тяжело бьется в груди. Так многое оставлено позади и предано забвению. В течение нескольких лет Ребекке удавалось отстраниться от этого, но теперь кажется, будто прошлое снова догнало ее.

Ребекка закрывает глаза. У нее много отрывочных воспоминаний, от которых не избавиться. Картины раннего утра, когда она, полуголая, просыпалась в чужой постели или приходила в себя на полу незнакомой ванной с блевотиной в волосах и окровавленным лезвием бритвы в руке.

В те годы, когда отец был при смерти, ее переполняла неумная тревога. Ребекка делала все возможное, лишь бы заглушить боль. Не пропускала ни одной вечеринки, всегда пила без меры и занималась сексом, чтобы забыться. Вся ее жизнь напоминала одну большую зияющую рану. И хотя с тех пор прошло уже много времени, эти воспоминания осколками застряли в ее душе.

Девушка опускается на пол. Конечно, сегодня она уже не та, что прежде: благодаря бабушке и Йуару Ребекка вновь обрела контроль над своей жизнью. Но мысль о том, какой вред она себе нанесла, все еще отзывается болью. Не понимая, почему она это делает, Ребекка

сжимается на коврике в комок, обхватывает себя обеими руками и сотрясается от рыданий.

Глава 16

Сентябрь 1943 года

Они тайком проскальзывают между стеллажами в книжной лавке Чильберга. Убедившись, что никто их не видит, Лúка берет ее за руку и притягивает к себе. Анна смеется. В последние дни она испытывает эйфорию от счастья. Ее жизнь будто в одночасье наполнилась новым смыслом.

Девушка с воодушевлением целует его в щеку. Лúка в ответ приподнимает и кружит ее. Громко прыснув от смеха, Анна обнаруживает, что перед ними стоит пожилой мужчина в клетчатом пиджаке с седыми приглаженными волосами.

Лúка быстро опускает Анну на пол.

– Просим прощения, – начинает она, но мужчина перебивает ее.

– «Флора Швеции», – говорит он дрожащим голосом и поправляет очки с толстыми линзами. – Где стоит?

– В отделе специальной литературы, – отвечает она, указывая на стеллаж в другом конце магазина.

Старик, покачиваясь, удаляется, а когда он исчезает, Анна закрывает рот рукой.

– Нам надо быть осторожнее, – шепчет она.

Лúка кивает, посылая ей воздушный поцелуй, и она, притворившись, будто поймала этот поцелуй, берет в руки стопку выбранных ими книг.

Молодой человек берет две книжки, лежащих сверху.

– Предположим, я понимаю, почему должен прочесть вот это, – говорит он, помахивая «Удивительными судьбами шведского народа». – Но зачем ты выбрала «Бесхвостика Пелле» – ума не приложу. Это же детская книга.

– Из которой ты многое узнаешь о Швеции. Да и вообще, она милая.

– Ладно, буду слушать мою учительницу, – смеется Лúка.

Велосипеды, на которых они приехали, оставлены на улице. Анна хотела одолжить ему один из своих велосипедов, но Лúка упорно ездит на ржавой перекошенной развалюхе, будто подобранной на помойке.

В тот момент, когда они собираются отправиться обратно, Анна видит, как кто-то пересекает площадь Стурторьет. Она пытается предупредить Лúку, но слишком поздно. Юн успел их заметить и сверлит ее взглядом. С ним два товарища, все трое останавливаются.

– Кого я вижу, – с явным чувством превосходства произносит Юн.

– Поехали отсюда, – шепчет Анна, пытаюсь развернуть велосипед, но ничего не выходит, потому что молодчики уже встали рядом полукругом. На одном рубашка и брюки с подтяжками, на другом – серый свитер, оба рослые и широкоплечие.

– Смотрите-ка – макаронник со своей шлюшкой, – продолжает Юн.

У Лúки потемнело в глазах.

– Не смей так говорить о ней, – цедит он сквозь зубы.

– А нечего было снюхиваться с таким, как ты, – смеется Юн ему в лицо.

Анна тянет Лúку за рукав.

– Пойдем отсюда, – повторяет она.

Юн оборачивается к Анне.

– Тебе же известно, что твой дружок сотрудничает с датскими коммунистами. Он сам настоящий коммуняка. Интересно, что бы твой папочка об этом сказал.

Прохожие начали обходить их, и Анна внезапно ощутила, как внутри закипает ярость.

– Это ложь! – вскидывается она.

– Чертов коммунист, который с удовольствием пропустит к нам через границу русских, – продолжает Юн.

– Вот сволочь, – выругался мужчина в сером свитере, сплюнув на землю прямо перед ними.

– Скажи им, чтобы не ввали, – взывает Анна к Лúке, но тот стоит как вкопанный. – Лúка?

Не дождавшись ответа, Анна оглядывается по сторонам. Все, кто проходит мимо, отворачивают взгляды. Если Юн с товарищами на самом деле захотят напасть на них, шансов уцелеть немного.

Быстро сойдя с велосипеда, она начинает пятиться назад. Потом наконец отходит на достаточное расстояние, чтобы развернуться.

– Лúка, – повторяет она, – пойдём!

Юн сжал руки в кулаки, его дружки испытующе смотрят на Лúку. Анна видит, что он не отводит взгляда, но потом все-таки тоже отворачивается.

Юн делает шаг в их сторону, но потом останавливается:

– Бегите, пока можете. Когда немцы победят, мы очистим общество от таких, как вы.

– Поехали, – цедит она сквозь зубы в последний раз, потом запрыгивает на седло и что есть мочи давит на педали. Только от вида Юна подступает тошнота и хочется уехать отсюда как можно скорее. Бросив взгляд через плечо, Анна к большому облегчению для себя видит, что Лúка катит за ней следом.

Парень в брюках с подтяжками поднимает с земли камень и бросает им вслед, попадая в спицы заднего колеса ее велосипеда. Тяжело вздохнув, она поворачивает назад голову и видит напряженное лицо Лúки.

– Не оборачивайся, – говорит он. – Только вперед.

На полной скорости они мчатся вдоль Железнодорожной улицы. Сердце тяжело бьется в груди. Вот они уже на Ландскрунавэген, Анна тормозит и спрыгивает с велосипеда. Отбросив в сторону свою колымагу, Лúка спешит обнять ее.

– Очень сожалею, что он успел наговорить тебе гадостей, – тихо успокаивает он.

– Да мне плевать на его слова. Меня больше беспокоит, что он собирается делать. – Повернувшись лицом к Лúке, она встречается с ним взглядом. – Это правда, что ты сотрудничаешь с датскими коммунистами?

Лúка проводит рукой по волосам:

– Я же сказал, что не имею права никому рассказывать.

– Если хочешь, чтобы я тебе доверяла, если у нас все серьезно, мне надо знать, – произносит Анна с нажимом. Она высвобождается из его объятий. – Давай, рассказывай!

– Только это должно остаться между нами, – вздыхает он.

– Обещаю.

– Я серьезно говорю. В Дании казнят тех, кто пытается противостоят немцам. А у гестапо везде шпионы, и здесь тоже.

– Но я на твоей стороне, – напоминает ему Анна. – И я хочу помочь. Вместе мы их одолеем.

– Откуда такое упрямство? – удивляется Лúка.

– Разве это не одна из тех черт, которые тебе нравятся во мне?

– Ты не похожа ни на одну из женщин, встретившихся на моем пути, – смущаясь, говорит он.

– Нет, конечно. И я не позволю какому-то там Юну Свенсону и его друзьям запугать меня. Если только можно что-нибудь сделать, чтобы ограничить их влияние, я хочу в этом участвовать.

– Я знаком с людьми, которые пытаются поддерживать движение Сопротивления по ту сторону пролива, – тихо произносит он. – Совсем недавно они создали новую организацию, чтобы противодействовать нацистам, туда вошли представители нескольких датских партий, в том числе коммунисты.

– Ты помогал им?

– Пару раз. Я выяснил, где находятся бежавшие сюда датчане, и передал им сообщения. Существует целая сеть, которая сотрудничает с британскими военными. Ее цель, естественно, освободить Данию от немцев. Больше я ничего тебе сказать не могу.

Анна кивает.

– Мой отец снабжает немецкую военную промышленность железной рудой. Он не нацист, – добавляет она. – Но он считает, что Гитлер поступает правильно, и я...

Слова застревают в горле, и она умолкает.

– Но в этом же нет твоей вины?

– Нет, – соглашается Анна, одновременно понимая, что все звучит значительно хуже, как только пытаешься облечь суть в слова. – Но кажется, мне следовало бы что-нибудь предпринять, чтобы уравновесить вред от его действий.

– Amore mio ^[20], – серьезным тоном говорит Лúка, – это опасно.

– Знаю.

Он раскрывает свои объятия, и Анна ныряет в их тепло. Она думает об отце, о том, что всегда полагалась на его картину мира и привыкла принимать его суждения безоговорочно. Значит, это было неправильно? Неужели все ее представления об окружающей действительности основаны на той точке зрения, которая позволяет отцу заработать побольше денег?

– Рано или поздно война закончится, – говорит Лúка. – И мы сможем делать все, что захотим.

– Не знаю, смогу ли так долго ждать. Я хочу, чтобы мы начали жить одной жизнью сразу, сейчас.

– Ну Анна, нужно терпение. Придет время, и ты сможешь исполнить все свои мечты: переехать обратно в Стокгольм, выучиться на медсестру и...

– Выйти за тебя замуж?

Лу́ка улыбается.

– Если бы все зависело от меня, мы были бы уже женаты. Найди священника, и мы решим вопрос, здесь и сейчас, – смеется он, но потом его голос вновь обретает серьезность. – Ты же знаешь, как много ты для меня значишь? Ради тебя я сделаю все, что угодно.

Лу́ка встречается с ней взглядом, и Анна чувствует, как у нее начинает сосать под ложечкой. Единственное, что ее волнует, чего она хочет, – это быть с ним рядом.

– Я тоже.

Подняв руку, он касается пальцами ее ключицы, всего в нескольких сантиметрах от вздымающейся при каждом вздохе груди.

– Никогда прежде такого не испытывал, – продолжает он. – С того самого дня, когда мы встретились на вершине скалы, я не могу ни о чем другом думать. Ты прекраснее всех, кого я знаю, и я благодарен судьбе за каждое мгновение, которое провожу с тобой рядом.

Объяснение в любви действует на Анну опьяняюще. Прижав руку к груди Лу́ки, она чувствует, как под тканью рубашки бьется его сердце.

Девушка медленно приближает к нему свое лицо и, оказавшись так близко, что уже ощущает кожей его дыхание, закрывает глаза. Лу́ка берет ее за плечи, и, когда их губы встречаются в поцелуе, Анна прижимается бедрами к его телу. Поцелуй становится все глубже и интенсивнее – от возбуждения девушку охватывает дрожь. Она никогда и никому в этом не признается, но Лу́ка являлся к ней в мечтах. Оставаясь в одиночестве, Анна закрывала глаза и представляла его себе – как он медленно раздевает ее, расстегивает пуговицы, лаская, снимает одну вещь за другой, чтобы потом осыпать обнаженную кожу поцелуями.

Тяжело дыша, Лу́ка тянет ее за собой – скрытые от чужих глаз складским зданием, они могут продолжать целоваться. Она чувствует, как его пальцы касаются блузы. Прижимается к кирпичной стене и

издает стон, когда он сжимает в руке ее грудь и проводит губами по ее шее.

Спустя несколько секунд Лúка останавливается. Анне не хочется прерываться, но он обхватывает руками ее лицо, и она открывает глаза. Они все еще стоят вплотную друг к другу, и девушка улыбается, но Лúка уже пришел в себя.

– Нам некуда торопиться.

– Вообще-то я уже взрослая и решаю все сама, – дерзко отвечает она.

Лúка встречается с ней взглядом и смеется.

– *Ti amo, Anna*, – с чувством произносит он. – *Ti amo per sempre* [\[21\]](#).

Глава 17

Апрель 2007 года

Стоило только Ребекке подняться на стремянку и начать отрывать старый рубероид, как к участку подъезжает огромный трактор. Двигатель громко фыркает, мешая ей сосредоточиться, но она мужественно оборачивается и поднимает руку в знак приветствия. Сидящий за рулем Арвид даже не смотрит в ее сторону.

Ребекка вздыхает. Ей самой не понять, почему она на него так зла. Надо бы просто не обращать на соседа никакого внимания, но не получается. К тому же она обещала Эгону поговорить с ним по поводу ремонта изгороди, чего бы ей это ни стоило.

Взявшись за край хлипкого рубероида, Ребекка аккуратно тянет его на себя, а когда он не поддается, достает плотницкий нож. Первые кровельные гвозди послушно выскальзывают наружу, достаточно подцепить шляпки кончиком ножа, но потом дело застопорилось. Два гвоздя сидят слишком глубоко, как бы она ни старалась их вытащить.

Пытаясь подковырнуть шляпки, Ребекка забирается выше, чтобы было удобнее держать рукоять ножа. Она крутит нож, подбираясь с разных сторон, и в конце концов вроде засовывает кончик лезвия под шляпку. Перехватив рукоятку, упирается левой рукой в крышу, чтобы не упасть. Но не думает, куда направлен нож. Раньше, чем девушка успевает среагировать, он соскальзывает и попадает ей в левую руку, оставляя глубокий разрез.

Ребекка в ступоре смотрит на зияющую у основания большого пальца рану. От вида стекающей по руке крови девушка вскрикивает. И что же ей теперь делать? А вдруг это надо зашивать? Ей же даже до больницы самой не добраться, но не вызывать же скорую из-за какого-то пореза?

На дрожащих ногах Ребекка спускается с лестницы, отрывает бумажные полотенца и оборачивает ими руку. Арвид заехал на свой двор, и она делает пару неуверенных шагов в сторону его дома. Просить о помощи ужасно не хочется, но сейчас, похоже, у нее нет выбора. Она спешит к старому сараю. Рука болит, чувствуется, как из раны толчками выливается теплая кровь. Когда Ребекка заходит за угол и Арвид замечает ее, он тут же бросает свои занятия.

– Я порезалась, – громким голосом говорит она. – Ножом.

Кивнув, сосед берет ее за запястье:

– Глубоко?

– Не знаю, но крови много.

– Пойдем в кухню, – отвечает он и ведет ее к дому.

Они подходят к мойке, и Арвид включает воду:

– Что за нож?

– Плотницкий. Я крышу чинила.

– Дай посмотрю рану, – продолжает сосед и достает с полки стопку чистых кухонных полотенец. – Только надо сначала постараться промыть ее под проточной водой.

По спине пробегает дрожь. Все ее существо протестует, не желая снимать с руки защиту в виде бумажных салфеток. Откуда ей знать, можно ли доверять Арвиду? Да и не хочется Ребекке, чтобы он видел ее шрамы.

Когда он притягивает ее руку к крану, Ребекка стискивает зубы. Арвид снимает промокшую бумагу и наклоняется ближе, подставляя рану под струю воды.

Моментально растекается обжигающая боль, и Ребекка пытается отдернуть руку, но Арвид не отпускает. Секунды похожи на вечность – девушка может вновь дышать спокойно только после того, как он оборачивает ее руку в чистое полотенце. Ткань плотно прижимает кожу, рука поднята вверх. Даже если сосед и заметил шрамы, он не показал вида.

– Выглядит нормально. Порезалась ты, конечно, знатно, но рана, похоже, неглубокая. Достаточно пару швов наложить в поликлинике.

– Нет, – отвечает Ребекка, качая головой. – Я не хочу никуда ехать.

– Ну ладно. Само тоже заживет, не сомневайся.

Арвид помогает ей дойти до кухонного дивана, она опускается на упругое сиденье.

– Посиди немного спокойно – надеюсь, кровотечение остановится, и тогда мы сможем наложить нормальную повязку.

Он уходит и возвращается с аптечкой. Поставив ее на стол, начинает хлопотать с чем-то у кухонного буфета. Потом приносит поднос с печеньем и морсом.

– Бледновато выглядишь. Мне кажется, тебе стоит что-нибудь съесть.

– Спасибо, – отвечает она, отпивая сок. – Как только наложишь повязку, обещаю удалиться и оставить тебя в покое.

– Ничего страшного, – едва различимо откликается Арвид.

Ребекка оглядывается по сторонам, рассматривая просторную кухню. Интерьер стал намного проще, чем во времена Герды, но тем не менее выглядит элегантно. Стол накрыт простой скатертью, вдоль столешницы выстроены в ряд белые жестяные банки с черными этикетками, на стене над ними висят кастрюли из нержавеющей стали и прочая кухонная утварь. Ребекка задумывается, где сейчас Мэнди. Может, она работает в городе? Тогда понятно, почему Ребекка ни разу ее не видела.

Трусцой прибегает большая собака с длинной серо-белой шерстью. Подойдя к Арвиду, она тычется носом в его руку.

– Да я не забыл про тебя, – откликается хозяин и ставит на пол миску с сухим кормом.

– Кто это? – озадаченно спрашивает Ребекка.

– Мэнди, моя верная коллега. Я бы никогда не выжил на ферме в одиночку, без ее помощи, – говорит он и чешет собаку за ухом.

«Вот, значит, кто такая Мэнди», – удивляется про себя девушка. Если бы не боль, она бы посмеялась над своим заблуждением.

– Ну что, осмотрим рану и перевяжем как следует?

Ребекка опускает глаза. На самом деле ей хочется, чтобы руку оставили в покое. Она чувствует себя такой уязвимой и незащищенной.

– Ладно, – в конце концов соглашается девушка.

Арвид аккуратно разматывает полотенце. Достав стягивающий пластырь, он приклеивает три полоски поперек раны, потом накладывает сверху защитный компресс.

Ребекка не может оторвать взгляд от перепачканного кровью полотенца. Почему она была так неосторожна, работая с ножом? Расхаживать с перетянутой пластырем ладонью – это последнее, что ей сейчас надо: бабушку вот-вот выпишут, а столько всего не сделано. Да еще Йуар будет вздыхать, какая Ребекка неловкая, и не преминет заметить, что, если бы она не связалась с ремонтом дома, все было бы в порядке.

– Ну вот, – произносит Арвид, закончив перевязку. – Мне нужно ненадолго отлучиться в коровник, а ты, если хочешь, можешь остаться здесь – отдохнуть.

Ребекка качает головой. Она хочет опять заняться домом, но, поднявшись, чувствует, как ее пошатнуло и зарябило в глазах. Арвид подхватывает девушку и помогает ей сесть обратно.

В почти бессознательном состоянии Ребекка оглядывается вокруг:

– Что случилось?

– Тебе лучше остаться, чтобы я за тобой присмотрел.

– Хорошо, – бормочет она.

– Есть еще морс и печенье, – напоминает он ей, показывая на поднос, и исчезает.

Ребекка поворачивается на кухонном диване. Она бы с куда бóльшим удовольствием оказалась сейчас в доме бабушки, но Арвид, скорее всего, прав: в таком состоянии лучше одной не оставаться. Раздраженная возникшей ситуацией, девушка опирается рукой на диванные подушки, чтобы зафиксировать ладонь в приподнятом положении, и прислоняет голову к стене.

Рядом с диваном стоят старинные напольные часы болотного цвета, украшенные желтыми и красными цветами. Прислушиваясь к их медленному тиканью, девушка чувствует, как веки становятся все тяжелее. Крадучись, подходит Мэнди, опускается рядом с ней на пол и тяжело вздыхает. В кухне царит спокойствие. Гармоничные цвета крестьянского интерьера навевают воспоминания о том, как Ребекка заживала к Герде, переехав жить к бабушке. В подростковый период они с матерью так часто ссорились, что у нее просто не оставалось выбора.

Когда на душе было совсем тяжело, они с Камиллой вообще ни о чем не могли договориться и на протяжении полутора лет ругались почти безостановочно. Сейчас, спустя годы, Ребекка понимает, что мать верила в действенность запретов, унижительного контроля и визитов в отделение детско-юношеской психиатрии, но они не помогали, а лишь увеличивали разделявшую мать и дочь пропасть. У Ребекки складывалось впечатление, что Камилла считает, будто дочь преувеличивает проблемы, пытаясь привлечь внимание к собственной персоне. В хаосе обуревавших ее чувств девочка ощущала себя одинокой, брошенной на произвол судьбы, и однажды она просто не выдержала, упаковала вещи в дорожную сумку и ушла из дома.

Тот вечер, когда она, заплаканная, явилась в Бьёркбаккен, ярко запечатлелся в памяти. Шел проливной дождь, а бабушка сразу

впустила ее в теплый дом. Потом они несколько часов сидели в кухне и разговаривали.

От этого воспоминания на лице появляется слабая улыбка. Бабушка казалась такой доброй и понимающей, что Ребекка подумала, будто, живя у нее, станет легче побороть все дурные привычки. Но, как бы ни хотелось выздороветь, порвать с прошлым оказалось не так-то просто. Девушка надеялась, что обуздает свою тревогу, но иногда навязчивые мысли накрывали с головой, и спастись можно было только бегством. Ребекка продолжала украдкой уходить из дома по ночам, напиваться до беспамятства и наносить себе порезы. Когда лезвие бритвы скользило по коже и на поверхность выходила кровь, муки отступали, пусть и ненадолго. В конце концов, несмотря на протесты бабушки, Камилла добилась, чтобы к дочери приняли меры во избежание членовредительства.

Четыре недели Ребекка провела в закрытой психиатрической лечебнице, где насильно проходила медикаментозную и все другие виды терапии. Госпитализация стала ужасным опытом, и она была готова сделать все возможное, лишь бы не попасть туда снова. Когда Ребекка выписалась из больницы, они вместе с бабушкой, обратившись к психологу, разработали план. Ребекка приняла решение полностью перестать общаться со сверстниками за пределами школы и сосредоточилась на учебе. Благодаря бабушкиной поддержке ей удалось хорошо окончить гимназию. Но даже несмотря на то что в конце концов все устроилось, воспоминания все еще живы в памяти, и Ребекка по-прежнему содрогается, думая о том, что с собой сотворила.

Она устало закрывает глаза. Йуар убежден, что, если не обсуждать прошлое, воспоминания со временем поблекнут. Он очень тщательно следит за тем, чтобы никто не узнал о бурной юности Ребекки. Пару лет назад коллега Йуара и его жена Юханна пригласили их в гости. Хозяйка откровенно делилась непростым опытом взросления, но, как только Ребекка начала в ответ рассказывать о своей израненной юности, Йуар разозлился и прервал ужин. Он сослался на головную боль, но всем за столом стало ясно, что они ушли домой раньше времени по другой причине. В ту ночь Ребекка осознала, как много носит в себе непрожитого горя. Она долго не могла уснуть и лежала, укутавшись в плед и уставившись в потолок, потому что Йуар, как обычно, перетянул все одеяло на себя. Однако, когда речь изредка все-таки заходила о

юношеских годах, ее парень настойчиво утверждал, что теперь Ребекка совсем другой человек и не должна допустить, чтобы ее прошлое разрушило построенное ими настоящее. Ребекка предпочитала не спорить. Внутренний голос подсказывал, что следует быть благодарной Йуару уже за то, что он не отвергает ее, несмотря на изъяны.

Она тяжело вздыхает. Возвращение домой выматывает. Может, Йуар и прав. Может, ей надо было отпустить ситуацию и вернуться в Стокгольм. Чем дольше думает об этом Ребекка, тем больше ее одолевает сонливость, и, до конца не понимая, что с ней происходит, она проваливается в неглубокий сон.

Глава 18

Сентябрь 1943 года

Анна как можно тише закрывает за собой дверь спальни. За окном стоит красивый вечер. На небе ни единого облачка, и солнце укутывает горизонт одеялом теплого света.

Они с Лúкой условились, как обычно, встретиться на лесной поляне. Весь день она пыталась подавить в себе волнение, ждала и пристально всматривалась в циферблат, на котором стрелки двигались вперед со скоростью улиток.

Застегнув плащ, Анна быстрым шагом проходит по коридору. День она провела за чтением до сих пор не известного ей писателя Фицджеральда. Ни обложка, ни название не зацепили, когда Анна впервые увидела эту книгу в лавке Чильберга. Она думала, что «Великий Гэтсби» – либо шпион, либо фокусник, но продавец заверил, что книга стоящая, и Анна за это благодарна. История любви Джея Гэтсби и Дэйзи захватила настолько, что она с трудом дождалась, когда поделится этим трагическим повествованием с Лúкой.

Прижав книгу к груди, девушка сворачивает к выходу. После раннего ужина, извинившись, она уединилась в своей комнате под благовидным предлогом отработки навыков стенографии и с тех пор не попадалась на глаза матери.

Уже в двух метрах от входной двери Анна услышала, как кто-то движется у нее за спиной.

– Анна? – с удивлением окликает ее Ингрид. – Куда это ты?

– Прогуляться немного. Такой вечер приятный, – отвечает дочь, кивнув в сторону окна.

– Что-то ты последнее время зачастила с прогулками.

– Правда? – переспрашивает Анна, стараясь выглядеть невозмутимой. – Просто мне нравится проводить время на свежем воздухе.

Мать молчит и оценивающе смотрит на нее, а Анна чувствует, как сердце сбивается с ритма.

– Свежий воздух, конечно, всегда полезен.

– Вот именно, – быстро произносит дочь. – Мне пора, чтобы успеть вернуться до темноты.

Ингрид кивает, но потом ее глаза подозрительно сужаются.

– А зачем тебе книга?

Анна показывает ей «Великого Гэтсби».

– Думала, присяду где-нибудь – почитаю.

– Но ты же сказала за ужином, что уже дочитала ее?

Анна ощущает проступающие на затылке капли пота. Она открывает рот, чтобы ответить, но теряется, не зная, что сказать.

– Анна, – продолжает мать, – ты с кем-то встречаешься?

– Нет, – быстро отвечает дочь. – Или – да, но это всего лишь друг.

– Какой друг?

– Матушка должна пообещать, что не будет сердиться, – вздыхает

Анна. – Но я познакомилась с молодым человеком, который учит меня итальянскому.

– Что? И кто же это?

– Его зовут Лу́ка Кавалли.

– Вы встречаетесь с ним? И ты нам с отцом ничего не сказала?

Анна кивает.

– А чем он занимается?

– Его семья держит небольшое хозяйство к югу отсюда, – лжет

Анна.

– И где вы с ним видитесь?

– Да здесь, в окрестностях. Мы просто сидим и обсуждаем книжки.

– Господи, Анна! – восклицает Ингрид, всплескивая руками. – Ну как ты можешь так поступать с нами? Носиться вечерами по окрестностям с незнакомым мужчиной! Ты что, не понимаешь, как это выглядит со стороны?

– Прости. Но все это вовсе не так опасно, как может показаться. Лу́ка – исключительно порядочный молодой человек.

– Это неважно. Отныне ты больше не увидишь его. И после ужина тебе теперь запрещается покидать дом.

– Но мама, – протестует Анна. – Ты не можешь так поступать со мной.

– Могу, конечно!

– Между прочим, я совершеннолетняя.

– Но ты живешь в нашем доме. Хочешь решать все сама – съезжай от нас.

Анна в изумлении смотрит на мать. Так хочется, чтобы Ингрид могла понять ее чувства.

– Лука – хороший человек, – говорит она. – Добрый и умный, и я люблю его.

– О господи! – кричит Ингрид, хватаясь за голову.

– В этом ведь нет ничего плохого, – продолжает Анна. – Он собирается переехать в Стокгольм и выучиться на журналиста, а потом мы поженимся.

– Ты больше не увидишь его, понятно тебе? – кричит мать, и голос ее звучит так резко, что Анна отступает на шаг назад. Никогда прежде она не видела Ингрид такой возбужденной.

– Ты не можешь запретить мне выходить на улицу.

– Разумеется, могу. Вальтер возвращается в субботу, когда Рунстрёмы придут на ужин. До тех пор ты не выйдешь из дома.

Анна чувствует, как к глазам подступают жгучие слезы.

– Если бы только матушка познакомилась с ним, ей все бы стало понятно.

Скрестив руки, Ингрид преграждает путь к выходу.

– Я ни слова больше не хочу слышать об этом итальянце, – категорично заявляет она.

У Анны пересохло во рту. Внутри нарастает паника. Она не знает, что предпринять, если ей запретят видеться с Лукой, и не понимает, как мать может быть такой жестокой.

– А что, матушка никогда не влюблялась?

– Нет, – усмехается Ингрид. – Во всяком случае, не в батрака.

Анна с трудом может поверить своим ушам. Мать ничего не понимает! Решительно оттолкнув ее, дочь выбегает на крыльцо.

– Стой! – слышит она у себя за спиной материнский голос, убегая в сторону моря. – Вернись, сейчас же!

Но Анна не останавливается, она убегает от маминых слов.

Лука уже ждет ее.

– Что случилось? – с тревогой спрашивает он.

Анна бросается в объятия любимого и всхлипывает, прижимаясь к его плечу. Лука бережно обхватывает ее лицо и убирает прилипшие к щекам пряди волос.

– Рассказывай, – просит он, но Анна только мотает головой. Она не хочет произносить слова, сказанные мамой.

– Не могу, – еле различимо произносит девушка, еще крепче прижимаясь к нему.

Лу́ка крепко обнимает Анну, она дышит ему в грудь. Как приятно стоять вот так, когда объятия согревают и защищают. В конце концов Анна, собравшись с мыслями, тянется к его уху.

– Ты говорил, что любишь меня?

Она сосредоточенно прислушивается к его дыханию: вдох – выдох.

– Sì, – тихо произносит он, – *tí amo* [\[22\]](#).

– Покажи мне свою любовь, – шепчет она.

Лу́ка застывает, будто задумавшись. Потом тянется к ее губам. Они сливаются в глубоком, долгом поцелуе, и Анна чувствует, как его руки опускаются ниже. Ей нравится это ощущение, одновременно такое естественное и напряженное, будто перед взрывом.

Пальцы осторожно скользят под его рубашку. Никогда прежде не приходилось так ощущать чужую кожу своей. Никогда не подозревала она, что тело может так страстно стремиться к другому. Анна не представляет, что будет по возвращении домой, но сейчас это неважно. Быть рядом с Лу́кой – единственное, что занимает ее мысли.

Солнце садится за горизонт, его исчезающие лучи окрашивают небо в розовые и оранжевые полосы. Анна расстегивает блузку, обнажая шею. Лу́ка касается пальцем маленькой впадинки у нее под ключицей.

– Ты уверена? – шепчет он.

Кивнув, Анна заводит его ладонь под блузку. Ее переполняют разные чувства – так много, что всех не различишь. К ощущению счастья и нервозному ожиданию примешивается сумбур из упрямства и силы воли. Никто не смеет разлучить их, никто не вправе решать за них судьбу этой любви.

С верхушки дерева раздается трель черного дрозда. Потом он улетает, умолкнув, и над лесом повисает тишина.

Анна ловит взгляд Лу́ки.

– Да, – отвечает она. – Абсолютно.

Глава 19

Апрель 2007 года

Ребекка просыпается от шипящего звука. Проходит пара секунд, прежде чем она вспоминает, где находится. Арвид стоит у плиты, и по всему дому разносится аромат жаренных на масле грибов.

В полной растерянности девушка смотрит на часы: пятнадцать минут шестого. Садится, выпрямляя спину. Неужели она уснула на кухне у Арвида? Поправив волосы, смотрит на пораненную руку. Сквозь бинт проступила маленькая капелька темной крови.

Заметив, что она проснулась, Арвид убавляет огонь на плите и подходит к ней.

– Как себя чувствуешь?

– Кажется, хорошо. Извини, я не ожидала, что усну. Сейчас пойду, – говорит она, вставая с дивана.

– А куда торопиться-то? – отвечает Арвид, пожимая плечами. – Я тут кое-что готовлю, можешь остаться на ужин.

Ребекка сомневается. Не хочется, чтобы сосед чувствовал себя обязанным заботиться о ней, но нормально поесть не помешало бы. К тому же вряд ли представится более удачный случай попросить о помощи с изгородью для Эгона.

– Ладно, спасибо, – выжидающим тоном ответила она.

Арвид раскладывает по двум тарелкам картошку, говядину, грибной соус и бруснику. Ребекка незаметно наблюдает за ним, пока он усаживается за стол напротив нее. Такого роскошного угощения она не ожидала.

– Выглядит аппетитно.

– Ага, – соглашается он и начинает за обе щеки уплетать ужин. Ребекка тоже пробует. Мясо – мягкое, картошка – рассыпчатая, грибной соус – густой и насыщенный.

Они едят в тишине, и Ребекка раздумывает, что бы сказать.

– Не знала, что ты умеешь готовить.

Арвид встречается с ней взглядом, но сохраняет молчание. От его сосредоточенности она начинает откровенно нервничать. Коснувшись того пальца, где обычно надето кольцо, Ребекка думает, что надо бы

рассказать Арвиду о Йуаре. Хотя, если она просто так, ни с того ни с сего заявит, что помолвлена, это будет, пожалуй, звучать странно.

– Мясо из твоего хозяйства?

– Да.

– А часть какая?

– Кострец.

Ребекка кивает в ответ:

– Очень вкусно. И жуется легко. А грибы сам собирал?

– Да, – отвечает он, криво улыбаясь. – Есть еще вопросы или я могу поесть наконец спокойно?

Ребекка опускает глаза.

– Нет, – бурчит она, ерзя на диване, потом нечаянно касается тыльной стороной руки столешницы, и ее передергивает.

– Больно?

– Да.

– Так, – говорит Арвид, поднимаясь с места. – У меня есть обезболивающее и красное вино. Решай сама, что тебе больше требуется.

– Ты, что, пьешь вино по воскресеньям? – пытается шутить Ребекка.

– В крестьянском хозяйстве каждый день – понедельник. – Ну, или суббота, немного зависит от настроения хозяина, – отвечает он.

У Ребекки зарделись щеки. Она знает, что пить ей не следует, но в то же время надо же как-то поднять тонус. Да и натянутую обстановку разрядить не помешает.

– С удовольствием выпью чуть-чуть вина.

– Хорошо, – говорит Арвид и приносит бутылку.

* * *

Час спустя Ребекка ощущает себя значительно лучше. От еды она стала бодрее, боль в руке отпустила, да и Арвид начал отвечать целыми предложениями.

– Но почему ты не держишь кур? – интересуется она, стараясь быть серьезной.

– Просто не успел еще, – отвечает он, осушая свой бокал. – Я завел свое хозяйство чуть больше года назад.

– Значит, ты начинающий фермер?

– Нет. Я вырос на хуторе. В последнее десятилетие мы управляли хозяйством на пару с братом, но в какой-то момент поняли, что так больше продолжаться не может.

– Почему? – с удивлением спрашивает Ребекка, наклоняясь через стол. – Вы поссорились?

Арвид качает головой:

– Нет, не в том дело. Просто Нильс – мой брат – женился на своей Стине, и мы решили, что будет лучше, если он выкупит мою долю. А сейчас у них появилась малютка Майлис.

– Вот оно что. Но тебе по-прежнему нравится фермерская жизнь?

Когда лицо Арвида озаряет улыбка, оно становится совсем другим, и у Ребекки теплеет на душе.

– Вести хозяйство в одиночку оказалось труднее, чем я думал, – говорит он, водя пальцем по краю стола. – У меня всегда полно дел, а поскольку речь идет о живых существах, я не могу позволить себе что-нибудь упустить. И вдобавок еще... – Арвид умолкает, потупив взгляд.

– Что?

– Да так, ничего.

– Ну, говори.

Он подпирает рукой подбородок, и Ребекка замечает маленькие ямочки вокруг рта, появляющиеся от улыбки. Глаза у Арвида светло-голубые, и смотрит он так пронзительно, что Ребекку бросает в приятную дрожь каждый раз, когда она встречается с ним взглядом. Удивительно, как ему удалось очаровать ее? Ведь он полная противоположность того типа мужчин, которые обычно ее притягивают.

– Я хочу вести хозяйство правильно, – объясняет Арвид. – Хочу, чтобы животным было хорошо, пестициды с инсектицидами стараюсь не использовать, как и оборудование, загрязняющее среду, но дебет с кредитом при этом свести непросто. Молоко закупают по очень низкой цене. Признаться, я планировал инвестировать в доильного робота, чтобы самому выкроить побольше времени на земледелие, но денег не хватает.

– А разве ты не можешь продавать молоко другому закупщику, который платит больше?

– Так не работает. Правда, я подумываю над открытием магазина на ферме, чтобы напрямую продавать свои продукты. Еще хотел бы выращивать овощи: салат, капусту, репу, свеклу и лук – и, возможно, развивать другие направления. У меня ведь есть старый сарай, там можно было бы открыть небольшой магазин фермерских продуктов. Но, чтобы переоборудовать помещение, естественно, нужны деньги.

– Мне кажется, это прекрасная идея! На выходных ты сможешь завлечь сюда горожан, которые готовы платить по пятьдесят крон за чашку кофе.

– Ну, не знаю, – говорит Арвид, смеясь. – Я и так-то с трудом с хозяйством управляюсь. Но было бы здорово, конечно.

– А почему ты не наймешь кого-нибудь? Я могу помочь тебе рассчитать, во сколько это обойдется.

– Точно, ты же экономист. Приятно, наверное, работать там, где тебя ценят и хорошо платят.

Ребекка опускает глаза в пол. Внезапно грудь опять сдавливает спазм, и она пытается сделать глубокий вдох.

– Как ты? – спрашивает Арвид.

– Все нормально, – бормочет она. – Или... Даже не знаю.

– Рука заболела?

– Нет, не в этом дело. Просто у меня проблемы на работе.

– Вот как? И какие же?

Ребекка сглатывает ком. Она понимает, что было бы странно сидеть тут и втолковывать бабушкиному соседу про дела компании «Хеннинг и Шустер», но внезапно чувствует, что не может удержаться.

– На самом деле ничего особенного не произошло, – рассказывает она с напускным равнодушием. – Мне обещали повышение, а повысили другого. Возможно, звучит нелепо, я понимаю, но я старалась изо всех сил. Несколько лет я думала только о работе, отодвигая все другое на второй план, и теперь чувствую себя обманутой.

Когда Ребекка поднимает глаза и встречается взглядом с Арвидом, ей кажется, будто по нервам прошел электрический разряд. Глаза соседа потеплели, а между бровями пролегла морщинка.

– То есть тебе говорили, что будет повышение по службе?

Ребекка кивает в ответ.

– Но это чертовски обидно.

– Да, представь себе.

– Тебе стоит послать их подальше и найти себе другую работу.

– Но мне нравится моя работа, – возражает Ребекка, прокручивая в руках бокал. – Ну, по большей части. И потом, я отдала ей шесть лет своей жизни.

– Понимаю, о чем ты, – соглашается, кивая, Арвид. – Мне трудно представить себе, чтобы я сменил род занятий. Даже притом что вывести фермерское хозяйство на самоокупаемость – практически невыполнимая задача. Это непрерывная борьба, – бурчит он себе под нос. – Если есть желание, рассчитай, пожалуйста, проект магазина.

– Ладно. При одном условии.

– И каком же?

– Ты поможешь мне починить изгородь у Эгона.

– Чтобы я помогал этому упертому барану? – выкрикивает Арвид и мотает головой. – Да ни за что на свете!

– А я-то думала, что в сельской местности по-доброму относятся к соседям.

– Ха, – язвит Арвид. – Мечтать не вредно. Эгон безнадежен. Он шумит, выбрасывает мусор на мою территорию и крадет мой урожай. Я однажды встретил его на поле, где я для эксперимента выращиваю брокколи. Так он расхаживал с корзинкой, будто в магазине. А еще эта проклятая стрельба.

– Со стрельбой он обещал завязать, если мы придумаем, как не пускать к нему диких кабанов.

– Когда ты возвращаешься в Стокгольм? – вздыхает Арвид.

– Как только бабушка вернется домой. В больнице говорят, что через пару дней ее выпишут.

– Ладно, – покорно соглашается он. – Но в таком случае нам придется поторопиться. В одиночку чинить его изгородь я не собираюсь.

– Конечно, – с готовностью отвечает Ребекка. Ей не совсем понятно, почему Арвид внезапно так по-дружески к ней отнесся.

– Может быть, еще вина?

– Да, спасибо, – откликается Ребекка, подставляя свой бокал. – А что это мы пьем?

– Мерло из провинции Удине.

Ребекка бросает на него удивленный взгляд, и Арвид улыбается одним уголком рта.

– Меня увлекают вина. Будь у меня куча денег, я бы, пожалуй, переехал в Италию и основал винодельню.

– Звучит чудесно.

– Да, но, судя по всему, не так просто. К сожалению, я ни слова не знаю по-итальянски, да и склонности к языкам у меня нет. К тому же мне не нравится бюрократия, а ее, по слухам, в Италии предостаточно. Я бы с ума сошел от всех этих правил, в которых ни за что не смог бы разобраться.

Ребекка со смехом отпивает глоток вина.

– А что бы сделала ты, будь у тебя много денег? – спрашивает он.

– Не знаю.

– Ведь должна же у тебя быть мечта?

Ребекка отрицательно мотает головой, но Арвид не отступает:

– Чем тебе нравится заниматься?

– Мне нравится моя работа.

– Но должно же тебя интересовать что-то, помимо работы?

Ребекка откидывается на спинку стула и окидывает взглядом погружающиеся в сумерки окрестности.

– В юности я много танцевала. Ходила в балетную школу и участвовала в паре постановок. Было здорово, но потом случилась серьезная травма.

– Ой, как обидно.

– Да ладно, вообще-то я не из-за этого бросила танцы, – тихо говорит она. Моя молодость напоминала американские горки. Я постоянно ссорилась с матерью, не находила покоя дома и временами чувствовала себя прескверно. В результате переехала сюда, в Бьёркбаккен.

– Значит, ты поэтому так хочешь отремонтировать этот дом?

– Думаю, что да, – задумчиво произносит она. – Бабушка приютила меня в своем доме, когда мне было совсем некуда идти, и теперь я хочу быть уверенной, что она его не лишится.

– Понимаю, – отзывается Арвид и подливает вино.

– Но это вовсе не означает, что мне нравится заниматься ремонтом, – торопливо выпаливает Ребекка. – Я просто делаю то, что должна.

– Так может, ты любишь решать проблемы? – предполагает Арвид.

– Возможно.

– А я люблю такую работу, где все приходится решать самому, – продолжает он. – Действовать свободно – это здорово, но при этом страшно совершить ошибку, которая может все испортить. Я по характеру неугомонный, люблю, чтобы все было быстро. А фермерское хозяйство требует изрядного терпения.

Ребекка улыбается. Удивительно, насколько ей успел понравиться Арвид за эти пару часов. Вся ее злость улетучилась, и он уже представляется ей вовсе не таким неприятным, каким казался вначале.

– Я люблю печь, – в конце концов говорит она. – В детстве я мечтала открыть свое кафе. Мне нравится работать руками. Очень круто, когда можешь создавать такое, что приносит радость другим.

– И почему же ты этим не займешься?

Ребекка прикусывает губу. Вспоминает, как однажды в их квартале в Стокгольме выставили на продажу маленькое кафе. Примчавшись домой, она, не сдерживая ликования, рассказала Йуару об этой возможности, но он встретил новость неодобрительным взглядом. «Да что ты, держать кафе? – сухо отозвался ее парень. – А деньги ты как собираешься зарабатывать?» Несмотря на его неприязненный тон, Ребекка объяснила, что женщина, которой оно принадлежит, собирается выходить на пенсию, что у нее свой круг постоянных клиентов и хороший оборот. Но Йуар только покачал головой в ответ. «Ну уж я точно не собираюсь стоять рядом и смотреть, как ты гроишь свою карьеру», – сказал он и вышел.

– Случая подходящего не представилось, – кривит она душой. – Как ты рискнул обзавестись собственным хозяйством? Это серьезный шаг.

– Да, я несколько лет собирался с мыслями.

– Расскажи мне, где ты вырос?

Арвид кивает:

– На равнине Сёдерслэттен ^[23]. Наши родители купили хутор, когда мы с братом были маленькими, и мне очень нравилось там жить. Было в этом месте что-то особенное. Да и, само собой, ребенку на ферме расти привольно. Столько всего интересного! Мы все время проводили на свежем воздухе: прыгали на сеновале, катались на лошадях, кормили кроликов, ловили сбежавших кур, ездили с мамой на тракторе.

Ребекка откидывается назад. Голос Арвида слушать приятно. За суровой внешностью скрывается мягкость, незамеченная прежде.

Спустя некоторое время девушка прикрывает глаза. Несмотря на пьянящий эффект вина, она, кажется, давно не осознавала происходящее так ясно. Впечатления становятся ярче, и Ребекка думает о том, как ей здесь нравится. Бьёркбаккен – единственное место в мире, которое она искренне может назвать своим домом.

Иногда у Ребекки возникало такое чувство, словно она не проживает свою жизнь, а гостит в ней. Знает ведь, что у нее есть все, чего можно пожелать: успешный жених, уютный дом, стабильная, хорошо оплачиваемая работа. Ей полагается быть довольной и не тяготиться повседневностью. И все-таки иногда случается, что Ребекка смотрит на все это будто со стороны: вот она видит себя в пустом офисе, засидевшуюся поздно вечером на работе, вот идет одна через центр города или молча сидит за обеденным столом напротив Йуара, с головой ушедшего в очередной отчет. Ребекке кажется, будто на самом деле ее там нет, а эту жизнь проживает ее тень. Поскольку никто не смотрит ей в глаза, Ребекка задумывается, видят ли ее другие.

Открыв глаза, она видит, что Арвид сидит, опершись на стол. С озабоченным видом он протягивает к ней руку:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – отвечает Ребекка, но голос не совсем ее слушается, и сразу наступает раскаяние о том, что вина выпито слишком много.

– Думаю, пора закругляться и ложиться спать, – говорит он, поднимаясь с места. – Пойдем, я провожу тебя.

– Ладно, – бормочет она.

Поднявшись, Ребекка чувствует, что ее пошатывает, но Арвид идет рядом, крепко поддерживая.

– Как твоя рука?

– Почти не болит уже.

– Приятно это слышать.

На улице успело стемнеть – над ними простирается усыпанное звездами небо. Щебень хрустит под ногами, пока они взбираются на холм. Арвид придерживает ее, и от их близости у Ребекки учащается пульс. Они с Йуаром не прикасались друг к другу несколько месяцев, и внезапно в ней вспыхнула искра желания.

Арвид и Ребекка подходят к ее дому, и она начинает искать в кармане связку ключей.

– Так как еще раз оно называлось? – бормочет она.

– Что?

– Лекарство.

– Мерло? Из провинции Удине.

– Точно. Мерло из провинции Удине.

Арвид смеется:

– Я напомню тебе завтра, а сейчас тебе надо лечь спать и дать руке отдохнуть.

– Спасибо, – благодарит его Ребекка. – Спасибо за твою заботу.

– Ну а как же иначе? Соседей нужно беречь.

Ребекка улыбается. Давно ей не было так хорошо, и она не чувствовала себя такой живой. Приятная дрожь пробегает по спине, когда Арвид берет ее за руку и помогает вставить ключ в замочную скважину.

Наклонившись ближе, Ребекка вдыхает его запах, в котором смешиваются ароматы сигаретного дыма и кожи.

– Арвид? – обращается к нему она, но он, похоже, не слышит. Ребекка закрывает глаза и глубже проваливается в свои приятные ощущения, а открыв глаза вновь, видит, что сосед стоит прямо перед ней. Не очень контролируя себя, она обвивает рукой его шею, медленно поднимается на носки и тянется вверх, пока не оказывается так близко, что чувствует щекой его дыхание.

Арвид неподвижен, он будто застыл в движении.

– Ребекка, – говорит он, но голос доносится будто откуда-то издалека.

– Арвид, – шепчет она вновь и, сделав глубокий вдох, приникает губами к его губам.

Глава 20

Октябрь 1943 года

Услышав стук, Анна не понимает, откуда доносится звук. Оглядывается по сторонам, пока не замечает лицо Лúки по другую сторону оконного стекла.

Она торопливо поднимает щеколды и открывает окно. Повезло еще, что окна ее спальни выходят на север. Мимо почти никто не ходит.

В последние дни обстановка в Хиллесгордене стоит напряженная. После их громкой ссоры Ингрид едва достаивает дочь взглядом. Мать свела все общение к отрывистым, высказанным ровным голосом инструкциям по подготовке к ужину с Рунстрéмами. Теперь Анна с тревогой ждет возвращения отца и неизбежного выговора.

Девушка смотрит на часы. Как бы ни радовало ее появление Лúки, она боится, что его обнаружат. Пройдет чуть больше часа, и в имение приедут гости – слуги готовили каждый уголок дома к их приезду: всю неделю выбивали пыль из ковров, стирали занавески, вытирали подоконники и натирали до блеска зеркала. Большой дубовый стол в столовой уже давно накрыт: рядами стоят тарелки, серебряные приборы и искристый хрусталь, а в кухне стряпают с самого рассвета.

– *Che bel vestito*^[24], – присвистнув, говорит он, кивая на ее длинное платье из золотистой шелковой парчи.

– Спасибо, – смущенно отзывается Анна. О том, кто придет сегодня на ужин, она до сих пор умалчивала, а быть такой разодетой кажется ей предательством по отношению к Лúке.

– Что ты здесь делаешь?

Лицо Лúки становится напряженным.

– Случилось кое-что, – отрывисто сообщает он.

– Что именно?

– Я не могу говорить об этом, но я должен уехать по одному делу.

– Вот как? И надолго?

– Точно не знаю, на пару дней, наверное. Просто хотел предупредить тебя: есть риск, что завтра не увидимся.

– Лúка, ну нельзя же так, – протестует Анна. – Я же беспокоюсь. Рассказывай, куда ты собрался!

Обернувшись, он бросает взгляд через плечо:

– Это не очень хорошая идея.

– Если не скажешь, пойду за тобой следом!

– В таком-то наряде?

Не спуская с него глаз, Анна скидывает туфли на высоком каблуке.

– Я быстрее, чем ты думаешь.

Вздыхнув, Лúка наклоняется к ней через распахнутое окно.

– В таком случае ты должна обещать мне, что никому не расскажешь, – тихо произносит он.

– Конечно.

– Анна, я серьезно говорю. Это опасно.

– Я понимаю.

– По нашим сведениям, немцы собираются арестовывать датских евреев, и мы хотим помочь им бежать через пролив. В трактире «Снеккерстен» в Хельсингёре назначена встреча с человеком, который пытается организовать переправу.

Анна в изумлении смотрит на Лúку:

– Ты поедешь в Данию?

– Да.

– Но это опасно для жизни, – в ужасе шепчет она.

– Да ладно, как-нибудь справлюсь.

– Тебе нельзя ехать.

– Анна, – мягким голосом отвечает он, – я буду осторожен, обещаю. К тому же я не один поеду. Нас несколько человек.

Она мотает головой.

– Нет, – решительно возражает девушка.

– Послушай, со мной все будет нормально.

– Почему именно ты?

– *Se non decidi della tua vita, qualcun altro deciderá per te*, – говорит Лúка со слабой улыбкой на устах. – Если сам не решишь, какую жизнь ты хочешь прожить, другие решат за тебя. Я пытаюсь создать такой мир, в котором мне бы хотелось жить вместе с тобой.

– Звучит благородно. А мне что прикажешь делать, если ты не вернешься? Никому не известно о наших отношениях. У меня даже нет твоей фотокарточки, – произносит Анна осипшим от тревоги голосом.

– Не волнуйся, я вернусь. А если задержусь, обратись в Портовый трактир в Хельсингборге. Там работает женщина по имени Битте, с ней можешь поговорить.

Анна не находит, что ответить. Ее задела готовность Лúки идти на такой риск, она сама не знает почему.

– Послушай, – шепчет Лúка, поглаживая ее по щеке, – хорошо проведи время за ужином. Что у вас сегодня подают?

– Мать раздобыла говяжью вырезку, – монотонно отвечает Анна.

– Dio mio! ^[25] – стонет он, хватаясь за грудь. – Я бы многое отдал за кусок мяса!

Анна толкает его в бок, но в этот момент под дверью в ее спальню раздается шорох, и она резко оборачивается.

– Ты готова? – спрашивает мать.

– Да, – неуверенно отвечает Анна.

– Выйди, я посмотрю на тебя.

Анна встречается взглядом с Лúкой. Они долго неотрывно смотрят друг другу в глаза, потом он перегибается через подоконник, обхватывает ее за шею и притягивает к себе.

Поцелуй получается резким и пронзительным, в нем сливается столько чувств, что Анну бросает в дрожь.

– Скоро увидимся, – шепчет Лúка, прежде чем отпустить ее.

Когда он исчезает за деревьями, у Анны будто что-то обрывается внутри. Она делает глубокий вдох. Но почему именно ему нужно ехать? Почему нельзя остаться в безопасной Швеции?

Опершись на письменный стол, Анна пытается справиться с волнением. Предстоящий ужин сразу стал казаться ей еще ужаснее. Ну как ей изобразить интерес к тому, что ей будет рассказывать Аксель Рунстрём, если в это время она может думать только о Лúке – все ли с ним в порядке?

Ингрид стучится в дверь.

– Ау! – нетерпеливо спрашивает она. – Что ты там делаешь?

Анна выпрямляет спину и поправляет платье. На самом деле ей хочется кричать во все горло, но она знает, что надо успокоиться.

– Ничего особенного, матушка, – отвечает она.

Ингрид отворяет дверь. Пару долгих секунд оценивающе смотрит на дочь.

– Хорошо, – сухо признает мать. – Гости скоро будут. Ты готова?

– Полностью, – отзывается Анна, опять надевая туфли на каблуках, и на подкашивающихся ногах следует за матерью в столовую.

Первые минуты после прибытия Рунстрёмов обстановка натянута, все чувствуют себя немного неуверенно. Вальтер и Ингрид Экблад показывают гостям дом, а Анна пытается не привлекать к себе лишнего внимания.

Когда она в последний раз виделась с Акселем, ей было десять, а ему – тринадцать, у стоящего перед ней мужчины мало общего с тем пухлым мальчиком, каким он ей запомнился. Все те же коротко стриженные волосы соломенного цвета, но Аксель весьма подрос, и голос стал басовитым. Правда, несмотря на возраст, вид у него все равно несуразный в этом двубортном пиджаке, который висит будто на вешалке и, как подозревает Анна, взят напрокат.

После аперитива они рассаживаются за столом, слева от Анны сидит Аксель. Он ведет себя неуклюже и чуть не опрокидывает бокал с вином.

– Вот мы и встретились вновь, – говорит, теребя салфетку. – Никогда не забуду, как вы обыграли меня в прошлый раз в крокет.

Анна подозревает, что это шутка, но молодой человек серьезен и говорит, словно на одной ноте.

– Правда, обыграла?

– Вы нанесли мне сокрушительное поражение, не оставив шанса отыграться, – отвечает Аксель.

– Ой, я даже не помню этого.

– Понятное дело, для вас это была всего лишь очередная победа, одна из многих. Вы продолжаете играть?

– Я тренируюсь ежедневно по несколько часов, и, если кто-нибудь вдруг попросит матч-реванш, я готова, – шутит она.

– Как вы находите время для тренировок?

Анна озадаченно улыбается и чувствует на себе оценивающий взгляд матери. Ингрид обсудила с дочерью длинный список тем, которых та, по ее мнению, должна придерживаться в разговоре. К тому же Анне был дан строгий приказ не упоминать ни свои мечты о сестринских курсах, ни Лúку.

– Значит, вы работаете в компании вашего отца? – спрашивает девушка, пытаясь изобразить интерес.

– Да, именно так. Я начал учиться, но спустя год прервал учебу, чтобы помогать вести дела «Электротоваров Рунстрёма». Мы продаем в первую очередь сварочные аппараты, и дела, признаться, идут неплохо.

– Это здорово. Мать рассказывала, что вы планируете выйти на американский рынок.

– Да, надеюсь, у нас получится реализовать эти планы, как только закончится война, – говорит Аксель, разворачивая салфетку. – Спрос там есть, но, если все получится, этим направлением будет заниматься мой брат, а моя задача – открыть фабрику в Южной Швеции.

– Вот как? И где именно?

– Мы подыскиваем подходящие помещения в Ландскруне, так что, при небольшом везении, скоро станем соседями.

Он смеется, а Анна вежливо улыбается.

– А чем вы занимаетесь в свободное от крокета время?

– Я учусь на заочных курсах стенографисток, но моя настоящая страсть – это литература и искусство. Я обожаю читать.

– Занимательно.

– А вы что-нибудь читаете?

Аксель качает головой:

– Нет, книги никогда меня особенно не увлекали. Я не вижу смысла читать о вымышленном мире. И потом, у меня нет времени для такого легкомысленного развлечения, но я могу понять, что молодым женщинам и домохозяйкам нужно чем-то себя занять.

Анна расправляет плечи. По непонятной причине реплика Акселя разозлила ее.

– В мои планы не входит становиться домохозяйкой, – быстро отвечает она и тут же ловит предостерегающий взгляд матери. – То есть я хочу сказать, что замужняя женщина тоже может приносить пользу обществу, – поправляется Анна.

– Конечно, – соглашается Аксель. – Здесь вы совершенно правы. Благотворительная организация, в которой состоит моя мать, работает просто великолепно. Они уже сейчас собирают деньги, чтобы порадовать к Рождеству доблестных военных, стоящих на страже нашего нейтралитета. А еще матушка состоит в клубе садоводов.

Анна напрягается, подыскивая новую тему для разговора:

– Вы ездите куда-нибудь по делам компании?

– Да, признаться, часто приходится, – кивает Аксель.

– Вот это здорово! И где вы бывали?

Он пожимает плечами и начинает намазывать масло на булочку.

– Да везде понемногу. Большинство крупных городов Европы похожи друг на друга. Вот еда, между прочим, отличается. Между нами говоря, во многих местах есть практически ничего невозможно, но вам, девушкам, это, наверное, на руку. Легче сохранить фигуру, – шутит Аксель.

Анна вздыхает про себя. Неужели ей еще весь остаток вечера так мучиться?

– А иностранными языками вы владеете? – делает она еще одну попытку оживить разговор.

– Нет, – отвечает он, качая головой. – Я недолюбливаю все иностранное. Потому и работаю в первую очередь со шведским рынком. Здесь, по крайней мере, кормят съедобно, – объясняет молодой человек, помахивая булочкой. – Кстати, о еде, когда отец подписал свой первый контракт, с ним случился забавный эпизод.

Аксель начинает излагать историю развития «Электротоваров Рунстрёма». обстоятельно рассказывает, как все начиналось, подробно описывает каждую веху. Прерывает свой монолог считанные разы, чтобы глотнуть вина или посмеяться собственной шутке. Если эпизод кажется ему особенно смешным, он хлопает себя по коленям и прыскает со смеху, сотрясаясь всем телом.

Анна вежливо кивает и изо всех сил старается внимательно слушать, но спустя некоторое время понимает, что мысли унесли ее вдаль. С приезда гостей прошел всего час – уже ясно, что вечер предстоит долгий.

Взгляд девушки незаметно скользит за окно в сторону моря. Солнце успело исчезнуть за горизонтом, небо окрасилось в синевато-фиолетовые тона. Она думает о Лúке. Ее возлюбленный готовится рисковать своей жизнью, и необходимость скрывать тревогу тягостна. Больше всего на свете Анне хочется помочь ему выполнить ответственное задание. Нет ничего хуже, чем совсем не контролировать ситуацию и, пребывая в неведении о том, что происходит, представлять себе, какие ужасы могут подстергать Лúку. А она вместо помощи сидит тут взаперти. Пусть это и не темница, а всего лишь гостиная в Хиллестордене, где рядом сидит мужчина, который, кажется, не интересуется ничем, кроме собственной персоны.

Анну охватывает непреодолимое желание встать и уйти. Как бы хотелось высказать матери свои истинные чувства и объяснить, что ее

нимало не беспокоит репутация семьи Экблад. Но подобный шаг вряд ли изменит что-то к лучшему. Ей надо сохранять спокойствие ради Лúки, а то мать запрет ее на ключ по-настоящему.

Аксель широко ухмыляется своему высказыванию, и Анна смеется вместе с ним, хотя не имеет ни малейшего понятия, о чем идет речь. «Еще чуть-чуть осталось потерпеть, – думает она, искоса поглядывая на часы. – Через пару часов они уедут домой, и можно надеяться, что Акселя Рунстрёма я больше никогда не увижу».

Глава 21

Апрель 2007 года

Ребекка лежит намертво привязанная к койке. Руки и ноги закреплены так, что ей не выпутаться. Рядом с ней стоит мужчина в белом халате и постукивает пальцами по пачке рецептурных бланков. «Вот что бывает с плохими девочками», – говорит он.

Яркие лучи солнца светят ей прямо в лицо, и она вздрагивает. Ноги запутались в простыне, в окошко настойчиво барабанит лапками Скарлетт. Ребекка устало ворочается на диване, но кошачье мяуканье не дает ей больше заснуть. В глазах песок, голова пульсирует, особенно когда прикладываешь руку ко лбу. Как она вчера добралась до дома? Сама или с Арвидом? Девушка сонно озирается вокруг. Ее одежда разбросана по полу, а на журнальный столик кто-то поставил стакан воды и положил обезболивающие. Она кутается в одеяло. Воспоминания о вчерашнем вечере отрывочны. А вдруг ее угораздило ляпнуть что-нибудь Арвиду? Или еще того хуже: вдруг она перед ним разделась?

Ребекка одергивает рукава футболки, пытаясь скрыть шрамы. Как только замечает повязку, резкая боль пронизывает тело, словно электрическим разрядом. Ну какого рожна было столько пить?

Мяуканье Скарлетт становится все нетерпеливее. Пронзительные звуки болью отзываются в голове. Запив глотком воды две таблетки обезболивающего, Ребекка встает и машет кошке, чтобы успокоить ее.

Накормив Скарлетт завтраком, девушка идет в ванную и задерживает взгляд на своем отражении в зеркале. Под глазами серые круги, волосы торчат в разные стороны, на губах – пятна красного вина. Вздохнув, Ребекка включает воду, стягивает с себя футболку, встает под душ и моется, стараясь не намочить повязку.

После первой чашки кофе она наконец снова чувствует себя человеком, хотя все еще мучается, пытаясь восстановить последовательность вчерашних событий. Вот в памяти всплывает размытая картинка: Арвид стоит с ней рядом, стелет постель на бабушкином диване – Ребекка тут же начинает стыдиться того, что подпустила его так близко. Не надо было ужинать и так долго у него оставаться. Могла бы ограничиться наложенной на руку повязкой. Но,

несмотря на муки совести, она не может полностью стряхнуть с себя ощущение полученного удовольствия. Арвид на удивление хорошо справился с ситуацией и в точности знал, что делать. Она заразилась от него спокойной уверенностью. Как приятно хотя бы на один вечер забыть обо всех проблемах и почувствовать себя окруженной заботой.

Ребекка ощупывает упаковку обезболивающего. Ну кто бы мог подумать, что этот угрюмый мужчина способен проявлять такую заботу? Поднеся чашку кофе ко рту, девушка внезапно вспоминает новые подробности. Вот они с Арвидом стоят на крыльце, плотно прижавшись друг к другу. Она вздрагивает так, что несколько капель кофе выплескиваются на стол. Что я наделала? Стук в дверь не дает ей додумать мысль до конца.

За окном Ребекка видит стоящего на крыльце Арвида. Внутри все переворачивается, и в голове успевают пронестись тысяча мыслей. Целовалась ли она с Арвидом и что в таком случае произошло после? Девушка отчаянно пытается восстановить в памяти остаток вечера, но он все еще окутан туманом.

Опять стук в дверь.

– Ау! – кричит он.

Ребекке хочется провалиться сквозь землю, но, пожалуй, если она притворится, будто ее нет дома, будет еще нелепее.

– Заходи, – приглашает она, поправляя мокрую копну волос.

Арвид заходит в прихожую и останавливается, что-то рассматривая, потом, сняв ботинки, проходит в кухню.

– Доброе утро. Как ты сегодня?

– Хорошо, – настороженно отвечает Ребекка. – А ты?

– Хорошо. Как рука?

– Болит немного.

– Сейчас поправим, – говорит он, показывая ей пакет из аптеки.

– Ты, что, в аптеку успел смотаться?

– По пути зашел, все равно в город ездил по делу, – объясняет он, присаживаясь рядом к кухонному столу и выкладывая жидкость для промывания ран, ватные диски, обезболивающую мазь и новые бинты на липучках. Аккуратно размещает на столе ее руку и с сосредоточенным выражением лица снимает старый бинт.

Ребекка не знает, стоит ли говорить с ним о вчерашнем. Может быть, надо попросить прощения и объяснить, что все это было одной

большой ошибкой? С другой стороны, ей не хочется, чтобы он уходил. В Арвиде есть что-то вдохновляющее. Сердце екает всякий раз, когда их взгляды встречаются.

Арвид осторожно касается ее запястья. От его рук исходит тепло, и вся ситуация кажется такой интимной, что она отводит глаза.

Наложив свежую повязку, он гордо расправляет спину:

– Ну вот. Теперь тебе не придется ехать в больницу.

– Спасибо, доктор, – шутит она.

Арвид осматривается вокруг:

– Здесь красиво.

– Да, ремонта, конечно, давненько не было, но я прибрала тут, как могла. Если успею, хочу еще заменить прогнившие доски скамейки на крыльце и крышу подлатать.

– Я бы, конечно, рекомендовал тебе нанять профессионала, особенно с учетом твоего печального опыта, – говорит Арвид, кивая на ее руку.

– Вообще-то это был несчастный случай.

– А чем ты, кстати сказать, занималась, когда поранилась?

– Пыталась заменить оторвавшийся рубероид.

– А что, крыша протекает?

Ребекка смотрит на него непонимающим взглядом.

– Да нет, не думаю.

– Ладно, – соглашается он, задержав взгляд на фотографии в рамке на стене. Это снимок пятнадцатилетней Ребекки с темными нечесаными волосами и грустными глазами, выделенными подводкой. Хотя она тут улыбается, ее до сих пор мутит от одного взгляда на это фото.

– Это ты?

– Да, – кивает она.

– Какой милой ты была.

– Спасибо, – смущенно отвечает Ребекка.

– Кстати, я хотел предложить тебе завтра заняться ремонтом изгороди. Тебя устроит?

– Конечно.

– Хорошо. У меня есть все необходимые инструменты и рулон рабицы, так что просто приходи к десяти, больше ничего не требуется.

– Прекрасно.

Она провожает его в прихожую. Надев ботинки, он быстро поворачивается, и они случайно сталкиваются. Арвид, улыбнувшись, инстинктивным движением гладит ее по щеке. Нежный жест всколыхнул чувства, и Ребекке захотелось поцеловать его. Тело жаждет близости, потому что к ней давно никто так не прикасался. Неотрывно глядя ей в глаза, Арвид осторожно наклоняется ближе. Ребекка прикрывает глаза и всеми фибрами души хочет почувствовать его губы, но, когда ее лицо приблизилось настолько, что они почти касаются друг друга, она вздрагивает и пятится назад.

– Прости, – бормочет она. – За вчерашнее... – Мне очень жаль, что я натворила такое.

– Ничего страшного, – смущенно отвечает он, задерживается на долгое мгновение, потом кивает на дверь: – Ну, мне пора.

– Конечно. Значит, завтра увидимся.

– Да, – говорит Арвид и исчезает за дверью.

Ребекка замедляет дыхание, чтобы успокоить сердцебиение. Потом вспоминает о Йуаре. Господи, начисто про него забыла. Что она вообще делает? На нее накатывает волна стыда, как только образ жениха встает перед глазами.

Чувство долга заставляет Ребекку достать телефон. Не имея ни малейшего желания разговаривать, она пишет сообщение: рассказывает, что повредила руку, но травма неопасная. Потом добавляет, что бабушку со дня на день выпишут. Она не знает, стоит ли рассказывать о том, как целовалась с Арвидом. Но в любом случае не сейчас.

Отправив эсмэску Йуару, Ребекка открывает компьютер, чтобы проверить, нет ли ответа от Биргитты. Напрягается, увидев свежее письмо во «входящих», и тут же выдыхает, поняв, что это ответ от местного историка Карла Перссона. Она открывает и прочитывает сообщение о том, что в архиве нет данных о Лúке Кавалли, но историк задал вопрос на форуме.

Ребекка поникла. Ни про Лúку Кавалли ничего не узнала, ни от Биргитты ответа не получила. Почему она не отвечает? Неужели Ребекка так мало значит для компании «Хеннинг и Шустер»?

В памяти всплывают слова Арвида о том, что ей лучше уволиться. Йуар никогда бы не посоветовал покинуть работу, в которую вложено столько сил. Похоже, он убежден: у нее еще есть шансы получить продвижение по службе, только надо еще больше постараться. У этих

двух мужчин совсем разный подход, думает она. Арвид съездил ради нее в аптеку, хотя у него явно немало дел. Ребекка чувствует укол совести. Неправильно она себя повела. В следующий раз, когда они увидятся, надо рассказать ему о Йуаре, чтобы избежать недопонимания.

Открыв в телефоне браузер, она ищет в поисковой строке «магазин фермерских продуктов». Может, ей удастся отплатить Арвиду сторичей за его хлопоты, разобравшись, стоит ли ему открывать такой магазин.

Ребекка просматривает первые попавшиеся статьи. Похоже, фермы, открытые для посетителей, достаточно широко распространены. Судя по прочитанному, многим удалось сделать на этом неплохой бизнес. В одной статье рассказывалось, как женщина обустроила кафе в старом складском помещении, и Ребекка пытается представить себе нечто подобное в сарае Арвида. Пусть здание и обветшалое, там многое можно заменить или подновить, и большую часть работ он мог бы выполнить самостоятельно. Читая дальше, она узнает, что та женщина получила грант на поддержку деятельности из европейского фонда. Ребекку озаряет. Дополнительное финансирование повысит шансы Арвида запустить проект.

У Ребекки встает перед глазами сарай Арвида с магазинчиком и небольшим кафе внутри. Она представляет себе длинный прилавок с печеньем на покрытых глазурью керамических блюдах, сытными бутербродами на свежесыпеченном хлебе, нарядно украшенными пирогами и настоящей кофемашиной, которая уютно шипит, приглушая голоса посетителей. Изящные столы и стулья будут контрастно выделяться на фоне грубо обработанных каменных стен с полками, заставленными сезонными продуктами домашнего приготовления. Найдется, конечно же, много желающих посетить такой уютный сельский уголок, а Арвид мог бы продавать и свежие овощи, и свежесжатый яблочный сок, и варенье из ягод, и сушеные пряности.

Взяв лист бумаги, Ребекка начинает делать простенький набросок проекта магазина фермерских продуктов, но ее прерывает телефонный сигнал. Йуар ответил на ее сообщение. На новость о травмированной руке он никак не реагирует, зато напоминает про званый ужин с членами правления адвокатской конторы. «Я всегда тебя поддерживал, а ты знаешь, как важно для меня, чтобы ты составила мне компанию», – продолжает он и заканчивает словом «целую».

Ребекка смотрит на экран и испытывает угрызения совести. Йуар прав: следует быть рядом, когда жениху нужна поддержка, ей ведь прекрасно известно, как важны для его карьеры ужины у Лундинов.

Быстро убрав набросок, она выглядывает в окно и натывается взглядом на неубранную гору растительных отходов. Если надо до отъезда домой успеть вывезти их на помойку, а еще починить скамейку и крышу, придется подналечь.

Глава 22

Октябрь 1943 года

Из трубы, венчающей маленькую избушку, идет дым, и видно, как кто-то внутри двигается. Скоро пройдет двое суток с тех пор, как Лука рассказал ей, что едет в Данию, он отсутствует уже две ночи.

Анна осторожно прислоняется к шершавому стволу дерева, чтобы было лучше видно. Пальцы утопают в напитавшемся дождевой водой мху и коре. Постучаться она не рискнет. Лука не успел представить ее матери, и та, насколько понимает Анна, не владеет ни шведским, ни английским. Прищурившись, девушка пытается различить силуэты через окно. Но это точно не Лука. Он обещал дать знать, как только вернется.

Если итальянец не появится в ближайшее время, Анна и представить себе не может, что предпринять. Она уже проверила все места, где они обычно встречаются: обыскала лесную поляну, наведальась к большому камню на берегу и в рощу, в которой они вместе гуляют. Вчера вечером стояла на утесе в надежде увидеть возвращающуюся лодку, пока не посинели губы.

Девушка устало трет глаза. Она плохо спала – несколько раз просыпаясь в холодном поту из-за кошмаров, чувствуя, будто произошло нечто ужасное. Ей остается только ждать, и это очень угнетает.

Вернувшись в Хиллесгорден, обходит дом вокруг. Ее удивляет, что мать до сих пор ничего не рассказала отцу о Луке. Анна ожидала грозного разноса, но отец был занят больше обычного и после воскресного ужина упаковал дорожную сумку и сразу уехал. А мать занята подготовкой своего визита к тетушке Беатрис, которая живет в Варберге. Тетушка заболела, и Анна надеется, что мать в ближайшее время уедет к ней.

Девушка открывает дверь и заходит в отцовский кабинет – просторную комнату с тремя высокими окнами, выходящими в сад. Отцу нравится, что с рабочего места можно смотреть на зелень, он знает латинские названия всех растений в их саду. Одно из самых ярких детских воспоминаний Анны – как они с отцом ухаживают за цветами.

У нее всегда были близкие отношения с отцом. К нему она приходит за утешением после ссор с матерью.

Присев в отцовское кресло, Анна проводит пальцами по письменному столу темного дерева. На гладкой, мягкой древесине видны потертости от многолетнего использования. Девушка делает полный оборот в крутящемся кресле и задумывается, что произойдет в тот день, когда отец услышит о Лúке. Скорее всего, он разозлится и разбушует еще больше матери. От этой мысли становится грустно. Анна любит отца и, если придется делать выбор между ним и Лúкой, не понимает, как поступить.

Что-то привлекло ее взгляд в задвинутой под стол мусорной корзине, и девушка соскальзывает с кресла. Среди скомканной бумаги и испорченных бланков с большими чернильными кляксами она находит разорванный на клочки лист. Вот черная печать на белом клочке. Анна рассматривает орла с распростертыми крыльями, сидящего на украшенном свастикой венке.

До сих пор ей не приходило в голову: ведь случись что с Лúкой – если он не вернется, – виноваты в этом будут папины коллеги и партнеры. Лúка, надеясь на победу, ведет борьбу с теми, с кем Вальтер Экблад сотрудничает, они враги друг другу. Анна тяжело вздыхает. Осознание очевидного ошеломляет ее. Она вспоминает, как часто их семья принимала в гостях немецких чиновников. Значит, за столом на званых ужинах в Стокгольме у них сидели нацисты?

В коридоре слышны шаги. Девушка торопливо поднимается и прячет клочок бумаги в карман юбки. Завидев в дверях домработницу, кивает ей.

– Какая сегодня чудесная погода, – быстро говорит она и торопливо удаляется из комнаты.

Когда Анна заходит в свою комнату, еще всего лишь три часа пополудни, но она все равно ложится в постель. В голове крутятся столько мыслей и чувств, что трудно разобраться.

Первым в гардеробе все еще висит золотистое платье. Анна вспоминает субботний ужин с Рунстрéмами. Пусть Аксель и скучный до невозможности, но вел себя обходительно, и сейчас ей немного стыдно за то, как мало внимания она ему уделила. Ведь бедняга не виноват, что Анна волновалась о Лúке.

Аксель, конечно, слишком набивал себе цену хвастливыми рассказами о своей роли в семейном бизнесе, но, с другой стороны, нельзя же обвинять его за стремление произвести на нее приятное впечатление. И похоже, он остался доволен проведенным вечером. После отъезда гостей мать сказала, что все семейство приятно провело время, а Аксель отдельно выразил желание снова встретиться с Анной.

Она переворачивается на другой бок. Понятно, что есть женщины, которые выходят замуж из-за денег. Даже если у них с Акселем мало общих интересов, он, похоже, приятный, и жизнь с ним означала бы стабильность, но Анна никогда не предаст свои чувства к Лúке.

Веки наливаются тяжестью, она чувствует себя обессиленной. Думает, не съездить ли в Хельсингборг, чтобы разыскать Битте, но боится беспокоить ее понапрасну. Ведь Лúка все-таки сказал, что может задержаться на пару дней. И потом, Анна невероятно устала. Натянув на себя одеяло по самый подбородок, она закрывает глаза. Отдохнет немного и потом будет решать, что делать завтра.

Девушка просыпается, когда комната уже погрузилась в полумрак. Послышался слабый стук, но откуда он доносится, непонятно, и она растерянно озирается вокруг. Спустя мгновение видит Лúку за стеклом. Бледное лицо в сумраке едва различимо.

Вскочив с кровати, Анна бежит, чтобы открыть окно. Пальцы спросонья не слушаются, и она долго возится со щеколдами. Несколько долгих мгновений они неотрывно смотрят друг на друга, потом Лúка, опершись на подоконник, забирается в комнату.

– Слава тебе господи! – восклицает Анна, обнимая возлюбленного, но тут же чувствует, как он отпрянул назад.

– Что-то не так? – обеспокоенно спрашивает она.

– Да нет, ничего страшного, – отвечает он. – Просто колючая проволока.

Анна зажигает лампу и видит, что руки Лúки покрыты кровавыми ссадинами, уходящими под рукава рубахи.

– Сними, я принесу чем промыть, – решительно говорит она.

Затворив за собой дверь, девушка спускается в кухню, чтобы налить теплой воды и найти что-нибудь поесть для Лúки. Вернувшись, видит юношу с обнаженным торсом, сидящего на ее кровати. Ей приходится взять себя в руки, чтобы не ахнуть от вида его ран. Она

спокойно ставит рядом с ним поднос с бутербродами и стаканом молока, потом смачивает в теплой воде кусочек ткани.

– Может жечь немного, – бормочет она и аккуратно обрабатывает его израненную руку. Лúка вздрагивает, но сохраняет молчание. У него изможденный вид, под глазами темные круги.

– Ешь, – велит ему Анна, кивая на поднос. Он берет и откусывает бутерброд, пока она продолжает промывать раны. Ей удалось отыскать бутылку перекиси водорода, которой мама в детстве обычно промывала ей ободранные колени.

Спустя некоторое время к Лúке возвращается румянец.

– Спасибо, сестричка. С этих пор ты будешь лечить все мои раны, полученные в боях.

– Опять шутишь, – укоряет Анна. – А я волновалась не на шутку.

– Понимаю.

– Я так боялась, что ты не вернешься. А если бы в гестапо попал? Что бы они с тобой сделали?

– Прости, – произносит Лúка, поглаживая ее по руке.

– Я не знаю, как мне жить без тебя, – продолжает она. – Ты никогда больше меня не оставишь.

Он ласково гладит ее по щеке, и Анна встречает теплый взгляд. Медленно протягивает руку к шее и касается мягких волос. Она чувствует, как тело ноет от желания близости, и вздрагивает, когда Лúка склоняется к ее груди.

– Обещай мне, – шепчет она.

За окном начало светать. Где-то вдалеке поет одинокая птица, высокий звук пререзает рассвет.

– Ну, нельзя же так, Анна, – протестует он.

– Обещай, – повторяет она.

В конце концов он вздыхает, смирившись.

– Я никогда не оставлю тебя.

Глава 23

Апрель 2007 года

На следующий день ровно в десять Ребекка в полной готовности стоит у хутора Арвида. На ней самые подходящие для подобной работы брюки, которые удалось найти в своем гардеробе, рубашка и свитер, а еще – перчатки с ПВХ-покрытием, купленные специально, чтобы избежать новых травм.

Арвид уже вывел из гаража машину с прицепом, погрузил туда рулон рабицы и ящик с инструментами, но самого его не видно. Покосившись на приоткрытую дверь в сарай, Ребекка решается украдкой прошмыгнуть туда и осмотреться.

Стены сарая сделаны из грубо обработанной древесины, залитый бетоном пол покрыт пятнами, но видимых повреждений на нем нет. Оконные стекла, хотя тоже заляпаны, пропускают много света, и его могло быть еще больше, если бы кто-то их вымыл.

Ребекка смотрит вверх. Потолка в сарае нет, видно всю крышу до самого конька, что создает невероятное ощущение простора. Похоже, Арвид использует сарай в основном для хранения: повсюду стоят запчасти и ящики со всяким хламом. Она представляет себе, как будет выглядеть это помещение, освещенное свисающими со стропил лампами. Вдоль короткой стены достаточно места, чтобы оборудовать прилавки, а вдоль длинных стен можно установить стеллажи.

В дверях появляется Арвид:

– Ах, вот ты где!

– Да, прикидываю, как здесь организовать магазин, – радостно отвечает она. – Ты знал, что на подобные проекты можно получить грант Евросоюза? Они выделяют почти половину от общего объема инвестиций. И, честно говоря, мне кажется, не так уж сложно его отремонтировать. Все, что тебе нужно, – это расчистить пространство, отдраить пол и протянуть водопровод, если он еще не проведен.

– Правда? – удивляется он.

– Ну вот, смотри, – с энтузиазмом продолжает Ребекка. – Вот здесь сможешь оборудовать прилавки с кассовым аппаратом, а за ним хватит места для простого кухонного блока. Тебе достаточно установить разделочный стол и мойку, устроить место для хранения продуктов,

купить холодильник и надежную кофемашину. С несколькими стеллажами вдоль стен и парой небольших кофейных столиков по центру здесь станет намного уютнее. Ну и еще, конечно, нужно обеспечить хорошее освещение.

Арвид кивает.

– А здесь можно было бы построить стену и выделить пространство для магазина.

– Точно.

Он смотрит ей прямо в глаза, и Ребекка чувствует, как начинает сосать под ложечкой. Она сама не знает почему, но ей радостно находиться рядом с Арвидом.

– А у тебя много идей.

– Спасибо. Это потому, что проект такой классный.

– Я благодарен за любую помощь. Когда не с кем обсудить свои соображения, очень легко увязнуть.

– Я с удовольствием помогу.

Он лукаво улыбается, и Ребекка чувствует, как замирает сердце.

– Если все-таки решишь бросить свою работу, может, займешься моим проектом и поможешь мне запустить магазин? Оставайся тут подольше – я буду очень рад.

Ребекка заливается краской. Имеет ли Арвид в виду то, о чем она подумала, или это просто деловое предложение? В тот момент, когда она открывает рот, чтобы ответить, звонит мобильный. Она достает телефон и видит, что звонит Йуар.

– Извини, – бормочет она. – Мне надо ответить.

– Привет, – говорит Йуар. – Как там у тебя дела?

– Привет. Все хорошо.

– Бабушку уже выписали?

Ребекка отходит в сторону и поворачивается спиной к Арvidу.

– Нет еще.

– Почему? Она ведь всего-навсего руку сломала?

– Слушай, ну у нее же возраст преклонный.

– Ну ладно. Ты уже взяла обратный билет?

– Нет еще, хотела подождать немного – посмотреть, как тут все пойдет.

Йуар вздыхает.

– Но ты же вернешься к пятнице, чтобы пойти со мной на ужин? Прошу тебя, ну пожалуйста, – добавляет он, не дождавшись мгновенного ответа. – Это важно. Я на тебя рассчитываю.

Ребекка вспоминает все длинные вечера, когда ей приходилось выполнять представительскую функцию. Вначале ей нравилось наряжаться и изображать из себя идеальную пару для Йуара, но в последние годы эти ужины становились все скучнее. Йуар любит, когда она надевает дизайнерские туфли и сшитые по фигуре платья, и она соглашается, чтобы доставить ему радость.

– Конечно. Обещаю. Как у тебя дела?

– Хорошо, – отвечает он. – Слушай, нас зовут, мне пора. Только не забудь забронировать билет!

– Не забуду.

Разговор прерывается, и Ребекка поворачивается к Арвиду, который стоит рядом, засунув руки в карманы, и ждет.

– С работы звонили? – осторожно интересуется он.

– Нет, – отвечает она. – Это Йуар, мой жених.

Арвид замирает и резко бледнеет. Ребекка чертит носком ботинка линию на пыльном бетонном полу. Внезапно кажется, что в сарае закончился кислород.

– Прости, я должна была сказать тебе раньше.

Между ними повисает молчание. Ребекка пытается поймать взгляд Арвида, но тот избегает смотреть на нее. Спустя долгое мгновение он поворачивает к выходу.

– Я повез прицеп к Эгону, – говорит, удаляясь.

– Хорошо. Там увидимся! – кричит она вдогонку.

Выйдя из сарая, Ребекка идет в направлении хутора Эгона. Пинает в раздражении камень, и тот прыгает по дорожке. Конечно, Арвид чувствует себя обманутым. Очень неловко вышло. При воспоминании о поцелуе угрызения совести только нарастают. Неважно, что ей понравился сосед, у нее уже есть стабильные отношения. Как можно было проявить подобную безответственность? И он, и Йуар имеют полное право на нее сердиться. Ребекка стыдливо опускает голову. Все, чего ей хочется сейчас, – это вернуться в бабушкин дом и спрятаться под одеялом, но ведь она сама предложила починить изгородь Эгона, и ретироваться сейчас будет странно. Потом, правда, ей придется избегать общества Арвида до возвращения в Стокгольм.

Она оказывается на хуторе в тот же момент, когда подъезжает сосед. Он быстро выпрыгивает из машины и подходит к Эгону, уже ожидающему у изгороди. Старик здоровается, но Арвид даже не поднимает на него взгляда.

Сначала они измеряют поврежденные части и обсуждают, как их заменить. Арвид и Эгон придерживаются разных точек зрения, но после некоторых препирательств договариваются, как поступить. Ребекка держится в стороне до тех пор, пока ее не просят помочь – тянуть вперед сетку. Она все время ждет, что Арвид обернется и скажет ей что-нибудь, но он продолжает сосредоточенно работать.

Работа у них нелегкая, спустя час Ребекка выдыхается.

– Мне нужно передохнуть, – тяжело дыша, произносит она.

– Надо закончить до дождя, – возражает Арвид, показывая на небо, которое затягивает облаками.

– Мне тоже надо немного перевести дух, – замечает Эгон.

– Ладно, – бурчит себе под нос Арвид. – Десять минут.

Ребекка заходит в дом следом за Эгоном, чтобы выпить кофе у него в кухне, а Арвид остается, продолжая возиться с изгородью.

– Что с ним такое? – удивляется Эгон.

– Не знаю, – кривит душой Ребекка и быстро переводит разговор на другую тему. – Кстати, я испекла хлеб, потом принесу тебе.

– Спасибо, – благодарит Эгон, расплываясь в широкой, обнажающей покосившиеся зубы улыбке. – Миндальный кекс у тебя получился превосходный. Пиа тоже любила печь. Я скучаю по запаху свежей выпечки.

– Понимаю.

– Это она настояла, чтобы мы сюда переехали, – продолжает Эгон. – Меня устраивала городская жизнь. Но сейчас я уже не представляю себе, как можно бросить наш старый дом. Жизнь в деревне лучше во всех отношениях. В какой-то степени здесь можно делать все, что душе угодно.

– Да, пока не пристрелишь по ошибке своих соседей.

– Да ладно, не так уж это и опасно. Вон, моему соседу Бенгту попала дробица в пятую точку, и ничего себе, живет и даже прекрасно себя чувствует. Уровень железа в крови вырос настолько, что и биодобавки принимать не надо.

– Вот уж никогда не поверю, – смеется Ребекка.

Когда они выходят из дома, чтобы присоединиться к Арвиду, снова раздаётся телефонный звонок. У Ребекки первым делом мелькнула мысль о том, что это наконец звонит ее начальница Биргитта, но экран показывает входящий с незнакомого номера.

– Ребекка слушает, – настороженно отвечает она.

– Здравствуйте, это Лисбет Карид, из больницы. Я звоню насчет вашей бабушки.

– Да?

– К сожалению, состояние Анны ухудшилось. Мы не знаем, что это, но есть подозрение на тромб в легком. Вам лучше приехать.

– Выезжаю.

Эгон и Арвид обеспокоенно смотрят, как Ребекка завершает разговор.

– Что-то случилось? – интересуется Эгон.

– Да, бабушке стало хуже. Возможно, тромб в легком. Мне очень жаль, но я должна поехать к ней.

– О чем речь! – отвечает Арвид. – Хочешь, подброшу тебя?

– Нет, спасибо. Я сама возьму машину. А вы продолжайте, чтобы успеть до очередного ливня.

– Не беспокойся за нас, – отвечает Эгон, – мы справимся.

– Хорошо, – бормочет Ребекка. Ее слегка пошатывает, она чувствует резкую слабость, но собирается с силами и идет к бабушкиному дому. Сердце тяжело бьется в груди, в голове роятся мысли: что означает тромб в легком с учетом бабушкиного возраста и состояния здоровья?

– Передавай, чтобы бабушка скорее поправлялась! – кричит Арвид, но у Ребекки нет сил отвечать. Она думает только о том, чтобы скорее добраться до больницы. К своей бедной бабушке, лежащей в полном одиночестве, пока Ребекка тратит время на ремонт изгороди и планирование всяких магазинов фермерских продуктов, не имеющих к ней по большому счету ни малейшего отношения.

Глава 24

Октябрь 1943 года

– Ты же обещал.

– Знаю, – отвечает Лúка и умоляюще смотрит на нее своими темными глазами. Анна думает про себя, что он изменился, будто внезапно постарел. В его взгляде появилось что-то новое. Строгость, о которой она раньше не подозревала.

– Ты даже представить себе не можешь, как многим нужно сейчас перебраться через пролив. Там и семьи с детьми – кто-то же должен помочь им? – продолжает он.

– Но ты же только что вернулся, – возражает она. Сейчас, когда мать наконец уехала в Варберг навестить сестру, Анна мечтала проводить больше времени с возлюбленным. – Может, подождешь пару дней?

– Гестапо повсюду. Анна, отдан приказ арестовывать всех евреев и противников режима, – говорит Лúка и берет ее за руку. – Они погибнут, если мы не поможем им.

– Тогда я хочу поехать с тобой.

– Нет, это слишком опасно, – отвечает Лúка.

– Ну, расскажи, по крайней мере, как это происходит.

Лúка вздыхает, смирившись:

– Мы подъезжаем на рыбацких катерах к условленным местам и забираем их на борт. На той стороне пролива есть люди, которые укрывают евреев и помогают добраться до места сбора.

– А потом?

– Пока не наткнемся на немецких солдат, это безопасно, – продолжает он, пристально глядя на Анну. – Хотя в сильный ветер бывает трудно вернуться, а еще там ужасно холодно. И препятствия встречаются на пути, а управлять катером приходится в полной темноте. Никто из рыбаков не рискует зажигать огни, пока не окажется на шведской стороне пролива.

– Лúка, – настойчиво произносит Анна, – я не хочу, чтобы ты ехал.

– У нас нет выбора. Надо торопиться. На побережье прячутся и ждут нас несколько сотен людей, не меньше. Мы должны переправить их через пролив, прежде чем за ними придут. Рыбаки и так уже

слишком рискуют, предоставляя свои лодки, и им нужна помощь. Рейсы надо координировать. Немцы уже начали закрывать отдельные районы Дании, чтобы усложнить беженцам выезд. Там отключают телефонную связь, перекрывают улицы, кругом снуют эсэсовцы.

– Тогда скажи своим контактам, что я тоже хочу помочь. Спроси, чем я могу быть полезна.

Лу́ка теребит висящую на одной нитке пуговицу рубашки.

– Есть одно дело, – тихо сказал он. – Помнишь заколоченную дачу – ту, что мы нашли в северной части побережья? Там еще с заднего торца ключ висел на крюке? Можешь сходить туда – подготовить избушку для ночевки? Люди очень устанут, им надо оставить что-нибудь поесть и попить.

– Конечно, – кивает Анна, – организую. Как ты думаешь, во сколько вы приедете?

– Не знаю, где-то посреди ночи.

– Я могла бы встретить их в порту.

– Я не хочу, чтобы тебя кто-нибудь увидел, – торопливо отвечает он. – Лучшеждидайся в избушке.

– Что ты имеешь в виду? Кто меня может увидеть?

Лу́ка понижает голос:

– Немцы патрулируют пролив. И вдоль нашего берега рыскают шпионы. Да и потом, ты же знаешь, что Швеция обещала соблюдать нейтралитет. Если станет известно, что мы помогаем евреям спастись бегством, это могут расценить как участие в военных действиях.

Она качает головой, и Лу́ка обнимает ее:

– Все будет хорошо. Я соблюдаю все предосторожности.

– Да, конечно.

Анне очень бы хотелось больше не отпускать Лу́ку через пролив, но, похоже, ее слова не имеют никакого значения.

Он открывает сумку и вынимает вещь, которую она узнает. Синюю жестяную коробку из-под печенья бискотти.

– На, возьми, – говорит Лу́ка. – Считай, что это залог моего возвращения домой. Должен же я получить назад свою коробку для сладостей.

Анна берет жестянку и невольно улыбается.

– Там внутри кое-что есть, – продолжает он. – Фотография и письмо. Видишь, я всегда буду с тобой рядом.

Открыв крышку, девушка достает лист бумаги и фотокарточку молодого Лúки в костюме. Она не знает, что ответить, и молча рассматривает снимок.

– Мне пора, но у меня есть еще одна просьба.

– Какая?

Сунув руку под куртку, Лúка достает заклеенный конверт.

– Если, несмотря ни на что, я не вернусь до завтрашнего вечера, отдашь это Битте?

Анна чувствует, как к глазам подступают слезы, но берет у него конверт.

– Спасибо, – благодарит Лúка, поглаживая ее по спине. – Не волнуйся, мы увидимся чуть позже, в избушке.

Взглянув на девушку в последний раз, он вылезает на улицу через окно спальни. Когда возлюбленный исчезает среди деревьев, Анну начинает захлестывать страх. Она приходит в отчаяние, представляя Лúку на другом берегу пролива, который, видимо, кишит немецкими солдатами; ей даже страшно представить себе, что случится, если его обнаружат.

Чтобы отогнать от себя эти мысли, девушка принимается размышлять, что взять с собой в избушку. Ясное дело, мать сказала домработнице присматривать за ней. Альма работала в имении, сколько она себя помнит, и всегда была добра к хозяйской дочке. Если попросить ее пораньше подать ужин, а потом запереться в комнате, сославшись на мигрень, Альма оставит Анну в покое, и можно будет украдкой выйти и вернуться через окно.

Ей очень хотелось бы рассказать родителям о том, что происходит. Насколько легче ей бы стало, но, с другой стороны, она знает, что это невозможно. Отец давно определился с выбором, а мать ни за что не примет ее любовь к Лúке. К тому же родители никогда особенно не стремились помогать нуждающимся. Анна неоднократно слышала, как мать жалуется на всех, кто пытается привлечь ее к помощи беженцам. Дочери не понять жесткость Ингрид. Если есть нуждающиеся в помощи, разве не обязаны откликнуться те, кто может помочь? Ее родители хорошо обеспечены и обладают связями. Они могли бы принести много пользы, но предпочитают не замечать чужого страдания. Чем больше Анна думает об этом, тем больше начинает горячиться. Как можно быть такими бесчувственными? Отец должен

знать, что происходит, чему способствуют его продажи железной руды. Но родители, по-видимому, беспокоятся только о себе.

Она обводит взглядом комнату: необъятный гардероб, заполненный платьями из дорогих тканей, украшенными ручной вышивкой, туалетный столик, заставленный многочисленными шкатулками с драгоценностями, огромное зеркало в позолоченной раме. От ощущения избытка Анну начинает подташнивать. Разве можно позволить себе так жить, пока другие борются за жизнь? Запереться в имении и жить обычной жизнью, когда во всей Европе бушует война?

Анна крепко сжимает в замок лежавшие на коленях руки. Она приняла решение. Не такую жизнь она себе хочет. Как только Лúка вернется, они должны уехать отсюда. Анна порвет отношения с родителями и отправится в дальний путь. Туда, где им с Лúкой не придется скрывать свои чувства.

После ужина Анна запирает дверь в свою комнату и выходит тайком через окно. В течение десяти минут находит дачу. Маленькая, выкрашенная в желтый цвет избушка в зарослях кустов на опушке леса кажется всеми забытой. Шторы задернуты, на террасе под покрывалом стоит компактно сложенная уличная мебель.

Анна обходит вокруг дома и натывается на покрытый глазурью глиняный горшок, опускает в него руку и, как обещал Лúка, нащупывает ключ. Вставив его в замочную скважину, отрывает дверь и отшатывается от ударившего в нос затхлого воздуха.

На стене у двери подвешена небольшая полка, под которой болтается пара вешалок, на полу лежит потертый тряпичный ковер. Анна заходит и ставит свою сумку в кресло, втиснутое между обеденным столом и четырьмя табуретами. В стороне от стола оборудован кухонный уголок, а в спальней нише владелец умело разместил две узкие кровати. Больше в избушке ничего нет, и кажется, ею уже несколько лет не пользовались.

Проведя пальцем по пыльному кухонному столу, девушка смотрит за окно на сумеречное небо. До возвращения Лúки еще много часов, надо как-то скоротать время.

Для начала она скатывает ковры и перины, выносит и тщательно вытряхивает. В маленькой кладовке находит швабру и стопку тряпок – с

их помощью делает влажную уборку.

Спустя полчаса все готово. Анна протирает от пыли и заводит деревянные настенные часы, потом ставит на стол взятую из дома еду. Помимо нескольких завернутых в вощеную бумагу бутербродов она прихватила с собой коробку сухарей, несколько яблок, бутылку воды и термос с кофе, заваренным вместе с цикорием, хотя непонятно, не остынет ли он до возвращения Лúки.

Керосиновая лампа, которую Анна взяла, чтобы не сидеть одной в темноте, кажется большой и неуклюжей. Она ставит ее на стол и проверяет, заперта ли дверь, и только потом усаживается в кресло. Девушку плотно обступает тишина, в избушке не слышно ничего, кроме тиканья часов и ее собственного неглубокого дыхания. Интересно, где сейчас Лúка? В детстве она однажды выезжала с отцом на рыбацкой лодке в пролив. Несмотря на невысокие волны, лодку сильно кренило, и Анну укачало. Трудно себе представить, каково будет тем, кто вынужден провести в проливе всю ночь.

Осторожно проводя пальцами по покрытым катышками подлокотникам, она замечает, что веки наливаются свинцом. Тиканье часов навеивает сон, и девушка кутается в плед. Вообще-то она собиралась бодрствовать всю ночь, но, если ненадолго прикрыть глаза, ничего страшного не произойдет. Анна точно не собирается засыпать, только даст глазам отдохнуть и откинёт голову на спинку кресла.

Когда девушка просыпается вновь, комната погрузилась во тьму, а кожа на руках покрылась мурашками от холода. Она заспанно трет глаза и натягивает плед к подбородку. Керосиновая лампа на столе все еще горит слабым пламенем, и все равно неприятно находиться в одиночестве.

Анна не знает, сколько проспала, но вздрагивает, бросив взгляд на часы и поняв, что уже четыре утра. Ведь Лúка обещал, что они приедут в середине ночи? Поднявшись, она подходит к окну. К этому времени Лúка должен был вернуться. А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг он попал к немцам?

Что ей делать? Во рту пересохло, но воду понапрасну тратить не хочется. Лúка велел ждать в избушке, чтобы ее не обнаружили. Если выйти наружу, ее могут увидеть. Хотя кому надо шляться в такое время?

Анна осторожно встает между двумя оконными проемами и выглядывает из-за портьер, чтобы убедиться, что снаружи никого нет. Потом усаживается к письменному столу и пытается читать старую газету, оставленную хозяевами, но для чтения слишком темно, а тело ноет от тревоги. Спустя некоторое время она вновь встает с места. Прислушиваясь к тиканью часов, наблюдает за медлительными стрелками. Неужели время всегда ползет так медленно?

Обойдя еще раз вокруг избышки, она пытается убедить себя, что все хорошо. Лúка, скорее всего, в пути. Просто им пришлось плыть окольными путями, чтобы не нарваться на патрульные катера. Может быть, они сошли на берег севернее, чем изначально предполагали, и теперь идут пешком вдоль берега. «Да, так и есть», – думает Анна, отгоняя от себя всплывающие в голове образы эсэсовцев. «Лúка справится, – повторяет она, – он сильный, он выживет».

К половине пятого она больше не может терпеть. Потушив лампу, запирает избышку на ключ, кладет его обратно в горшок и идет к морю.

Как только Анна выходит из леса, в лицо начинает дуть холодный южный ветер. Не имея ни малейшего понятия, где начинать поиски, она решает пойти к маленькой пристани у кирпичного завода. Два каменных пирса – подходящее место для того, чтобы сойти на берег. Напрягая зрение, девушка всматривается в темнеющую перед ней морскую даль. Солнце еще не встало, и лодка еще могла бы причалить к берегу, оставшись незамеченной.

Мимо пролетает стайка береговых ласточек, построивших гнезда на крутом обрыве. Анна следует взглядом за их полетом, пока птицы не растворяются в сумерках.

Она доходит до дома, предназначенного для сушки кирпичей, и медленно заходит за угол. Перед ней стоят штабели желтого кирпича. Собираясь забраться на один из них, Анна чуть поодаль замечает фигуру мужчины. Может, это Лúка? Уже подняв руку, чтобы помахать ему, она понимает, что нельзя покидать укрытие до тех пор, пока не будет уверенности, кто это. Анна прижимается к стене и тихо подходит ближе. Теперь видно еще двоих человек. Они сидят на бочках и, похоже, кого-то ждут. Один из них зажигает сигарету, и, когда пламя освещает его лицо, девушка узнает его. Это мужчина в сером свитере, которого они с Лúкой пару недель назад встретили у книжного магазина Чильберга.

Анна широко раскрывает глаза. Что он тут делает?

– Затуши сигарету, – шепчет ему кто-то. Она вздрагивает. Знакомый голос. Юн тоже здесь.

Мужчина в сером свитере делает глубокую затяжку:

– Это почему?

– Заметят огонь от сигареты и причалят в другом месте, – объясняет Юн.

Его товарищ, поднявшись с бочки, поворачивается вполоборота.

– Ну вот, теперь я к морю спиной, – бормочет он. – Доволен?

– Я был бы довольнее, если бы ты не был таким идиотом.

– Тссс... – обрывает их третий мужчина, одетый в объемную куртку. – Они не должны нас услышать.

Тот, что в сером свитере, делает последнюю затяжку, бросает окурок на землю и тушит его ногой.

– И что мы будем делать, когда они причалят? – со вздохом спрашивает он.

– Я же говорил. Запишем их данные и передадим полиции, – отвечает Юн.

– А по-другому нельзя? – интересуется тот, что в куртке. – Лодки могут ведь и перевернуться... Вряд ли эти жидовские свиньи умеют плавать.

– Этим сам занимайся, – протестует тот, что в свитере. – Мне проблемы с полицией не нужны.

– Надо было винтовку захватить, – продолжает тот, что в куртке.

– Хельберг сказал, чтобы мы не привлекали к себе лишнего внимания, – вставая с бочки, говорит Юн. – Он сам позаботится об этом сброде, но ему надо знать их имена. При удачном раскладе отправим их прямиком в Аушвиц.

Анна крепко сжимает губы. Она боится даже дышать, боится, что Юн увидит ее. Страшно подумать, что будет, если ее обнаружат.

Девушка осторожно идет обратно вдоль стены, под прикрытием дома. Аккуратно переступает, моля Бога, чтобы не споткнуться. Свернув за угол, прочь от их глаз, начинает бежать вверх по склону, но на третьем шаге наступает на сухую ветку, которая издает громкий хруст, сломавшись пополам.

– Ау? Кто здесь?

Это хриплый голос Юна, а краем глаза Анна замечает появившийся у сушильного цеха силуэт. Того, кто в сером свитере.

Девушка замирает. Все еще полумрак, и, если она не будет двигаться, возможно, он ее не увидит.

Сердце бьется так сильно, что пульс отдает в голову. Анна понимает, что ей лучше замереть, только надо увидеть, где стоит мужчина. Она медленно оборачивается. Он всего в паре метров, повернувшись к ней спиной, всматривается в окно сушильного цеха.

Перед Анной крутой холм. Наверное, если побежать изо всех сил, можно успеть перевалить через вершину до того, как мужчина в сером свитере заметит ее. Искоса поглядывая на него, девушка как раз собирается разбежаться, когда он оборачивается и встречается с ней взглядом. Анна холодеет, пока мужчина таращится на нее. Будто в одно мгновение она превратилась в ледышку и не может пошевелиться.

– Нашел что-нибудь? – кричит Юн из-за цеха.

Мужчина делает шаг в ее сторону. У него жесткое и какое-то угловатое лицо. Целую долгую секунду он стоит и смотрит на нее в упор, потом отворачивается.

– Просто птица, – отвечает он, исчезая за углом.

Анна запыхалась. Будто забыла, что нужно было дышать, и теперь наконец может наполнить легкие воздухом. Она старается как можно быстрее забраться вверх по склону и, перевалив через вершину, пускается наутек. Не смея даже обернуться назад, Анна бежит через весь Сандберг, и ее не отпускает ощущение, что за ней гонятся. Пару раз падает, царапая ноги, но поднимается и продолжает бежать.

Только отбежав на достаточное расстояние, она решается замедлить темп и обернуться. Тело дрожит от адреналина, щеки пылают. Анна с облегчением вздыхает, осознав, что ее не преследуют, и прячется в зарослях кустов, чтобы перевести дух.

Лу́ка должен вернуться. А иначе как же осуществить все, о чем они мечтали? Ведь они должны переехать в Стокгольм и обзавестись своим домом – снять квартирку из спальни и кухни, где будут вместе ужинать вечерами, обсуждая, как прошел день. Должны пожениться, поклявшись, что будут любить друг друга вечно.

Слезы наворачиваются от мысли о том, чтобы каждое утро просыпаться рядом с Лу́кой, и Анна трет глаза. Он должен выжить. Должен вернуться. Лу́ка – важнейший, самый любимый, человек в ее

жизни, и если с ним что-нибудь случится, она не знает, что будет делать.

Глава 25

Апрель 2007 года

В воздухе бабушкиной палаты висит напряжение. Бежавшая по коридору Ребекка замедляет темп, осторожно перешагивает через порог и делает несколько шагов вперед.

У постели Анны стоит врач и, глядя в медицинский журнал, тихим голосом разговаривает с медсестрой.

– Общий анализ крови тоже плохой – все показатели снижены. Начнем с кроверазжижающих и будем следить за частотой сердечных сокращений.

Изголовье кровати приподнято, бабушка лежит, запрокинув голову и закрыв глаза. То и дело подкашливает, издавая свистящий звук.

Увидев Ребекку, врач замолкает и поворачивается к ней:

– Вы внучка Анны?

– Да.

– Мы сделали ей компьютерную томографию, посмотрели сосуды: у вашей бабушки тромбоз легочной артерии. Это означает, что произошла закупорка артерии в легком. Мы начнем лечение с введения кроверазжижающих препаратов, – объясняет она, поправляя очки.

– Хорошо. Насколько это опасно?

– Диагноз поставили на ранней стадии, – ровным голосом отвечает врач. – Ваша бабушка жаловалась на боли в груди. Тромб повлиял на насыщение крови кислородом, у нее лихорадка и головокружение. Мы будем внимательно отслеживать ее состояние.

Она кивает медсестре и беззвучно исчезает из палаты. Ребекка подходит к больной. Прежнего румянца нет, лицо побледнело. Ребекка склоняется над постелью и осторожно дотрагивается до бабушки. Сначала Анна не реагирует, но спустя пару секунд открывает глаза.

– Ребекка? – шепчет она.

– Да, я тут. Все будет хорошо.

Бабушку сотрясает дрожь, она нетвердой рукой подносит ко рту клочок бумаги и откашливается. Ребекка замечает на салфетке красные пятна крови и обменивается взглядами с медсестрой.

– Это нормально при таком диагнозе, – успокаивает та. – Ей назначили антибиотики, чтобы предотвратить инфекцию. И

жаропонижающее уже дали, так что температура скоро спадет.

Медсестра тоже уходит, а Ребекка, намочив холодной водой небольшое полотенце, прикладывает его к бабушкиному лбу.

– Вот так, – говорит она. – Тебе дали все необходимые препараты, так что скоро будет лучше, вот увидишь.

Бабушка стонет. В глазах – лихорадочный блеск, волосы прилипли ко лбу. Она берет Ребекку за руку и на удивление крепко сжимает ее.

– Война – ужасное время, и я совершила чудовищную ошибку, – признается она.

– Но что ты такое сделала?

– Это был мерзкий поступок, – всхлипывает Анна. – Я так раскаиваюсь.

Ребекка сглатывает ком в горле.

– Это как-то связано с немецким письмом? – пытается уточнить внучка.

– Мне не следовало ничего говорить, – бормочет бабушка.

– Что не следовало говорить?

Бабушка качает головой, подвывая. Жалобные стоны доносятся откуда-то глубоко изнутри.

Ребекка бросает тревожный взгляд в сторону коридора. Может, надо позвать на помощь? Она выпрямляется, пытаясь высвободить руку, но бабушка не отпускает ее, а, наоборот, притягивает ближе к себе.

– Пожалуйста, прости меня, – хнычет бабушка. – Это я во всем виновата.

В этот момент возвращается медсестра. Она подходит к монитору, на котором отражаются ритмы бабушкиного сердца, и проверяет капельницу.

– Совсем немного осталось, – спокойно говорит она. – Потом препараты начнут действовать.

– Она пытается что-то сказать, но я не понимаю.

Сестра достает градусник и измеряет бабушке температуру.

– Тридцать девять и восемь, – сообщает она. – При такой высокой температуре нередки бредовые состояния. – Поправив бабушкино одеяло, она повышает голос: – Теперь постарайтесь немного поспать. Ваш организм пережил стресс. Вам нужен отдых.

Анна закрывает глаза и кивает. Спустя несколько минут рука расслабляется и отпускает Ребекку, которая, сделав пару шагов, опускается на стул.

Следующие несколько часов кажутся самыми длинными в жизни Ребекки. Она сидит у постели бабушки и видит, как та хватается за грудь и, задыхаясь, надрывается кашлем. Стоит бабушке задремать, как ее настигает новый приступ.

За окном наступило ненастье. Небо потемнело от плотных облаков, и по оконным скатам барабанит дождь. Он кажется роковым, будто всему миру суждено задохнуться под этим плотным покрывалом. Сестры приходят и уходят, но Ребекка продолжает сидеть, не вставая. Есть совершенно не хочется, но когда кто-то сует ей в руку стакан сока, она послушно выпивает его. С наступлением вечера кашель прекращается, и бабушка наконец может заснуть.

Ребекке становится легче. Она угадывает в бабушкином выражении лица умиротворение и считает это добрым знаком. Анна должна поправиться – внучка не может думать ни о чем другом. Ей так хочется провести с ней побольше времени. Последние годы промчались незаметно, и Ребекка раскаивается, что многое упустила: рождественские посиделки, пасхальные обеды, застолья в дни рождения и красивые летние дни. Бабушка долгое время выступала главным организатором семейных торжеств и встреч. Она была объединяющим началом, на ней все держалось, но теперь так больше уже не будет.

Ребекка никогда не забудет, как они с бабушкой обычно отмечали первый по-настоящему летний день пикником в саду. Усаживались в полосатые шезлонги, слушали радио и ели свежее испеченный пирог с ревенем. Или как они всегда сами разводили тесто для имбирного печенья, лепили мясные тефтельки, мариновали селедку и солили лосося перед Рождеством. Иногда эти традиции казались Ребекке ненужной тратой времени, но сегодня она рада, что бабушка с таким упорством доказывала их важность. Внучка улыбается. Одному богу известно, как тяжело было взрослым с ней сладить в подростковый период. Но бабушка никогда не осуждала Ребекку за глупости, которые та вытворяла. Она просто находилась рядом, как точка опоры,

выслушивала и поддерживала. Скорее всего, Ребекке не удалось бы без нее выздороветь.

Спустя некоторое время приходит медсестра и похлопывает ее по плечу.

– Похоже, буря утихла. Состояние вашей бабушки улучшилось, лихорадка прошла. Будем надеяться, что она проспит всю ночь до утра. Мне кажется, вам тоже стоит вернуться домой и отдохнуть.

Ребекка колеблется. На самом деле ей не хочется оставлять Анну одну, но она чувствует ужасную усталость, и желудок крутит от голода.

– Если что-нибудь изменится, мы позвоним вам, – добавляет медсестра.

– Ладно, – соглашается в конце концов Ребекка, подходит к бабушке и гладит ее по руке. – Я поеду к тебе домой, – шепчет она. – Но вернусь, как только буду нужна тебе. А пока спокойной ночи.

Как только Ребекка выходит из больницы, по щекам начинают струиться слезы. Внутри – опустошение. Бабушка должна поправиться. Как она справится без нее? Ребекка садится в машину, но двигатель не заводит, а ложится на руль, накрыв его руками, и кажется, будто все наваливается на нее неподъемным грузом: проблемы на работе, хрупкость бабушкиного здоровья, травмированная рука, ссора с матерью, ситуация с Йуаром и Арвидом. Ее сотрясают рыдания. А ведь она знала, что так и будет, стоит только приехать в Сконе. Она оказалась не готова к возвращению домой. Может, надо было отсидеться в Стокгольме, где чувства над ней не властны?

Всхлипывая, Ребекка вытирает щеки. Ну что с ней не так? Почему внезапно она оказывается такой уязвимой? Обычно ей удается сохранять отстраненное отношение к проблемам и держать эмоции под контролем, но сейчас все трещит по швам.

Она смотрит на мокрый от дождя асфальт, в котором отражается одиноко мерцающий уличный фонарь, и думает, не уехать ли напрямиком в Стокгольм? Часть ее стремится домой, к Йуару и жизни с ним, пока не запуталась тут еще больше. Почему она не послушала жениха? Он всегда знает все наперед.

Потом Ребекка вспоминает про бедняжку Скарлетт. А вдруг кошка сидит там и ждет ее? Девушка делает глубокий вдох, вставляет ключ в зажигание и заводит двигатель. Мотор фыркает, загораются передние фары, и два столба света пронзают дождь. Она представляет себе

насквозь промокшую маленькую Скарлетт, трясущуюся на крыльце. Если кошка не нашла себе укрытия от непогоды, то, наверное, уже успела продрогнуть от холода.

Подъехав к дому бабушки, Ребекка мчится к входной двери и ищет взглядом Скарлетт, но кошки не видно. Она надеется, что кто-то пустил ее погреться.

Разверзлись хляби небесные, дождь стучит по спине, пока Ребекка возится со связкой ключей в темноте. В конце концов ей удается отпереть дверь и ворваться в прихожую.

Спустя несколько секунд девушка замечает маленькую лужицу на полу. Подняв голову, видит, что с потолка на старую газету капает вода. Осторожно отодвинув клочок газеты, Ребекка смотрит на вздувшийся от воды пол. Так вот почему бабушка прикрывала пол в прихожей газетами... Как она раньше не догадалась?

Достав из кладовки ведро, девушка ставит его под место протечки. А она-то надеялась, что дом в достаточно приличном состоянии, чтобы бабушка могла сюда вернуться, и можно ограничиться заменой рубероида на крыше крыльца. Но здесь явно требуется ремонт посерьезнее.

В мягком свете кухонной люстры Ребекка ставит чайник, достает сыр и колбасу, буханку испеченного вчера ржаного хлеба и делает себе бутерброд. Ее одолевает голод, но стоит только откусить кусок пышного хлеба, как кто-то прыгает на оконный откос и прижимается к стеклу. Ребекка вздрагивает, хотя уже успела привыкнуть к Скарлетт. Кошка громко мяукает и умоляюще смотрит через стекло. Мокрая шерсть прилипла к телу, и она выглядит еще более худой, чем обычно. Ребекка спешит к двери.

– Можешь зайти, – говорит она, делая шаг в сторону, чтобы не преграждать путь.

Скарлетт бросает на нее недоверчивый взгляд, потом отряхивает с себя воду и заходит в прихожую. Осмотревшись вокруг, идет в кухню, усаживается на полосатый половик и начинает вылизывать шерсть.

Ребекка испытывает чувство облегчения и улыбается кошке. Ей радостно оттого, что Скарлетт больше не мокнет и оказала наконец доверие, войдя в дом.

Аккуратными движениями, чтобы не спугнуть животное, Ребекка достает пакет с кошачьим кормом и ставит на пол две миски – с едой и водой. Кошка смотрит с подозрением, но тем не менее подходит к мискам, и девушка наблюдает за ней, сидя за кухонным столом.

За окном продолжается проливной дождь. На небе огромные тучи налегают друг на друга, пока наконец с грохотом не разражается гроза. Когда молния озаряет сад, Скарлетт едва заметно вздрагивает, потом приступает к трапезе.

Ребекка растирает лоб. День выдался длинным, спина затекла от долгого сидения. В какой-то момент она задумывается, не стоит ли вернуться к бабушке, но тут же напоминает себе об обещании медсестры позвонить, если состояние изменится. Да и вообще, лучше если кто-нибудь останется здесь, со Скарлетт, чтобы убедиться, что дом полностью не обрушится.

Бросив сонный взгляд на заправленную постель в гостиной, Ребекка понимает, что долго бодрствовать не сможет. Обходя тяжелым шагом дом, выключает свет везде, кроме светильника на кухонном подоконнике, и вытягивается на диване. Минуту спустя она погружается в глубокий сон.

Глава 26

Октябрь 1943 года

Анна идет вдоль побережья, всматриваясь в бескрайние водные просторы. На востоке солнце уже встает, но плотные облака приглушают дневной свет. К этому времени Лука уже должен был вернуться.

После отвратительной встречи с Юном и его друзьями она вернулась на заброшенную дачу, но та по-прежнему пустовала. Ключ лежал на месте, и к еде никто не притрагивался.

Анна нетерпеливо ищет взглядом лодку. Лишь бы только они не попались! Чем больше проходит времени, тем больше она злится на Луку. Почему он был вынужден отправиться в путь, зная о грозящих опасностях? А вдруг она больше его не увидит?

Внезапно что-то показалось вдали. Над водой распростерся густой туман, но в этом тумане угадывается темная тень. Подойдя к самой кромке воды, Анна различает контуры маленькой деревянной лодки, качающейся на волнах. Такие обычно используются только для рыбалки недалеко от берега, неужели на ней переплыли пролив? Отбросив в сторону сомнения, Анна бежит вдоль берега к пирсу, к которому держит путь лодка. По мере приближения к цели у девушки нарастает уверенность: она не ошиблась. Конечно, виден один гребец, но что-то подсказывает ей, что это именно та лодка, которую она ждет.

Анна подходит к пирсу одновременно с лодкой. Человек на корме одет в темный дождевик, вид у него угрюмый. Девушка останавливается. Может быть, она все-таки ошиблась? На борту по-прежнему никого другого не видно. Анна разочарованно опускает глаза, но в то мгновение, когда угрюмый мужчина подводит лодку к краю пирса, у входа в маленький камбуз кто-то начинает шевелиться. Она делает еще один шаг и видит мужчину в шляпе, а за ним – женщину и двоих детей. У всех четверых серые, как зола, лица, они нервно оглядываются по сторонам.

– Мы прибыли? – спрашивает мужчина по-датски.

Рыбак кивает в ответ.

Анна тревожно обводит взглядом лодку. Неужели с ними нет Луки? Она как раз собирается спросить, но в этот момент появляется

темноволосая голова. Лúка расплывается в улыбке, увидев ее.

Семейство осторожно выбирается из лодки, и скоро они все стоят и дрожат от холода на шатком пирсе. В своей роскошной одежде они странно смотрятся на деревенском причале. На женщине пальто с меховым воротником и фетровая шляпа с приколотой булавкой розочкой, на детях – шерстяные пальтишки и кожаная обувь ручной работы. Отец семейства неуклюже подгоняет детей к берегу, за ними, уставившись прямо перед собой, следует мать. Лúка перекидывается несколькими словами с рыбаком и жмет ему руку, потом тоже следует за ними.

Анна не может больше сдерживаться.

– Лúка. – шепчет она, обнимая его. – Слава богу!

Парень торопливо обнимает ее.

– Ты же обещала ждать на заброшенной даче, – бурчит он себе под нос и поворачивается к другим.

– Это моя подруга, фрёкен Экблад, – знакомит их Лúка. – А это семья Кляйн.

Анна здоровается.

– Добро пожаловать в Швецию, – приветствует она семью, улыбаясь.

– Фрёкен Экблад подготовила место, где вы сможете отдохнуть, – продолжает Лúка, жестом приглашая их пойти вверх по тропинке, ведущей к заброшенной даче.

Они идут следом за семьей Кляйн через рощицу. Дойдя до места, Анна отпирает избушку спрятанным в горшке ключом и проводит их внутрь. Дети оживляются при виде бутербродов, и она предлагает им угоститься.

– Я могу еще принести, если не хватит.

Господин Кляйн благодарно кивает.

– Достаточно, – говорит он. – Дети, идите к столу.

Пока они едят, Анна выводит Лúку из избушки.

– Почему так долго? – с удивлением спрашивает она. – Тебя не было всю ночь.

– Не найти было, – объясняет он и трет лицо тыльной стороной ладони. – Все датское побережье без огней, нам пришлось добираться в кромешной темноте. И еще кое-что произошло, – продолжает Лúка, понизив голос. – У Кляйнов есть третий ребенок. Годовалая девочка.

Юханссон отказался брать ее на борт. По пути к датскому побережью мы видели немецкий патруль, он побоялся, что ребенок закричит или заплачет в пути и нас обнаружат.

– И где она сейчас?

Лúка грустно смотрит на нее:

– Нам пришлось оставить ее на том берегу. К счастью, их провожала подруга госпожи Кляйн, она забрала девочку к себе домой.

– Это ужасно, – говорит Анна. – Со мной тоже кое-что произошло. Юн и его дружки поджидают лодки у кирпичного завода. К счастью, они меня не заметили.

– Анна, – с упреком произносит он, – именно поэтому я и хотел, чтобы ты оставалась здесь...

Больше он ничего не успевает сказать, потому что в дверях появляется госпожа Кляйн. Она пристально смотрит на них блестящими от слез глазами.

– Когда ты сможешь вернуться? – спрашивает она.

Анна вздрагивает, хватая Лúку за руку.

– Не знаю, – отвечает он, и в этот момент из-за спины жены показывается господин Кляйн. – Прежде всего мы должны убедиться, что вы в безопасности. У здания ратуши в Хельсингборге есть место сбора беженцев. Там вас зарегистрируют, зададут вопросы и проведут медосмотр. Потом направят в пансион.

Женщина возмущенно трясет головой:

– Без Леи я никуда не поеду.

Господин Кляйн обменивается быстрым взглядом с Лúкой, потом кладет руку жене на плечо.

– Все образуется, – говорит он.

– Не надо было оставлять ее, – всхлипывает госпожа Кляйн. – Почему ты заставил меня?

– У нас не было выбора, – вздыхает супруг. – Ты же знаешь, что Вибекке о ней позаботится. У нее Лея будет в безопасности, пока мы не сможем забрать дочь к себе.

– Откуда ты знаешь, что гестапо не найдет ее? – Госпожа Кляйн поворачивается к Лúке. – Я поеду с тобой.

– Нет, этого ты не сделаешь, – хрипит от испуга, вцепившись в нее, господин Кляйн. – А если немцы тебя обнаружат, ты об этом подумала? Клаусу и Метте тоже нужна мать!

Она вырывается из его цепкой хватки и приближается к Лúке.

– Я никуда не уеду отсюда без Леи, – решительно заявляет она.

– Понимаю, – заверяет ее Лúка. – Мы переправим ее сюда как можно скорее.

Услышав это, госпожа Кляйн смягчается, ее напряженное лицо расслабляется, и она берет парня за руки. – Пожалуйста, – умоляет она, – привези моего ребенка. Я не смогу спокойно дышать, пока ее не будет рядом.

– Я клянусь сделать все возможное.

Госпожа Кляйн, пошатываясь, кладет руку на лоб, и супруг подхватывает ее. – Пойдем, – ласково говорит он, – присядем.

Анна не знает, что сказать. От одной мысли о том, что Лúка опять должен перебраться через пролив, бегут мурашки по коже, и в то же время она понимает, что кто-то должен привезти девчущку Кляйнов.

– Это ужасно, – шепчет она. – Не знаю, как бы поступила на их месте.

– Да, неудачно все сложилось. – Ей передается волнение Лúки. – Когда Юханссон отказался взять на борт девочку, семья перепугалась, и мы не знали, что делать. Времени на поиск другого способа перебраться в Швецию не было. Они уже пытались переплыть через пролив с другим рыбаком, но тот в последний момент отказался. А на очереди другие семьи. Я обещал этой ночью снова отправиться в Данию, но сначала должен помочь Лее воссоединиться с семьей.

– И как же ты собираешься это сделать?

– У меня есть идея. Если мы найдем датскую семью, которая согласилась бы приплыть сюда на пароме, притворившись, что Лея – их ребенок. Я постараюсь связаться с одним из моих контактов в Хельсингёре.

– А с семьей Кляйн что делать?

– Лучше всего, если они пока останутся здесь, – говорит он, показывая на избушку. – Ты сможешь и дальше за ними присматривать?

– Конечно, – кивает Анна. – Мать вернется не раньше завтрашнего дня, а Альма не заметит, если я опять уйду украдкой, главное – вернуться домой к ужину.

Лúка гладит ее по щеке. Никогда раньше она не видела его таким бледным. Плечи ссутулились, в глазах сквозит усталость.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает она.

– Очень устал. На поездку ушло больше времени, чем я рассчитывал, и в проливе штормило. Вдобавок нам всю дорогу пришлось провести в камбузе, а дети боялись, – добавляет он. – Я никогда прежде не видел такого ужаса в человеческих глазах и всю дорогу их успокаивал. Но я рад, что мы справились. Хотя бы одну семью спасли от немецких лагерей.

– Если не считать девочки.

– Послушай меня, – говорит Лúка, уводя ее от избушки. – Я понимаю, насколько изнурительно для тебя ждать меня каждый раз, но я уже в точности изучил маршруты патрульных катеров и хорошо ориентируюсь у побережья. Пока мы четко следуем плану, ничего плохого не произойдет. К тому же я обещал семье Кляйн привезти Лею.

Анна смотрит в сторону леса. Ей не хочется, чтобы Лúка уезжал, но при мысли о девчужке Кляйнов она понимает, что это – его долг.

– Обещай мне, что будешь осторожным.

– Я всегда осторожен.

– И не задерживайся.

Лúка крепко прижимает ее к себе.

– Обещаю, – отвечает он, зарываясь в ее волосы.

Глава 27

Апрель 2007 года

Когда Ребекка просыпается, комната окутана в серый полумрак. Стихия, похоже, успокоилась, но тяжелые тучи по-прежнему закрывают небо. Девушка ворочается на диване, моргая спросонья. Ногам тепло – в них на одеяле, свернувшись клубочком, лежит Скарлетт.

– Привет, – шепчет Ребекка.

Взглянув на нее, кошка опускает голову. Ребекка аккуратно выбирается из-под одеяла, чтобы не побеспокоить Скарлетт, встает и берет в руки телефон. Пропущенных звонков нет, она выдыхает с облегчением, но потом быстро находит номер больницы и звонит сама.

Медсестра рассказывает, что у бабушки опять поднималась температура. Ребекка чувствует ком в груди от нарастающего волнения и прикусывает язык, чтобы не отругать сестру. Они ведь обещали позвонить ей, если состояние изменится.

Быстро приведя себя в порядок, она готова ехать обратно в больницу, как вдруг замечает Арвида, идущего по садовой дорожке. Ребекка замирает. Она не знает, стоит ли им вообще вновь встречаться. На мгновение задумывается, не спрятаться ли ей, но, когда сосед стучится в дверь, все-таки открывает.

Арвид переминается с ноги на ногу, вид у него смущенный. Волосы всклокочены больше, чем обычно, и он зачем-то крепко сжимает прихваченную с собой лопату.

– Я заметил, что ты вернулась домой, – говорит он, кивая на машину.

– Да, я вернулась вчера вечером, но сейчас снова собираюсь в больницу.

– Понятно, – бормочет сосед, ощупывая рукоятку лопаты. – Как бабушка?

– Так себе. Из-за тромба в легком затруднено дыхание, и возникло воспаление. Она же старенькая... – объясняет Ребекка и останавливается на полуслове, голос начинает дрожать.

– Все устроится, я уверен. Твоя мать у нее?

Ребекка пристально смотрит на Арвида. Тут же понимает, что мать не в курсе, что произошло с бабушкой.

– Нет. Слушай, мне пора.

– Хорошо, – отвечает он, но почему-то тянет время.

Ребекка надевает куртку, но Скарлетт пробегает мимо мелкими шажками и садится на пороге между прихожей и кухней.

– Не пора ли тебе на улицу? – нетерпеливо интересуется Ребекка. Кошка не слушает ее и спокойно моет лапками нос.

– Ей, похоже, и тут хорошо.

Взяв миску с кошачьей едой, девушка пытается выманить кошку на крыльцо, но та не обращает на нее никакого внимания.

– Ну, пожалуйста, – просит Ребекка.

– Почему нельзя оставить ее внутри? – спрашивает Арвид.

– Я не знаю, когда вернусь. Вдруг что-нибудь случится, а кошка останется запертой в доме?

– Если хочешь, я присмотрю за ней.

Ребекка встречается с ним взглядом. Почему он по-прежнему так добр к ней после того, что она натворила? Она не достойна его заботы.

– Скарлетт, – шепчет она. – Ты получишь еду на крыльце. Давай сюда!

В ответ кошка забегает в дом и прячется. Но Ребекке пора уезжать. Сдавшись, она берет запасной комплект бабушкиных ключей и отдает Арвиду.

– В буфете есть еще кошачий корм, а лотка у меня нет, так что ее надо выпускать на улицу.

– Хорошо. Не волнуйся.

Надев обувь, Ребекка обходит стоящего в дверях Арвида, когда тот кладет руку на ее плечо.

– Послушай, – говорит он низким голосом, отводя взгляд.

Ребекка терпеливо ждет. Арвид явно хочет что-то сказать, но не может подобрать слова. В конце концов он улыбается кривой улыбкой и говорит:

– Все образуется.

По непонятной причине от этих слов на душе у Ребекки становится тепло и очень хочется обнять его. Ей сейчас просто необходимы дружеские объятия.

– Спасибо, – бормочет она, выходя из дома.

Сев в машину, Ребекка первым делом звонит матери. Гудок проходит, но, как обычно, никто не отвечает. Выругавшись про себя,

она пробует дозвониться еще раз. «Ну, ответь, – думает она, – неужели ты не понимаешь, как это важно?»

После трех бесплодных попыток бросает телефон на пассажирское сиденье, заводит двигатель и давит на газ. Последнее, чего ей сейчас хочется, – это навестить Камиллу, но разве у нее есть выбор? Мама должна знать, насколько серьезно бабушкино положение.

Десять минут спустя Ребекка сворачивает с дороги, подъезжая к дому из желтого кирпича. Когда выходит из машины, руки дрожат, и она решительно убирает их в карманы. Много лет прошло с тех пор, как она навещала дом своего детства, но снаружи здесь все по-прежнему. Посреди аккуратно подстриженного газона растет узловатая старая яблоня, на которую Ребекка забиралась бесчисленное количество раз.

Преодолевая внутреннее сопротивление, девушка идет по садовой дорожке к дому. Делает над собой усилие, чтобы постучаться – сначала осторожно, потом все сильнее. Но, как бы она ни колотила в дверь, никто не слышит.

Она заглядывает внутрь через окно гостиной – там никого. Вновь стучится во входную дверь, потом берется за ручку и понимает, что дверь не заперта.

Несмотря на то что здесь прошло ее детство и большая часть юности, в прихожей Ребекку охватывает странное чувство. Медленно проходя по дому, она замечает, что и внутри почти ничего не изменилось. Те же люстры и картины, те же старые ковры на полу. Перед большим зеркалом в деревянной раме девушка останавливается.

Чувствует, как все сжимается внутри при виде трещины. Вспоминает себя в шестнадцать лет. Вечер Вальборга^[26], Ребекка с матерью опять спорят. Дочь хочет поехать с друзьями в Лунд, в городской парк, а мать не отпускает. В конце концов Ребекка берет деревянный башмак и с такой силой запускает им в зеркало, что остается трещина. Сейчас она качает головой. Почему мать за столько лет не заменила стекло на новое?

В кухне тоже все по-старому. Шкафчики с простыми белыми фасадами и светло-серая столешница. Насухо вытертая мойка. Столешница ничем не заставлена, что в сочетании со строгим интерьером производит холодное, негостеприимное впечатление. Никаких фотографий или памятных вещей. Ребекка не припомнит,

чтобы видела хотя бы одну фотографию из своих детских лет. Никто даже и не подумает, что в этих стенах вырос ребенок, мамин дом разительно отличается от уютного бабушкиного.

– Мама? Ау? – кричит она, но в ответ тишина.

Ребекка идет дальше, к спальне, но, услышав какой-то шум на веранде, пересекает прихожую и направляется в ту сторону.

Мать оказалась на застекленной веранде. Надев наушники, она стоит перед столом из пластика и наполняет горшки землей для посадки. Пару секунд Ребекка стоит и наблюдает за матерью, потом вытягивает вперед руку и машет.

– Ой, привет! – удивленно приветствует ее мать и сдергивает наушники. – Ты пришла, смотри-ка.

– Я звонила, но ты не ответила.

– Извини, похоже, я была в своем маленьком мирке. – Камилла снимает садовые перчатки. – Который час?

– Девять.

– Тогда пора выпить кофе. Не хочешь чашечку?

– На самом деле я зашла только, чтобы рассказать тебе о бабушке. Ей стало хуже. У нее тромб в легком и воспаление.

– Это опасно? – спрашивает мать, выключая на ощупь музыку на своем айпоне.

– Да, ей трудно дышать. Я снова еду к ней, – продолжает Ребекка. – Хочешь? Поехали вместе.

– Ты же знаешь, как я не люблю больницы, – отвечает мать, мотая головой.

– Бабушка была бы рада тебя видеть.

– Ладно, посмотрим, – отвечает она. – Но теперь мне точно нужен кофе.

Ребекка изумленно смотрит на мать:

– Неужели ты можешь не поехать, даже услышав, что она при смерти?

– Ребекка, – многозначительно произносит мать. – Ты же знаешь, что все не так просто.

– Все как раз очень просто. Твоя мать тяжело больна. Если не хочешь съездить ради нее самой, сделай это хотя бы ради меня!

– Дружочек мой, – произносит она, протягивая руку к Ребекке, но та отступает назад.

– Тебе никогда не было дела до нас с бабушкой.

– Это неправда.

– Правда-правда. Ты не проявила ко мне внимания, даже когда я переехала к ней, – бурчит Ребекка.

– Я, конечно же, переживала за тебя.

– Почему же ты тогда не попыталась меня остановить? Знаю, мы часто ругались и вела я себя несносно, не спорю, но мне было всего шестнадцать, и, возможно, я хотела почувствовать, что нужна тебе. А ты просто позволила мне уйти.

Камилла вздыхает:

– Ты прекрасно знаешь, что я возражала, просто справиться не могла. Тобой овладела злость. Как бы я ни пыталась, достучаться не получалось. В конце концов я решила, что, может быть, у бабушки тебе будет лучше. Нам нужно было взять паузу, чтобы отдохнуть друг от друга.

– Или ты просто хотела отдохнуть от меня, наконец-то пожить для себя, – усмешается Ребекка.

– Это не так. Я делала все ради своего ребенка.

– Ну уж конечно, – ерничает дочь. – Оглянись вокруг. Остался ли в этом доме хоть какой-то след после меня?

– Я заботилась о тебе, – не соглашается Камилла. – Кто готовил тебе ужин каждый вечер? Помогал с домашними заданиями, устраивал детские праздники, собирал физкультурную форму, читал на ночь сказки и возил на танцы?

– Папа мог бы помогать со всем этим, если бы ты только позволила ему остаться.

– Его отъезд – не моя вина, он сам, между прочим, принял такое решение.

– Это неправда, – парирует дочь, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. – Мы были нужны ему. Если бы не ты...

– Душечка моя, останься он жить у нас, это никакой роли бы не сыграло. Он все равно бы заболел.

Ребекка закрывает лицо руками так, что рукав свитера обнажает повязку. Камилла подходит на шаг ближе.

– У тебя рана?

– Ничего страшного, – всхлипывает она.

– Но рана, похоже, серьезная. Ты порезалась?

– Несчастный случай.

– Просто я волнуюсь за тебя, понимаешь? – говорит мать, касаясь руки Ребекки.

– Не надо за меня волноваться. Моя жизнь сложилась хорошо благодаря бабушке, – огрызается Ребекка, но в ту же секунду, когда слова вылетают изо рта, понимает, насколько они несправедливы.

В комнате повисает тишина.

– Я пыталась, – нарушает наконец молчание Камилла. – Знаешь, сколько раз я приходила в Бьёркбаккен поговорить? Но бабушка не позволяла. Говорила, ты не выдержишь, просила оставить тебя в покое. А я не знала, как поступить. Очень боялась, что я виновата в твоём плачевном состоянии, в том, что тебе не на кого положиться. Но переезд не помог, ты по-прежнему наносила себе увечья... Когда я поняла это, другого выбора не оставалось: мне пришлось согласиться на твою госпитализацию.

– Мама...

– Подожди, – перебивает ее мать. – Послушай меня: я ужасно переживала. Искала помощи повсюду, разговаривала с каждым врачом, к которому удавалось попасть. Я хотела одного: чтобы мой ребенок выздоровел, и именно поэтому держала дистанцию. Но я никогда не хотела оттолкнуть тебя.

– Хорошо. Сейчас я чувствую себя нормально, – говорит Ребекка, потупив взгляд.

– И это замечательно. Я так рада, но мне кажется, было бы разумно иметь долгосрочный план. Я же знаю: ты бросаешься в омут с головой, отдавая себя всю, без остатка. Так много работать вредно. В жизни все должно быть уравновешено.

Ребекка не знает, как ответить. Слова застревают в горле. Очень многое по-прежнему злит, и многое хочется высказать матери.

– Я сохраняю равновесие, – говорит она, выдержав минутную паузу. – Йуар помогает мне в этом. Сожалею, если моя жизнь тебя не устраивает.

– Да устраивает, конечно, – соглашается Камилла. – Просто я хочу, чтобы ты берегла себя.

– Спасибо за совет, по крайней мере, ты в курсе бабушкиного состояния, – сухо отвечает дочь и идет к выходу.

Только сев в машину, Ребекка может опять нормально дышать. Она не сводит глаз с крыльца, в какое-то мгновение надеясь, что мать последует за ней, но дверь остается закрытой.

Дрожа всем телом, она наклоняется к рулю. Зачем беречь старые раны? Все равно бесполезно. Мать никогда не поймет и не попросит прощения, давно пора с этим смириться. Ребекка чувствует, как на глаза наворачиваются слезы, и раздраженно моргает, чтобы убрать их. Почему мама просто не может поехать вместе с ней? Как можно быть такой эгоисткой? А вдруг бабушка не выживет?

Спустя долгую минуту она отгоняет от себя эти мысли. У нее нет на них времени, пора ехать в больницу. Она нужна бабушке. А бабушка нужна ей.

Глава 28

Октябрь 1943 года

Госпожа Кляйн сидит в кресле, укутавшись в плед и уставившись взглядом в стену. Изредка лицо искажается, и она начинает стонать, раскачивая головой из стороны в сторону, потом опять отворачивается к стене. Двое детей – Метте и Клаус – к счастью, заснули, а господин Кляйн тревожно мерит шагами избушку. Пару раз он пытался присесть, но выдерживал не дольше пары минут и вновь вскакивал.

Анна сидит у кухонного стола, неотрывно глядя на циферблат. С тех пор как Лука покинул их, прошло уже одиннадцать часов. Если он не вернется в ближайшее время, она не знает, что предпринять.

Настроение в избушке подавленное, дышится здесь с трудом. Анна уже два раза ходила в Хиллесгорден: сначала за мылом и пластырем для Клауса, повредившего на борту лодки палец, потом – за новой порцией бутербродов и воды. Но с мучениями семейства Кляйн справиться трудно. Висящее в воздухе напряжение ощущается кожей, и Анна уже подумывает, нельзя ли ей еще за чем-нибудь сбегать.

Госпожа Кляйн издает жалобный крик. Это стенание, которое, кажется, идет из глубины души и скоро переходит в глухой вой. Она закрывает лицо руками и вонзает ногти в щеки.

Анна искоса поглядывает на господина Кляйна, тот спешит к жене и обнимает ее.

– Ну, не надо, детей разбудишь.

Госпожа Кляйн поднимает глаза и смотрит на него отсутствующим взглядом. Анна нервно сглатывает. Ей не представить себе, каково это – спасаться бегством. Лишиться всего: дома, работы и безопасности. Как будет теперь складываться жизнь семьи? Что ждет их в будущем? И долго ли будет мучить страх перед нацистами и воспоминания о том, почему пришлось оставить младшего ребенка?

От этих мыслей в груди нарастает ком. Горло сводит спазм, и становится трудно дышать. Анна быстро встает. Господин Кляйн с тревогой смотрит на нее, но она изо всех сил вымучивает улыбку, хотя лицо, кажется, окаменело.

– Пойду прогуляюсь немного – поищу Луку.

Из-за разорванных серых облаков проглядывает солнце. Анна жадно дышит свежим воздухом. Идет к морю, и от вида широко распростертой синевы в теле появляется какая-то легкость. С Лúкой все в порядке, думает она. Просто он занят: пытается организовать возвращение девчушки в семью.

Анна спускается к причалу, на котором сошла на берег семья Кляйн, и думает, не разыскать ли перевозившего их рыбака, чтобы уточнить, когда вернется Лúка. Но берег пуст и лодок на горизонте не видно.

Она внимательно осматривает побережье. Можно было бы пойти на юг, но страшно напороться на Юна с его друзьями с кирпичного завода. К северу расположен Сундвик, а за ним – Олабударна. Это крупнейший порт в окрестностях, но там выставлены военные блокпосты, так что вряд ли Лúка выберет его для высадки на берег.

Девушка прикусывает губу. Лúка не хотел, чтобы она искала его, поскольку это сопряжено с неоправданным риском, но нельзя же сидеть и ждать бесконечно. А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг его арестовали – что тогда делать?

Ей бы очень хотелось попросить кого-нибудь о помощи, но непонятно, кому можно доверять. Потом Анна внезапно о чем-то вспоминает. Засунув руку под куртку, проверяет на ощупь письмо, лежащее во внутреннем кармане. Может, имеет смысл найти Битте и рассказать, что Лúка долго отсутствует?

Анна тяжело вздыхает. Терпение не относится к ее добродетелям. Ждать она ненавидит и предпочитает делать все самой, если так получится быстрее. Но сейчас делать нечего, это надо просто принять.

Девушка идет по тропинке вдоль берега и, когда впереди показываются трубы кирпичного завода, осознает, что так она Лúку не найдет. В последний раз взглянув на море, разворачивается, чтобы вернуться в избушку.

Мысли роятся в голове, пока Анна пробирается по пересеченной местности к заброшенной даче. Если Лúке не удастся контрабандой перевезти девчушку через пролив, может, она могла бы сделать это сама, притворившись, что Лея – ее дочь? Хотя отважится ли Анна на такой поступок? Лúка, кажется, абсолютно бесстрашен в своих попытках помочь другим, но она не уверена, может ли похвастаться тем же. Никогда прежде ей не приходилось совершать опасные поступки,

подвергая себя риску. А вдруг она не сможет солгать и в последний момент во всем сознается?

Подойдя совсем близко к избушке, Анна слышит шаги. Замирает и секунду стоит неподвижно. Шуршащий звук за спиной умолкает, девушка оглядывается по сторонам. Может ли кто-нибудь преследовать ее? Но кто и зачем?

Покосившись на избушку, она надеется, что господин Кляйн не заметил ее и не отворит сейчас дверь. Если кто-то идет следом, лучше пройти мимо избушки, не привлекая внимание к скрывающейся там семье.

Анна осторожно делает шаг, потом – еще один. Из-за пенька внезапно выскакивает заяц и мчится наутек, заставив бешено колотиться сердце девушки. Прижав руку к груди, Анна смотрит вокруг, внимательным взглядом прочесывая пространство между стволами, и ничего не замечает. Наверное, это был заяц.

Девушка с облегчением подходит к избушке и уже собирается постучаться в дверь, как вдруг опять доносится шум. Какое-то слабое, едва различимое потрескивание. Анна медленно поворачивается, и у нее перехватывает дыхание.

Юн. Он наполовину спрятался за стволом и наблюдает за ней своими крысиными глазками, но, поняв, что его рассекретили, делает шаг вперед.

– Какая встреча, подумать только! – восклицает он, оскалившись в подобии улыбки.

Анна пристально смотрит на него:

– Ты шел за мной следом?

– Сегодня особый день. Хлопотный, потому что мы пытаемся сохранить порядок в нашей стране. Всю ночь евреи пытались к нам пробраться.

Она мотает головой:

– Мне ничего об этом не известно.

– Вот как, – говорит он, поднимая брови. – Тогда зачем ты спускалась к берегу?

– Не твое дело.

Юн вызывающе смотрит на нее:

– А где твой мальчик, питающий слабость к евреям?

Анна пожимает плечами, изо всех сил пытаясь сделать вид, что вопрос совсем не задел ее, хотя сердце бешено бьется в груди. Она боится даже подумать, что будет, если Юн обнаружит спрятавшуюся в избушке семью.

– Он работает, где ему еще быть?

Юн смеется и приближается к ней еще на шаг.

– Тогда продолжим разговор.

Девушка пытается оценить свои шансы убежать от Юна. Ее все еще отделяют от него несколько метров, но до Хиллестордена бежать далеко.

Будто читая ее мысли, парень торопливо преграждает ей путь к бегству. Анна расправляет плечи, стараясь скрыть свой страх. Она старается дышать ровно, сверля взглядом Юна.

– Пошел прочь отсюда.

– С какой это стати? В избушке кто-то есть?

Не получив ответа, Юн расплывается в ехидной улыбке.

– Я знал, что ты заодно с макаронником.

Схватив девушку за плечо, он пытается отодвинуть ее в сторону, но Анна стоит, не шелохнувшись.

– Подвинься.

– Нет.

– Я еще займусь тобой, – шипит он, – но для начала хочу понять, что ты там прячешь.

Юн толкает ее, но Анна успевает схватиться за ствол дерева, растущего у входа, и крепко держится за него. После неудачной попытки парень размахивается и дает ей звонкую пощечину. Удар приходится по тому же месту, что и в первый раз. Анна чувствует резкую боль в челюсти и вкус крови во рту.

– Хочешь еще? – спрашивает он, тяжело дыша, но вместо того, чтобы замахнуться, сжимает пальцами ее шею, перекрывая поток воздуха. Анна отпускает ствол дерева и вцепляется в его руку, но он будто не замечает этого.

Юн победоносно улыбается и второй рукой закрывает ей рот.

– Ну вот, наконец-то замолчала.

Во взгляде Анны сквозит паника. Дышать совсем нечем, и она беспомощно ворочает головой. Глаза Юна широко раскрыты, он тяжело дышит от возбуждения.

– Не надо было со мной ругаться. Как только поймал твоего южанина, переправим вас через пролив и сдадим в гестапо. Им будет очень интересно узнать, чем вы занимаетесь.

Лицо Юна становится размытым, еще немного, и, кажется, ее грудь разорвет. Анна пытается дышать, но он не ослабляет хватку. Краем глаза она видит, как что-то мелькает. Долгую секунду пытается различить нечеткую фигуру, потом слышит глухой удар.

Сжимавшие шею пальцы соскальзывают, и она жадно хватается ртом за воздух. Юн валится на землю, Анна хватается за грудь. Горло саднит, она захлебывается кашлем и одновременно пытается дышать.

– Как вы? – с тревогой спрашивает господин Кляйн.

Она пытается ответить, но получается лишь захрипеть.

– Только дышите, – говорит он, помогая ей расправить плечи. – Вдох – выдох. – Девушка встречается с ним взглядом и сосредоточивает внимание на его лице. – Вдох – выдох, – повторяет он.

– Он шел за мной следом, – шепчет Анна хриплым голосом. – Не надо было ходить к морю. Я привела его прямо сюда.

– Ничего страшного, – говорит господин Кляйн, пытаюсь изобразить спокойствие, хотя выглядит по-прежнему испуганным. – Вы знаете, кто это?

Она кивает.

– Это враг, – говорит Анна, присаживаясь перед Юном и прикладывая два пальца к сонной артерии.

– Он жив?

– Я не чувствую пульса.

Господин Кляйн делает шаг назад и роняет лопату. Анна молча рассматривает лицо Юна. Глаза открыты, но взгляд совершенно пустой. Она держит руку у его рта и не чувствует дыхания. Зато замечает, как по затылку сочится струйка крови.

Господин Кляйн закрывает лицо руками.

– Я не хотел убивать его, но он напал на вас. Что мне оставалось делать? Теперь я попаду в тюрьму. А кто позаботится о моей семье? – стенает он.

– Его будут искать, – соглашается Анна.

– Это был несчастный случай, – продолжает господин Кляйн. – Надо позвонить в полицию.

– Нет, – возражает Анна. Ей сразу становится ясно, что им делать. – Так не пойдет. Вы не знаете, кто он. Его дружки все испортят. Нам с вами все испортят. – Она встает и берет в руки лопату. – Мы должны закопать его.

Господин Кляйн изумленно смотрит на девушку:

– Что вы имеете в виду?

– Там, за избушкой, есть еще инструменты. Возьмите что-нибудь, чем можно копать, – говорит она, кивая в сторону растущих поблизости кустов.

– Я всего лишь учитель, – протестует он, заикаясь. – Я никогда ничего подобного не делал.

– Я тоже, но вместе мы справимся. Скорее, пока дети не проснулись.

Он замолкает и с поникшей головой идет за инструментом. Анна сглатывает ком в горле. Смотреть на Юна она не может. Каждый раз при виде его лица внутри все переворачивается и пронзает мысль, правильно ли они поступают. Но разве у них есть выбор?

Анна подходит к кустарнику и втыкает лопату. Земля на удивление мягкая, и работа идет быстрее, чем она ожидала. Скоро подходит господин Кляйн, и они молча копают вместе, пока не вырывают яму по пояс глубиной.

– Такой глубины хватит? – спрашивает господин Кляйн, вытирая пот со лба.

Она смотрит на мертвое тело. Подступает тошнота. Позывы к рвоте возникают уже от одной мысли о том, что придется тащить Юна к яме и засыпать землей, но Анна должна с этим справиться.

– Думаю, да, – устало отвечает она.

Пришел вечер, и Анна пошла в Хиллесгорден ужинать. Аппетита нет, избавиться от мыслей о Юне невозможно. Ее преследует вид его обмякшего тела и уставившихся на нее пустых глаз. Сбрасывать его в яму было ужасно. Слышать тяжелый удар и потом кидать землю поверх тела. Но она взяла себя в руки и проглотила подступившие слезы, чтобы еще больше не выбить из колеи и без того обескураженного господина Кляйна.

Быстро вернувшись в избушку, Анна поиграла с детьми в карты, пока им не пришло время засыпать. Пустой взгляд Юна все еще

преследует ее. Она стала соучастницей убийства. Юна нет в живых, он лежит в земле, и его семья никогда не узнает, что произошло. Девушка опускается в потертое кресло. Супруги Кляйн легли спать вместе с детьми, задернув занавеску, отделяющую нишу спальни. Анна уверена, что уснуть не сможет. Ее мучает случившееся, она беспокойно вертится в кресле, но в конце концов тоже проваливается в тяжелый сон.

От стука в дверь девушка вздрагивает и просыпается. В растерянности смотрит на часы и понимает, что уже семь утра. Наверное, это Лúка, думает она, резко вскакивает и поворачивает ключ в замочной скважине. Но это не он. У избушки стоит суровая женщина средних лет с маленьким ребенком на руках, завернутым во что-то темное.

– Анна? Это я, Битте.

Анна кивает в ответ. Внутри избушки слышен шум – семейство проснулось. Госпожа Кляйн делает несколько неуверенных шагов навстречу и, увидев Битте, кричит.

– Лея! – кричит она, бросаясь к ребенку. Господин Кляйн бежит за ней и придерживает жену, которая прижимает к груди спящего ребенка.

– Спасибо, огромное спасибо! – хором благодарят они Битте.

– Девочке дали снотворное, чтобы она не кричала, пока ее переправляли через пролив, но через пару часов его действие пройдет, – объясняет Битте.

Анна не может сдержать улыбку, видя ошеломляющую радость в глазах госпожи Кляйн. Потом она поворачивается к стоящей на веранде женщине:

– Где Лúка?

Битте долго смотрит на Анну, потом жестом приглашает ее выйти из избушки.

– К сожалению, у меня плохие новости.

– Что? Что случилось?

Женщина притворяет дверь, чтобы Кляйны не услышали.

– Это он нашел рыбацкую лодку, на которой перевезли Лею. Другая семья согласилась взять ее с собой, но, поскольку на борту были еще места, Лúка отправился за новыми беженцами. Он обещал вернуться до наступления темноты, но, по словам семьи, так и не появился.

Анну качнуло. Она слышит слова Битте, только их смысл не доходит до нее в полной мере.

– Может, Лúка просто где-то спрятался?

Битте кладет руку ей на плечо:

– Если что-то новое узнаю, расскажу.

– Мы можем обратиться в шведскую полицию и попросить разыскать его? – спрашивает Анна, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Вряд ли, у него не было на руках официальных документов.

– Но он ведь всего в нескольких километрах от нас. Должен же быть способ помочь?

– К сожалению, мы ничего не можем предпринять, пока не узнаем, что с ним произошло.

Когда Битте разворачивается, чтобы уйти, Анна останавливает ее:

– Подождите, у меня кое-что есть для вас! – достает оставленный Лúкой заклеенный конверт и передает его Битте. – У него здесь мать и сестра, – добавляет она.

– Не беспокойся, я позабочусь о них, – отвечает женщина, сдержанно кивая. – Мне пора, но я свяжусь с тобой.

Когда Битте исчезает из виду, Анна опускается на колени. Она не может поверить, что это правда. Лúка, ее возлюбленный! Где он? Что с ним? Перед глазами встают ужасные сцены. На него напали немецкие солдаты или взяли в плен эсэсовцы?

Из избышки доносятся радостные голоса. Клаус и Метте разговаривают с младшей сестренкой, которая начинает хныкать. Анна понимает, что пора возвращаться в Хиллесгорден, а то Альма заметит ее отсутствие. Да и Кляйнам нужны еще вода и еда, но девушке не сдвинуться с места. Внутри пустота, будто кто-то вынул из груди содержимое, оставив большую полость. Потом до нее доходит еще одна догадка: а вдруг произошедшее с Лúкой хуже ареста? Вдруг он никогда больше не вернется к ней?

Ее пронзает отчаяние, что-то жжет в груди. Поднявшись, Анна плетется к кусту, чтобы Кляйны не видели, как ее выворачивает наизнанку. Судорожными рывками наружу выходит яркая желчь.

Опустошенная, она отходит от куста и падает на землю. Теперь все? Неужели ей не суждено больше быть с Лúкой, не ощущать его объятий, не слышать его голоса?

Эта мысль приводит Анну в такой ужас, что ее скручивает пополам. А как же планы? Неужели их будущее разрушено и все, о чем она мечтала, испарилось?

Девушку обуревают разные чувства, их так много, что со всеми не справиться. Кажется, будто она раскалывается на части. Слезы льются градом, она прижимает подол юбки к лицу и всхлипывает. Ей нужен человек, который поддержал бы и успокоил, сказав, что все образуется. Но таких нет. Анна совсем одна. Довериться некому.

Глава 29

Апрель 2007 года

Ребекка сидит на неудобном стуле для посетителей и смотрит на стрелки наручных часов, которые едва двигаются. Она осторожно постукивает по стеклу. Неужели с момента ее прихода сюда прошло всего четыре часа?

Бабушка дышит со свистом. Она весь день находится на грани сна и бодрствования: проснется ненадолго, чтобы сделать пару глотков воды, и опять уснет. Заходит присматривающая за бабушкой медсестра. Сообщает, что С-реактивный белок продолжает снижаться, а это означает, что введенный пенициллин действует. Инфекция отступает, лихорадка наконец-то прошла.

То, что бабушка идет на поправку – большое облегчение. Но пережитое волнение встряхнуло Ребекку, а часы, проведенные у постели больной, дали девушке возможность спокойно переосмыслить свою жизнь. Выбор, сделанный раньше, все больше начинает казаться ей неправильным. Она уже не уверена, что хочет продолжать работать в компании «Хеннинг и Шустер». Может, пришло время попробовать что-то новое? Но Ребекка понимает, что Йуар будет разочарован, если она сдастся. В последние сутки они общаются только эсэмэсками. Ребекка пыталась объяснить, как переживает за бабушку, но Йуар, похоже, не понимает. Если честно, ей бы хотелось, чтобы он приехал и поддержал ее, но она знает, что это невозможно. У Йуара в разгаре судебный процесс, он не может взять пару выходных по такому поводу, да и вообще, особой заботы о ней он никогда не проявлял. Когда Ребекке удаляли миндалины, он отправил за ней в больницу такси и попросил заказать домой все необходимое, потому что ему пришлось работать внеурочно.

Арвид другой. Мысль о том, что он по первому зову придет на помощь и даже за Скарлетт готов присмотреть, вселяет ощущение надежности. С другой стороны, злоупотреблять его помощью несправедливо. Ребекка не хочет внушать Арвиду ложные надежды и в то же время не может перестать думать о нем. С ним так легко разговаривать – в его обществе она чувствует себя совершенно непринужденно. Хотя Ребекка и не привыкла иметь дело с людьми,

открыто выражающими свои чувства, она поняла, что такой стиль общения ей по душе. Есть в соседке что-то искреннее и естественное, напроочь отсутствующее в ее уверенном в себе женихе, который всегда держит эмоции под контролем. Конечно, их с Йуаром отношения в последние несколько месяцев оставляют желать лучшего, но все же они помолвлены и уже семь лет вместе. Нельзя же просто так взять и выбросить эти годы?

Ребекка мысленно возвращается в свой сложный подростковый период, тогда психолог сказал, что она слишком легко сдается. Сейчас не хочется быть той, что пасует перед трудностями. Ребекка изменилась, и Йуар ей нужен, так что какие бы чувства она ни испытывала к Арвиду, надо гнать их прочь.

За окном все еще висят низкие темные облака, которые заставляют ее вспомнить о протечке крыши. Как ее починить, Ребекка не представляет. Надо ли перекрывать всю крышу? Бабушке точно своих денег не хватит, а если она постарается помочь с оплатой, это вызовет раздражение Йуара.

Когда бабушка, открыв глаза, впервые за долгое время фокусирует взгляд, Ребекка выпрямляется.

– Привет, – с осторожностью говорит она. – Как себя чувствуешь?

– Пить хочу, – отвечает бабушка.

Ребекка протягивает стакан воды с трубочкой, но бабушка показывает, что сначала хочет есть, а сев в кровати, тянется к стакану, чтобы самой взять его в руки. Она на удивление быстро выпивает все без остатка.

– Может, еще? – спрашивает Ребекка, и бабушка кивает в ответ.

– Но лучше бы сладенького, типа сока.

– Конечно, я все равно собиралась сходить перекусить. Может, еще что-нибудь хочешь?

– От йогурта не отказалась бы, – хриплым голосом отвечает бабушка.

– Принесу. Медсестры говорят, тебе надо сегодня поесть, хотя бы немного, – улыбается Ребекка, думая про себя, что это – хороший знак.

Она спешит в кафетерий за едой, а когда возвращается, обнаруживает, что бабушка уже не одна. Кто-то стоит, склонившись над постелью, и только спустя пару секунд Ребекка узнает посетительницу.

Сердце забилось в груди, девушка пятится назад и прислоняется к двери. Она не может поверить своим глазам. Пришла мама. Ошеломленная Ребекка вновь искоса глядит через дверной проем. Ей трудно вспомнить, когда мама с бабушкой в последний раз находились вместе в одном помещении.

Визит длится не больше пяти минут, разговор ведется тихо и неуверенно, но обе, похоже, растроганы встречей, и мать перед уходом обещает постараться прийти еще. Выйдя в коридор и увидев Ребекку, она останавливается:

– Привет, дружочек.

– Привет.

На секунду повисает молчание, девушка опускает глаза, уставившись на поднос с йогуртом, маффинном и стаканом сока.

– Ребекка, – обращается к ней в конце концов мать, – ты права. Я с трудом признаю свои недостатки и, конечно же, допустила массу ошибок, пока воспитывала тебя. Теперь я буду к тебе прислушиваться.

Ребекка сглатывает ком в горле. Она не знает, что ответить.

– Я не хочу, чтобы между нами царил раздор, – продолжает мать. На шее проступили красные пятна, умоляющий взгляд устремлен на Ребекку. – Когда будешь готова, приходи ко мне – поговорим.

– Ладно, – отвечает дочь после паузы, и мать улыбается.

Ребекка смотрит ей вслед, пока та не исчезает за углом, потом подходит к бабушке, которая выглядит уже пободрее. На щеках вновь появился румянец, рука тянется к соку.

– Спасибо, – не совсем внятно благодарит она, жадно глотая желтый напиток. – Так есть хочется. Не знаешь, когда ужин?

– Я купила тебе йогурт и маффин, но, если хочешь, могу вернуться и взять что-нибудь посытнее.

– Начнем с того, что принесла, – говорит бабушка, сдергивая пленку с йогурта.

Ребекка усаживается на стул и стряхивает пылинку со свитера.

– Я видела, что мама приходила, – ровным голосом замечает она.

– Да.

– Как поговорили?

Отложив йогурт в сторону, бабушка смотрит на внучку.

– Знаю, тебе неприятно этого слышать, но я не буду жить вечно, а мне бы очень хотелось, чтобы вы жили в согласии, когда меня не

станет.

– В любом случае наш разлад – не твоя вина.

– Очень даже моя, – возражает Анна. – Я понимаю, что у вас с матерью свои счеты и тебе решать, что ты готова ей простить, а что – нет, но я надеюсь, ты не таишь на нее зла из-за меня. Каждому в жизни выпадает своя доля трудностей, и, знаешь, Камилле в подростковом возрасте тоже было несладко.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хорошей матери из меня не получилось, – смущенно признается бабушка. – Когда она родилась, мне было всего девятнадцать, и, чтобы заботиться о ребенке, не хватало мудрости и уверенности в себе. Брак казался мне важнее, и я тратила все свои силы на его благополучие. Ведь я так боялась, что...

Она замолкает, опустив глаза.

– Чего же ты боялась?

– Есть вещи, о которых я никогда никому не рассказывала, – объясняет бабушка.

– Какие? – с удивлением спрашивает Ребекка, подвигаясь на краешек стула, чтобы быть ближе.

Бабушка, вздохнув, качает головой:

– Об этом нелегко говорить.

Внучка мнет кончик покрывала, раздумывая, стоит ли признаваться в чтении бабушкиного дневника.

– Это как-то связано с фотографией? – интересуется она осторожно.

Бабушка слегка улыбается, но улыбка не затрагивает глаз.

– Я думала, будет лучше для всех, если держать случившееся в тайне, – бормочет она. – На этом настаивала моя мать, говорила, мол, расскажешь кому-нибудь и испортишь жизнь всем вокруг. Позже я поняла, что она была не права. Тайны причиняют людям вред. Но в моем сознании глубоко укоренилось ощущение совершенной ошибки, которую надо скрыть любой ценой.

Достав из сумки фотокарточку, Ребекка протягивает ее бабушке. Та долго всматривается в снимок.

– Лука, – с нежностью произносит она. – Он встретился мне случайно, но пришелся по душе. Лука был хорошим человеком. Рядом с ним я чувствовала себя свободной. Он видел меня такой, какая я есть, и

воспринимал всерьез, как никто другой. Мы любили друг друга и собирались бежать, переехать вместе в Стокгольм, чтобы воплотить в жизнь планы, которые не могли бы осуществить здесь. Я хотела выучиться на медсестру, а он – стать журналистом.

– И что же произошло?

– Шла война, и хотя Швеция официально не принимала в ней участие, мы все равно ощущали на себе ее воздействие. По другую сторону пролива нацисты оккупировали Данию, и Лúка подключился к движению Сопrotивления. Он хотел помогать тем, кто боролся с нацистами. Времена были тяжелые, многим приходилось идти на такое, что сегодня кажется немыслимым.

– Бедная моя, – откликается Ребекка. – Я не знала, что война коснулась тебя так близко.

– Я никогда никому не рассказывала, – продолжает слабым голосом бабушка. – Осенью 1943 года многие евреи бежали из Дании в Швецию, перебираясь через пролив. Лúка помогал им: переплывал на тот берег с рыбаками, чтобы на обратном пути тайно перевозить беженцев. Первый рейс прошел благополучно, но потом он вернулся еще за одним человеком, и больше никто его не видел. Лúка просто пропал, я так никогда и не узнала, как и почему.

Бабушка умолкает, взгляд скользит за окно.

– Это было ужасно, – говорит она после паузы. – Я упорно искала его, делала все возможное, пытаюсь выяснить, что же с ним произошло, но Лúка исчез. Мать намекала, мол, сам мог уйти, но я уверена: он погиб. Лúка никогда бы меня не бросил.

Одинокaя слеза скатывается по бабушкиной щеке.

Ошарашенная Ребекка протягивает носовой платок.

– Такая была неразбериха в тот момент, – продолжает бабушка. – Швеция только что разорвала договор с Германией о транзите военнослужащих, и многие боялись, что они нападут на нас. Большинство не сомневалось в необходимости помогать датским евреям, но и у нас были свои нацисты. К тому же кругом сновали шпионы, в народе царило недоверие друг к другу. Приходилось просто как-то выживать.

– Звучит ужасно.

– Так и есть. Оставшись в одиночестве, без Лúки, я была в отчаянии. В девятнадцать-то лет и беременная.

Ребекка столбенеет.

– Что? – восклицает она. – Как так? Ты хочешь сказать, что Лúка – мой дедушка?

Бабушка всхлипывает и тянет с ответом, потом шепчет:

– Да.

– А как же Аксель?

– Он ни о чем не подозревал. Наши семьи были давно знакомы, и Аксель проявлял ко мне интерес. Когда мать узнала о моем положении, она сразу же устроила свадьбу. После пережитого я чувствовала себя совершенно раздавленной и думала, что у меня нет выбора, – объясняет Анна, сжав руки в кулаки. – Когда мы поженились, прошло меньше двух месяцев с исчезновения Лúки, и сначала все шло нормально. Я предпринимала все возможное, чтобы Аксель поверил, будто Камилла – его ребенок. До смерти боялась разоблачения. Но когда ей исполнилось несколько месяцев, муж все-таки вычислил, что к чему. Народ судачил, может, кто-то ему и нашептал. Будь у нас другие дети, это не играло бы большой роли, но Камилла стала живым и постоянным напоминанием об изъянах нашего брака. Когда Аксель двумя годами позже нашел сохранившееся письмо от Лúки, он пришел в ярость. Супруг сжег его у меня на глазах и потребовал пообещать, что я никому никогда не расскажу о своем возлюбленном. Как раз в то время «Электротовары Рунстрёма» подписали контракт на крупную поставку в США, и их история успеха получила широкую огласку в прессе. Аксель совершенно справедливо чувствовал себя обманутым и боялся публичного позора. Тогда-то я и заперла на ключ те немногочисленные предметы, что напоминали о Лúке. Пусть их и немного, но каждая маленькая вещь невероятно ценна для меня.

– А как же мама? Ты ничего не рассказала ей?

Бабушка с грустью опускает глаза.

– Я столько раз хотела рассказать, – говорит она, качая головой. – Но страх перед Акселем и чувство вины всегда оказывались сильнее. Когда я наконец набралась смелости, чтобы открыть ей правду, было уже поздно. Камилла стала взрослой и отреагировала болезненно, решив, что лучше этого не знать.

Ребекка сжимает бабушкину руку. Вот, значит, в чем заключалась страшная тайна. Признание вызывает у нее одновременно любопытство и беспокойство. Она жаждет подробностей и в то же время пытается

представить себе, каково было матери жить в неведении, кто ее настоящий отец.

– Поэтому я так радовалась, когда ты появилась на свет, – продолжает бабушка. – Судьба дала мне еще один шанс, возможность сделать все правильно. – Она улыбается Ребекке, но тут же поникает, будто это признание отняло у нее последние силы.

Внучка смотрит на бабушку, устремившую взгляд в пустоту. Руки дрожат, лицо мокрое от слез.

– Это я виновата в том, что мы не ладим с твоей матерью, – произносит Анна после минутной паузы. – У нее есть все основания злиться на меня. С самого начала не надо было лгать и прикрываться браком, обманывая Аксея. Лучше бы я постаралась стать хорошей матерью.

Ребекка пересаживается на краешек кровати и обнимает ее. Они сидят рядом, прижавшись друг к другу, и молчат. Внучка пытается осознать услышанное: что молодой итальянец с фотокарточки – ее дед, а мать, как и она сама, пережила трудное детство.

– Значит, мамины подростковые годы были непростыми?

– Да. Наш брак со временем начал отравлять нам жизнь. Аксель не был дурным человеком, но мы плохо подходили друг другу. И он никогда не проявлял интереса к Камилле. Мы существовали будто в разных измерениях. Жили под одной крышей, но практически не разговаривали. Я долгое время считала, что это мое наказание. В то время беременность юной незамужней девушки считалась страшным позором. Мать даже предлагала мне уехать, родить ребенка в приюте для незамужних матерей и отдать в приемную семью. Но я не могла пойти на такое. Камилла была единственным, что осталось у меня от Лúки, и я думала, что, если только Аксель примет ребенка за своего и мы будем внешне производить впечатление счастливой семьи, все будет в порядке. Лишь когда Камилла выросла и уехала он нас, меня перестало беспокоить мнение других людей, и я решила расстаться с мужем. Рассказала дочери о Лúке, попросила развода, вернула себе девичью фамилию и купила на свои сбережения дом в Бьёркбаккене. Он стал моим пристанищем.

– Вот почему вам с мамой ничего не досталось после смерти деда?

– Полагаю, да. Аксель хотел, чтобы все средства, что он заработал благодаря «Электротоварам Рунстрёма», перешли к его настоящей

семье. Перед смертью он даже переписал на брата наш дом в Хельсингборге, – ровным голосом говорит она, глядя Ребекку по щеке. – Прошу прощения за сюрприз. Такое непросто воспринять без подготовки.

Ребекка кивает, успокаивая бабушку. Она всегда знала: не все в порядке с ее семьей, чувствовала, как что-то саднит, поэтому в каком-то смысле рада, что кусочки жизненного пазла наконец-то сложились в цельную картину.

За окном темные тучи начинают рассеиваться, и сквозь дымку проглядывают солнечные лучи. Так многое перевернулось в сознании за последние сутки, что голова идет кругом. Сидя на бабушкиной больничной кровати, Ребекка откидывается назад и думает о матери. Она всегда замечала, что мать и бабушка не слишком близки, но почему-то принимала это на свой счет. Ей казалось, что разлад между ними начался, когда она переехала от матери в Бьёркбаккен. Теперь ясно: Ребекка заблуждалась. Дух захватывает от понимания того, что разногласия между бабушкой и матерью никак не связаны с ней.

Глава 30

Ребекка едва успевает выйти из машины в Бьёркбаккене, когда раздается звонок. На экране высвечивается незнакомый номер, и она настороженно отвечает:

– Ребекка, слушаю.

– Здравствуйте, Ребекка. Меня зовут Марта Сингер, ваш номер мне передал Карл Перссон.

Проходит пара секунд прежде, чем она понимает, о ком идет речь, но потом вспоминает, что это местный историк, получивший ее письмо.

– Да, здравствуйте.

– Надеюсь, не отвлекаю. Если я правильно поняла, ваша бабушка дружила с Лúкой Кавалли. Мне известно о нем много интересного.

– Очень хорошо, – отвечает Ребекка, упершись взглядом в крышу бабушкиного дома. Кто-то натянул брезент над тем местом, где она протекает.

– Буду рада рассказать при встрече. Как у вас сегодня со временем? – спрашивает Марта. – Я могла бы заехать. Вы же в Бьёркбаккене живете?

– Да, правильно, – отвечает Ребекка, отпирая дверь.

– Хорошо, тогда скоро буду.

– Договорились.

Повесив трубку, Ребекка удивленно осматривается по сторонам. Кто-то убрал старые газеты и грязное покрытие из пластика. Теперь в прихожей виден тот же дощатый пол, что и во всем доме. В одном углу стоит и жужжит огромный белый аппарат, а в другом кто-то поставил банку с краской для наружных работ.

Ребекка проходит в кухню, где на стуле, свернувшись калачиком, спит Скарлетт. На столе лежит записка. Арвид пишет, что обследовал крышу и сможет починить ее, как только просохнет древесина. В конце просит не выключать осушитель воздуха.

Поставив кофеварку, Ребекка собралась переодеться, но в этот момент в дверь постучали. Выглянув в окно, видит ярко одетую кудрявую женщину. Неужели Марта приехала так быстро?

Ребекка отворяет дверь, женщина расплывается в широкой улыбке.

– Ребекка! – восклицает она так, будто они старые подруги, которые очень давно не виделись.

– Марта?

Женщина кивает.

– Можно войти? – энергично продолжает она.

Ребекка проводит гостью в кухню, ставит кофейные чашки и блюдо с печеньем.

– Какой уютный дом! В таком хорошо живется, не сомневаюсь.

– На самом деле это не мой дом, бабушкин. Я присматриваю за ним, пока она лежит в больнице.

– Ой, надеюсь, ничего серьезного?

– Она идет на поправку, – отвечает Ребекка, разливая кофе. – Значит, вам есть что рассказать о Лúке?

Марта открывает рюкзак и достает толстенную папку, перетянутую резинкой.

– Еще как, – радостно откликается она. – Не знаю, что вам известно о его деятельности, но Лúка внес заметный вклад в движение Сопротивления.

– Да, я слышала, что он помог одной еврейской семье переправиться через пролив.

– Не одной семье, – поправляет ее Марта, открывая свою папку и вынимая список имен.

– Он спас пятьдесят семь человек, в том числе моего деда, Иммануила Сингера.

– Ничего себе. Это невероятно. – Ребекка рассматривает список.

– Да, это действительно так. Дедушка рассказывал, каким опасным делом было бегство с оккупированных территорий. Все причастные рисковали жизнью, многих арестовывали, другие погибали, – рассказывает Марта, качая головой. – Семья моего деда нашла катер, чтобы переправиться в Швецию, но когда они пришли к условленному месту встречи, там никого не оказалось. Повсюду рыскал немецкий патруль, и им пришлось прятаться в рыбацком сарае. Но благодаря Лúке удалось найти другого владельца катера, согласившегося перевезти их в Роо. Дед был безмерно благодарен всем, кто помог, и позже боролся за то, чтобы обнародовать их подвиг.

– Вам известно, что произошло с Лúкой потом? – спрашивает Ребекка. – Она сидит за кухонным столом, затаив дыхание. – Бабушка

сказала, что он просто исчез.

Марта листает толстую пачку бумаг, пока не находит документ, который протягивает ей.

– Да, я занималась этим вопросом, и немало. В ту же ночь, когда дедушка покинул Данию, Лúку задержали и посадили в тюрьму вместе с другими участниками движения Соппротивления, а потом отправили с Терезиенштадт.

– Терезиенштадт? Это же концентрационный лагерь! – восклицает Ребекка. – Мог ли он выжить?

Марта сочувственно смотрит на нее:

– В апреле 1945 года, незадолго до освобождения лагеря, четыре сотни датских пленников выпустили, передав их Красному Кресту, и тогда один мужчина рассказал, что, к сожалению, Лúку казнили.

Ребекка смотрит на письменное свидетельство. Удивительно, насколько тронуло ее прочитанное известие о смерти Лúки. Ведь всего несколько часов назад она и не подозревала, что он ее родственник.

– Вы сказали, что Лúка и ваша бабушка были друзьями? Не знаете, как они познакомились? – интересуется Марта.

– По-моему, случайно. Они проживали в одном районе, – отвечает Ребекка. – И их связывало нечто большее, чем дружба. Лúка приходится мне дедушкой.

Марта широко распахивает глаза:

– Правда? О, мне очень жаль, что я принесла вам печальное известие. А я-то думала, у него не было детей.

– По документам не было.

– Мои соболезнования, – сожалеет Марта. – Пусть его уже не вернуть, но я хочу, чтобы вы знали, как высоко моя семья ценит вашего деда за то, что он совершил. Многие захотели бы встретиться с вами и вашей бабушкой и, возможно, провести вечер памяти в его честь.

– Ой, я не знаю, выдержит ли она такое.

– Но вы ведь можете спросить ее? – осторожно настаивает Марта и достает еще один документ из своей папки. – Я оставлю копии нескольких документов, чтобы вы могли показать их бабушке.

Ребекка кивает в ответ. Она под впечатлением от услышанного и, как только Марта уходит, вновь углубляется в список имен. Подумать только, молодой человек со старой черно-белой фотокарточки спас жизни всех этих людей! И это ее дед!

Когда вновь раздается стук в дверь, Ребекка громко вздыхает. Вернувшись из больницы, она не успела ни переодеться, ни душ принять и теперь быстро приглаживает рукой волосы.

– Привет, – здоровается Арвид. – Ну как бабушка?

– Хорошо, ей лучше.

– Рад слышать. Если хочешь, я могу и дальше присматривать за Скарлетт.

– Очень славно с твоей стороны, – откликается Ребекка и показывает на пол. – Кстати, спасибо за помощь! Только не волнуйся насчет крыши, я позвоню кровельщику.

– Да я с удовольствием почию.

– Не стоит.

– Но я хочу доказать жителям мегаполисов, что мы, фермеры, вовсе не такие плохие соседи, как может показаться.

– Как ты любезен. Выпьешь чашечку кофе?

– Да, спасибо.

Арвид садится за кухонный стол, Ребекка наливает кофе и усаживается напротив.

– Как ты вообще? – спрашивает сосед.

– Ничего.

– Точно?

– Да. Просто о бабушке сильно беспокоюсь. Когда я уходила сегодня из больницы, она держалась бодро, но ведь не поймешь, надолго ли. Знаю: это может показаться нелепым, но я ничего не могу с собой поделать, – объясняет она извиняющимся тоном.

– Во все не нелепо. А что говорят врачи?

– Уверен, что хочешь такое слушать?

– Конечно. Мне кажется, полезно проговаривать вслух то, что тебя беспокоит.

Ребекка улыбается. Арвид добрый. Ей кажется, будто в его присутствии все неприятности рассеиваются.

– Ну ладно, – соглашается она, обхватывая двумя руками чашку.

Изложив Арвиду картину бабушкиной болезни, Ребекка становится намного спокойнее. Еще несколько минут они неподвижно сидят за столом, стараясь не спугнуть новое чувство единства, когда молчать вдвоем легко и понятнее всяких слов. Потом она замечает, который час.

– К сожалению, мне пора возвращаться в больницу, но спасибо за разговор.

– Тебе спасибо.

Ребекка провожает Арвида в прихожую, но на этот раз держится чуть дальше. Как только он уходит, идет в душ. Пока по телу струится теплая вода, она думает об Арвиде. Ведь решила уже, что не будет больше вселять в соседа ложные надежды, но разговаривать с ним было очень приятно. Ну можем же мы быть просто друзьями, уговаривает себя Ребекка, пока мысли не перескакивают на визит Марты. Внучка задумывается, как отреагирует бабушка на ее рассказ о Лúке. Она уже должна была понять, что любимого нет в живых, но, возможно, известие поможет ей поставить точку. Ребекка надеется на это. Надо полагать, жизнь в неопределенности, без четкого ответа на вопрос, что с ним произошло, подтачивала силы бабушки.

Намылив руки до появления пышной белой шапки, Ребекка смотрит, как бархатистая пена стекает по кривым шрамам, покрывающим руки, и моет их привычными движениями. Вся эта история чрезвычайно печальна.

Ребекка отгоняет от себя мелькающие в сознании кадры колючей проволоки и исхудавших, похожих на живых скелетов людей в полосатой одежде. Она боится подумать, каково было Лúке, когда он попал в такое место. По свидетельствам, изложенным в документах Марты, его казнили за пару месяцев до освобождения лагеря. Лúку поймали, когда он, вопреки запрету, проносил еду больному соседу по бараку.

Она задумывается, как бы все сложилось, если бы Лúка избежал ареста. Знал ли он вообще, что станет отцом? Возможно, знай он об этом, не подвергал бы себя такому риску. А если бы Лúка вернулся из Дании домой, выпала бы на бабушкину долю лучшая жизнь? Каким человеком стала бы Камилла, если бы она росла в любви? Осознав, какую тайну скрывала бабушка, Ребекка по-другому воспринимает мамину отстраненную манеру общения и проникается еще большей благодарностью за то, что Камилла все же нашла в себе силы появиться в больнице.

Она думает, что было бы правильно поделиться с мамой сведениями о Лúке. С тех самых пор, когда родители развелись и умер отец, Ребекка подспудно стремилась обрести потерянное ощущение

целостности. Возможно, история общих корней способна помочь им воссоединиться.

Глава 31

– Так вот, – начинает Ребекка, когда медсестра наконец уходит и они вновь остаются с бабушкой одни, – я должна тебе кое-что рассказать.

– Со Скарлетт ничего не случилось? – обеспокоенно спрашивает бабушка.

– Нет, тут переживать не о чем.

– Ну, ладно.

Ребекка откашливается. Она не знает, как отреагирует бабушка, узнав, что внучка наводила справки о судьбе Лúки.

– Я обратилась к местному историку, чтобы спросить, не знает ли он, что произошло с Лúкой.

– Вот как? – напряженно откликается бабушка.

– К сожалению, историк никаких сведений не нашел, но переслал мой запрос дальше, и где-то час назад со мной встретилась женщина по имени Марта Сингер. Она глубоко исследовала историю отправки беженцев через Эресунн и знает о Лúке. Среди датских евреев, которым он помог бежать, был дед Марты – Иммануил.

Лицо бабушки становится бледным, как бумага.

– Она знает, что с ним произошло?

– Лúку арестовали в ту же ночь и отправили в Терезиенштадт, где он умер полтора года спустя.

Бабушка вздрагивает и закрывает рот рукой.

– Как это ужасно, – бормочет она.

– Мне очень жаль, – продолжает Ребекка. – Надеюсь, ты не сердись за то, что я стала наводить справки без твоего разрешения?

– Просто я ошеломлена, – отвечает бабушка, качая головой. – А откуда известно, что с ним случилось?

– Когда в 1945 году лагерь освободили, один из датских пленных сообщил Красному Кресту, что Лúки нет в живых. Если хочешь почитать, у меня есть текст интервью с этим мужчиной.

Внучка передает бабушке документ, та надевает очки и начинает просматривать. Дочитав до конца, закрывает глаза и откидывается на спинку кровати. На лице лежит печать скорби.

– Я не верила, что когда-нибудь узнаю, – произносит она спустя некоторое время. – Терезиенштадт, как страшно. А еще могла думать, раз нигде не сохранилось его следов, то, может, мать все-таки была права, и он просто ушел от меня. В глубине души я знала, что это не так, Лúка никогда бы меня не бросил, но иногда я тешила себя надеждой. Я мечтала, что он однажды появится, чтобы твоя мать могла с ним встретиться. Я даже обратилась в шведскую полицию и попыталась выяснить, знают ли они, что произошло по другую сторону пролива. Думала, вдруг он сидит в датской тюрьме? Но ситуация в стране была напряженной, и искать его не стали. Полиции пришлось заниматься регистрацией тысяч беженцев, наводнивших Сконе, кругом царил хаос. В те недели на меня столько навалилось, я не знала, как со всем справиться. Я чувствовала себя такой одинокой, не с кем было поговорить, разделить волнение. А мать сказала, что Лúку надо забыть, если я хочу, чтобы у ребенка было будущее. Но естественно, я не могла забыть его.

Ребекка пододвигается ближе:

– Мне так жаль...

– Однажды, когда твоей матери было лет пять, мы поехали в Копенгаген, и мне показалось, будто я увидела его. В людской толпе мелькнуло лицо и исчезло, но на мгновение в меня вселилась уверенность, что это был Лúка. Я тащила за собой твою бедную маму, пробегая окрестные кварталы, пока наконец не осознала безумие подобной идеи. Еще несколько лет спустя я пыталась найти мать и сестру Лúки. Они жили в избушке где-то в километре от Хиллесгордена, и каждый раз, навещая родителей, я вспоминала о них. Но когда наконец решилась связаться и рассказать о Камилле, они уже исчезли. Говорили, они вернулись в Италию, но мне так и не удалось установить их местонахождение.

– Хиллесгорден – это имение, где ты выросла? – интересуется Ребекка.

– Да, отчасти. Мы унаследовали его от родителей моего отца и приезжали туда каждое лето, но мне там никогда не нравилось. Огромный, мрачный дом одиноко стоял на вершине холма в Глумслёве.

– Я пыталась его найти, – признается Ребекка. – Но, похоже, он снесен.

Бабушка опускает глаза, упираясь взглядом в колени.

– Да, и это к лучшему, – тихо говорит она. – Мой отец, Вальтер, владел компанией, продававшей Германии железную руду в тридцатые и сороковые годы. Несколько лет бизнес был невероятно успешным, но после окончания войны возникли трудности. Думаю, многие отказывались иметь с ним дело, потому что он торговал с нацистами. Но, так или иначе, Хиллесгорден нам пришлось продать. Имение приобрела другая семья, а спустя несколько десятилетий его снесли и построили на этом месте многоквартирные дома.

Ребекка кивает. Теперь понятно, откуда появились обрывки бланков со свастикой.

– Конечно, это слабое утешение, но подумай о том, сколько человеческих жизней Лúке удалось спасти, – говорит она, поглаживая бабушку по щеке. – Марта говорит, многие из них захотели бы с тобой встретиться и провести вечер памяти, но я сказала, что, скорее всего, это будет слишком тяжело для тебя.

– Я очень хочу с ними встретиться, – отвечает бабушка на удивление сильным голосом. – Слишком долго я носила в себе эту тайну. Теперь весь мир должен узнать, каким необыкновенным человеком был Лúка. Пожалуйста, позвони ей.

– Сейчас?

– Да, зачем откладывать? Мне нужно к чему-то стремиться, чтобы поправиться.

Ребекка достает мобильный и находит номер Марты.

– Марта слушает, – радостно отвечает та.

– Здравствуйте, это Ребекка, к которой вы заходили сегодня. Звоню сообщить, что я только что говорила с бабушкой: она с удовольствием встретится и придет на вечер памяти Лúки Кавалли.

– Это замечательно! Нас не так много, мы встречаемся раз в год, и наша следующая встреча, кстати, состоится в конце следующей недели. Удобно ли вам будет?

– Думаю, рановато, – отвечает Ребекка, глядя на бабушку, которая качает головой.

– Нет, следующая неделя очень даже подойдет, – шепчет бабушка. – Тогда и ты еще успеешь сходить туда со мной.

Ребекка скованно улыбается. Она обещала Йуару, что вернется в Стокгольм не позднее послезавтра, чтобы присутствовать на ужине у

начальника, но с учетом всего случившегося ее жених, конечно же, с пониманием отнесется к тому, что она разок пропустит мероприятие.

– А вдруг ты не успеешь выздороветь к тому времени?

– Мы можем договориться предварительно, а если ваша бабушка будет еще слаба, перенесем на более позднее время, – вставляет свою реплику Марта.

– Хорошо.

– Договорились! Я свяжусь с вами по поводу деталей. Хорошего вечера! – на этом разговор прерывается.

– Бабушка, – говорит Ребекка, – ты сможешь рассказать мне еще немного о том, как вы с Лúкой встретились?

Анна поворачивается к ней с усталой улыбкой на лице.

– С удовольствием, – соглашается она. – Только устраивайся поудобнее, это долгая история.

У бабушки уходит час на то, чтобы все рассказать. Ребекка глубоко тронута услышанным и рада, что воспоминания, как ей кажется, подпитывают Анну энергией. Говоря о прошлом, бабушка вся светится.

Когда звонит мобильный, внучка не хочет отвлекаться и, только увидев, что это Йуар, отвечает.

– Привет! – радостно здоровается она. – Ты даже не представляешь, что произошло! – Ребекка начинает рассказывать о визите Марты Сингер, но Йуар очень быстро ее перебивает.

– У меня нет времени разговаривать сейчас об этом, – резко говорит он. – Я просто хочу знать, вернешься ты домой к пятнице или нет. Лундины просят подтвердить участие.

– Извини, – говорит Ребекка. – К сожалению, не получится. Мне надо остаться здесь еще ненадолго.

– Это просто невероятно! Стоит чему-нибудь случиться, как твое семейство требует, чтобы ты забросила ради них свою жизнь! – Голос Йуара звучит жестко, и Ребекка, быстро взглянув на бабушку, встает и отходит на несколько шагов в сторону.

– Ничего они не требуют, – шепчет она. – Я сама хочу остаться.

– Ты провела там уже больше недели. А что скажут в «Хеннинг и Шустер» по поводу твоего внезапного исчезновения? Разве ты не понимаешь, что таким образом сводишь на нет свои шансы на продвижение по службе?

– Йуар, – с нажимом отвечает Ребекка, – ты знаешь, в жизни есть вещи поважнее карьеры. К тому же я начинаю подумывать, не пора ли мне сменить работу.

– Ты шутишь?

– Нет. Или... Не знаю.

Йуар вздыхает, потом вновь идет в наступление, добавив строгие нотки.

– Я тебя знаю, – начинает он терпеливо. – Тебе свойственно иногда терять курс, но ты пожалеешь, если уйдешь из «Хеннинг и Шустер».

– А я как раз думаю, что мне не стоит там оставаться.

– В таком случае, может быть, тебе и со мной оставаться не стоит? – вскидывается Йуар. – Сейчас, по крайней мере, мне кажется, что наши отношения у тебя не пользуются приоритетом.

– Это неправда. Я всегда ставила наши отношения на первое место, но сейчас мне нужно быть здесь, понимаешь?

– Не вернешься к ужину у Лундинов – можешь с тем же успехом оставаться в Сконе навсегда, – холодно отвечает он.

– Знаешь, это уже несправедливо с твоей стороны. – Ребекка выжидает, стараясь глубоко дышать. – Йуар?

В трубке – тишина, она понимает, что жених повесил трубку.

– Ладно. Целую, пока, – говорит девушка, искоса поглядывая на Анну, и убирает мобильный. Бабушку лишний раз волновать не хочется.

– Йуар звонил. Сильно нервничает. У него самый разгар судебного процесса, работать приходится чуть ли не круглые сутки, – оправдываясь, объясняет она.

– Понимаю, – сочувствует бабушка. – И я не хочу обременять тебя. Если пора, возвращайся домой, – я придумаю, как добраться до Бьёркбаккена, когда придет время.

– Нет уж, я сама тебе помогу.

Сделав над собой усилие, Ребекка улыбается, но на душе скребут кошки. Действительно ли Йуар имел в виду то, что сказал? Это конец отношений? Как бы она ни пыталась закрывать глаза на очевидные предвестники, сейчас приходит понимание: они давно приближались к разрыву. Мысль о расставании должна бы расстроить ее, но, как ни странно, Ребекка не испытывает ничего, кроме опустошения. Лучше, конечно, чтобы такая беседа состоялась в Стокгольме. И что ей теперь

делать? Мысли начинают тревожно вертеться в голове. Йуар, наверное, захочет, чтобы она съехала с квартиры? Впереди внезапно открывается неизвестное будущее, сердце бешено колотится, но, перехватив беспокойный бабушкин взгляд, Ребекка сдерживает эмоции.

Глава 32

Прекрасным, ясным, весенним днем бабушка наконец покидает больницу и возвращается домой. Спотыкаясь, она идет по садовой дорожке и с удивлением осматривается вокруг. Кусты и деревья подстрижены, клумбы выполоты, вдоль фасада колышутся нарциссы, а на аккуратно подстриженном газоне стоят садовые стол и стулья, найденные Ребеккой в сарае.

– Но неужели ты сама все это сделала? – восклицает бабушка. – Сад выглядит потрясающе. Вот теперь я смогу им наслаждаться!

– Большую часть – сама, – радостно заявляет Ребекка. – За исключением ремонта крыши и новых досок в заборе. Это дело рук твоего соседа, Арвида.

– Просто замечательно! – восклицает бабушка, всплескивая руками.

– Подожди, ты еще не видела, что внутри!

В прихожей заново покрашен потолок, а поверх дощатого пола Ребекка положила коврик с приветственной надписью.

– Надеюсь, ничего, что Арвид содрал старое ковровое покрытие?

– Конечно! Я и не подозревала, что под ним спрятан такой красивый пол, – улыбается бабушка. – Арвид, похоже, поработал тут на славу.

– Да, он очень помог мне.

– За все время я успела с ним всего парой фраз перекинуться, но он вроде приятный.

– Так и есть, – уклончиво отвечает внучка. – Хочешь кофе?

В тот момент, когда они собираются сесть к столу, в дверь стучится и заходит Арвид.

– Здравствуйте! Я собирался унести осушитель воздуха до того, как вы приедете, но припозднил. С возвращением, Анна!

– Спасибо! Я так рада, что наконец дома, – отвечает бабушка. – Вы ведь помогли моей внучке, пока я лежала в больнице?

– Да ладно, – отмахивается он, искоса поглядывая на Ребекку. – Зачем еще нужны соседи?

– Это очень любезно с вашей стороны, – продолжает бабушка. – В четверг у нас будет небольшое событие в городе, я хотела бы

пригласить вас.

– Да у него времени не будет, это точно, – встречает, таратора, Ребекка.

– В четверг? – переспрашивает Арвид, делая вид, что обдумывает. – Да, у меня будет небольшой перерыв между дойкой и подготовкой к посевной. Я с удовольствием приду.

У Ребекки засосало под ложечкой. Вот уже несколько дней, как она пытается дозвониться до Йуара, но он не отвечает на звонки, и, как бы ей ни хотелось рассказать Арвиду, что больше ее ничего не связывает, это кажется неправильным, пока они с Йуаром не приняли совместного решения о разрыве.

– Прекрасно! – восклицает бабушка. – Значит, увидимся.

Как только Арвид уходит, Анна расплывается в широкой улыбке.

– Ты только подумай, какая красота. Мой дом опять стал уютным.

– Я везде убралась, упаковала все собранные вещи и переставила мебель так, чтобы тебе удобнее было передвигаться по дому, – объясняет Ребекка.

– Спасибо, радость моя. Что бы я без тебя делала? – произносит бабушка, глядя внучку по щеке.

– Кстати, в день моего приезда ты сказала, что кто-то хочет отнять у тебя дом, помнишь?

Бабушка кивает, медленно идет в гостиную и возвращается с письмом в руке.

– Вот, – говорит она, протягивая письмо, и Ребекка тотчас же вскрывает конверт.

– Это из муниципального управления. Они сообщают, что в ответ на запрос тебе предоставляется место в доме престарелых «Бергалид». Ты просила о нем?

– Нет, – отвечает бабушка, качая головой. – Но пару месяцев назад меня посетили две дамы, задававшие массу вопросов, например, какие препараты я пью и в какой помощи нуждаюсь. Признаться, я подумала, что они из социальной службы на дому, и рассказала о всех моих трудностях.

– Но это ведь еще не означает попросить место в доме престарелых? Они не могут так поступить с тобой! Ты же справляешься при помощи сотрудников социальной службы?

Бабушка чуть морщится.

– Честно говоря, становится все тяжелее. Девочки, которые ко мне приходят, в основном все милые, но вечно торопятся. Еду передо мной поставят, мусор выбросят, а больше ничего не успевают. Душ я в результате принимаю не чаще раза в неделю...

– Да ты что? Ты можешь мыться в душе только раз в неделю?

– Да, и то, если у них хватает времени.

Ребекка прикусывает губу. Наивно было предположить, что стоит только привести в порядок дом, как у бабушки жизнь наладится.

– Значит, мы должны попросить больше часов, – решительно заявляет она. – У тебя должна быть возможность принимать душ и получать помощь с уборкой. Ведь ты же хочешь остаться жить в своем доме?

Бабушка пытается выдвинуть кухонный стул здоровой рукой, но это у нее не получается, и Ребекка помогает ей сесть.

– Ну что, кофе будет? – интересуется Анна.

– Сейчас будет, – улыбается Ребекка и ставит на стол кофейник.

Сидя напротив бабушки, она перехватывает ее взгляд.

– В своем доме жить милее, это понятно, но я уже не справлюсь одна, как раньше. И обузой быть не хочу. Не хочу превращаться в проблему, о которой ты вечно хлопчешь и волнуешься. Так что, может быть, мне все равно лучше переселиться в Бергалид.

Ребекка помешивает кофе. Ей бы очень хотелось возразить, сказав, что все образуется, но как можно такое обещать, если присматривать за бабушкой здесь некому? А вдруг она снова упадет и будет лежать, не в состоянии позвать на помощь? Что тогда?

В дверь опять постучались. Ребекка идет открывать и радуется, когда видит на пороге мать.

– Привет. Я на секундочку, только цветы вручить, – говорит Камилла, протягивая букет тюльпанов.

– Бабушке будет очень приятно, заходи.

Ребекка проводит мать в кухню. За последнюю неделю они виделись больше, чем за несколько предшествующих лет. Камилла навещала бабушку в больнице, и пару раз у них даже зашла речь о Лúке.

– Мы только что приготовили кофе, и есть свежее испеченные булочки, если хочешь.

– Спасибо. Здесь теперь так красиво, – отвечает мать, обводя взглядом дом.

– Это все благодаря Ребекке, – объясняет бабушка.

Камилла осторожно присаживается на краешек стула.

– Я совсем ненадолго.

– Отчего же? Можешь оставаться тут сколько хочешь.

Ребекка тоже присаживается за стол и придвигает блюдо с булочками ближе к матери.

– Помнишь ту зиму, когда ты решила продавать булочки? – с улыбкой интересуется Камила.

– Что? Это правда?

– О господи, да, – смеется мать. – Ты услышала по телевизору, что панды вот-вот исчезнут с лица земли, и захотела собрать деньги, чтобы спасти их.

– Точно! – восклицает Ребекка. – Теперь помню. Папа помог мне смастерить небольшой прилавок.

– Ты испекла сотни три булочек, уж никак не меньше, – подхватывает рассказ бабушка. – В супермаркете решили, что у нас не все дома, когда мы купили и потащили десять пакетов муки.

– Потом ты стояла на Стурторъет, посреди рождественского базара с вывеской, на которой нарисовала плачущую панду, и выручила от продажи булочек больше двух тысяч крон, – вспоминает Камила. – Всемирный фонд дикой природы прислал тебе личное письмо с благодарностью.

Ребекка улыбается. У нее осталось только слабое воспоминание о сборе средств, и так приятно услышать подробности от мамы и бабушки.

Они долго сидят и пьют кофе, пока Камила не собралась уходить.

– Прежде чем уйдешь, я хотела спросить тебя кое о чем, – обращается к ней Ребекка.

– О чем же?

Внучка быстро обменивается взглядами с бабушкой.

– Я знаю, что вы уже говорили о Лúке, и немало, и ты осведомлена о его участии в движении Сопротивления и о том, как он помогал датским беженцам перебраться в Швецию.

– Да, – кивает мать, вопросительно глядя на дочь.

– Несколько человек из тех, кого он спас, собираются почтить его память, и я буду очень рада, если ты присоединишься.

Камилла сразу меняется в лице.

– Боюсь, не получится, – говорит она, поднимаясь с места.

– Ну пожалуйста, мама, – уговаривает Ребекка. – Это очень важно, поверь.

– Спасибо за кофе, – бормочет мать и уходит в прихожую.

Дочь спешит за ней. Такая реакция ее удивила.

– Понимаю, ты расстроена, но неужели тебе не интересно узнать больше о Лúке?

– Нет, – отрезает Камилла, надевая ботинки.

– Ну ладно, – сдаётся Ребекка. – Хотя грустно, конечно. Есть еще один вопрос, который я хотела обсудить с тобой.

– Вот как. Какой же?

Дочь мнется. Время обсуждать бабушкино жильё явно неподходящее, но непонятно, успеют ли они еще увидеться до отъезда.

– Мне скоро пора возвращаться в Стокгольм, и я хотела спросить, не сможешь ли ты заходить сюда чуть чаще, чтобы присматривать за бабушкой?

– Ребекка, – вздыхает Камилла, – бабушка слишком стара и не может жить одна в этом доме. Так дальше не пойдет. Я связывалась с координатором в муниципалитете, и мне подтвердили, что для нее есть место в городе, в доме престарелых.

– Значит, это ты разговаривала с муниципалитетом?

– Да, – кивает мать. – Я не вижу другого решения. А ты?

– Но ты же знаешь, что бабушке хочется остаться жить здесь.

Не дождавшись ответа, Ребекка качает головой:

– Это так на тебя похоже. Думаешь только о себе.

– Вовсе нет.

– Тогда почему в четверг не можешь прийти?

Камилла делает глубокий вдох.

– Я не надеюсь, что ты поймешь меня, но Лúка меня не интересует. Я выросла с другим отцом и много лет пыталась понять, почему ему до меня нет дела. Я искала изъяны в себе, думала, что просто недостойна любви, – говорит она, опустив глаза. – Если бы только бабушка рассказала правду, может быть, мне не пришлось бы так мучиться. Но вместо этого своим молчанием она заставляла меня думать, что я сама

во всем виновата. Такое простить непросто, – продолжает Камилла и долго возится с застежкой своей куртки.

– Я сочувствую, но не думаю, что бабушка хотела навредить тебе. Наоборот, она боялась, что расти без отца еще хуже.

– В ее намерениях я не сомневаюсь, но она же видела, как я страдаю из-за того, что происходит.

Мать направляется к выходу, и Ребекка чувствует, как все надежды камнем падают в бездну. А ей-то казалось, что они наконец на правильном пути. Девушка стоит, разочарованно уставившись в пол, и тут ее посещает идея.

– Подожди, – торопливо произносит она. – Я хочу дать тебе одну вещь.

На секунду исчезнув, Ребекка возвращается с бабушкиным дневником. Нерешительно протягивает его матери. Может быть, она не права, так вольно распоряжаясь чужими личными записями, но ей так хочется, чтобы Камилла смогла понять бабушку.

– Что это?

– Дневник. Прочитай, пожалуйста.

Тяжело вздохнув, мать убирает дневник в свою сумку.

Глава 33

Прежде чем выйти из машины, Ребекка еще раз сверяется с адресом, проверяя, туда ли они приехали. Перед ними огромная вилла девятнадцатого века с отреставрированным фасадом и резным старомодным крыльцом, выкрашенным в зеленый, а в окнах видны беседующие и смеющиеся люди.

– Ты уверена, что это здесь? – удивляется бабушка.

Взгляд Ребекки скользит по сторонам вдоль улицы. Тогаборд – один из элитных районов Хельсингборга. Здесь много старинных домов с большими ухоженными садами, но даже на их фоне этот особняк выделяется своим великолепием.

– Улица та, дом номер тридцать восемь – все, как Марта говорила, – отвечает внучка и, взяв бабушку под руку, ведет ее к парадному входу. Они едва успевают постучаться, как Марта отворяет дверь, и их захлестывает волна звуков.

– Добро пожаловать, – приветствует их Марта и поворачивается к бабушке. – Я Марта.

– Приятно познакомиться. – Бабушка выглядит слегка ошарашенной, но собирается с силами и здоровается с Мартой за руку.

Ребекка осматривается по сторонам. Вход в дом оказывается значительно больше, чем она предполагала, и на другом конце заканчивается широкой лестницей темного дерева.

– Что это за место? – спрашивает она у Марты, пока та принимает их куртки.

– Вилла Абелей. Мы обычно встречаемся здесь, потому что у них прекрасный банкетный зал.

Марта провожает их в просторный зал с высокими окнами и выложенным елочкой паркетом, где собрались около сотни празднично одетых гостей. В углу стоит черный рояль, на нем – канделябр; официант в белом предлагает им шампанское с серебряного подноса.

– Я не знала, что это будет так торжественно, – удивляется бабушка.

– Многие хотят с вами встретиться, – с улыбкой объясняет Марта. – Сейчас постараюсь найти Мириам, хозяйку.

Марта уходит, и Ребекка встает поближе к бабушке. Думает, какова вероятность, что мама все-таки придет. Бабушка оценила бы ее присутствие.

Внучка медленно скользит взглядом по залу, пока не замечает знакомое лицо. У самого входа стоит Арвид в темном костюме. Ради сегодняшнего события он причесался, светло-голубая рубашка делает цвет глаз более выразительным, пиджак подчеркивает широкие плечи. Внутри что-то всколыхнулось, когда, заметив Ребекку, он махнул рукой.

– Здравствуйте. – Арвид радостно приветствует обеих и сначала пожимает руку бабушке. – Как вы элегантны!

– Вы тоже, – отвечает бабушка.

– Спасибо. Мне нечасто выпадает возможность нарядиться. – Обернувшись к Ребекке, Арвид кивает на ее серебристое платье. – Ты тоже чудесно выглядишь, под стать событию.

– Спасибо, – смущенно отвечает она. – Здесь есть шампанское. Я принесу тебе. – Ребекка спешно уходит, чтобы успокоить колотящееся сердце. Йуар по-прежнему не отвечает на ее звонки. Похоже, он исключил ее из своей жизни, и это причиняет боль. Но в последние дни она начала смиряться с тем, что их отношения закончились, и теперь ей легче выразить чувства, возникшие к Арвиду.

Когда она пробирается через толпу обратно, кто-то стучит по бокалу, и все затихают. Дама в бордовом бархатном платье выходит на середину зала. У нее коротко стриженные темные волосы, украшенные диадемой с драгоценными камнями в стиле двадцатых годов прошлого века.

– Добро пожаловать, дорогие друзья, на нашу ежегодную встречу. Мне очень приятно, что многие смогли прийти к нам сегодня, – говорит она, и в это время за спиной Анны и Ребекки появляется Марта и шепчет:

– Это и есть Мириам.

Бабушка смотрит на Ребекку широко распахнутыми глазами.

– Сегодня мы собрались, чтобы почтить память выдающегося человека, – продолжает дама в бордовом. – Лúке Кавалли было всего двадцать два, когда он, рискуя собственной жизнью, за несколько октябрьских ночей 1943 года спас пятьдесят семь человек – помог им перебраться из Дании в Швецию. Большинство здесь присутствующих либо сами участвовали в этих событиях, либо приходится

родственниками беженцам, покинувшем Данию через Эресуннский пролив, и нам трудно передать словами всю нашу благодарность за помощь, оказанную Лúкой. У спасенных тогда людей родились дети и внуки, и сейчас их всех вместе уже сто шестьдесят четыре. Возможно, многие из них не появились бы на свет, если бы не героизм Лúки. – Она поднимает бокал. – Поэтому я хочу поднять этот бокал за Лúку, – торжественно произносит она, и хор голосов вторит ей:

– За Лúку!

В центр зала выходит старик в сером костюме и кипе, который представляется Рубеном.

– Мы не успели понять, что произошло, – рассказывает он. – Все развивалось стремительно. Мне было всего пятнадцать, и, окончив школу, я работал в малярной мастерской. Однажды вечером, когда мы закрывали мастерскую и собирались домой, кто-то зашел и сказал, что всех евреев собираются арестовать. Я пошел в порт, где собралась группа людей. Они пытались уговорить рыбака перевезти их в Швецию. Сначала он отказывался, потом согласился, за деньги. Говорили, что для меня найдется место, но я должен был вернуться за отцом, а ждать они не хотели. «Поезжай один, – уговаривали меня, – может, это твоей единственный шанс». Но я не мог. Отец болел и не выжил бы один. И вот я изо всех сил помчался домой и велел папе паковать вещи. Я собрал все ценное, что мог унести: фотографии и украшения матери, позолоченную менору, немного одежды и серебряные столовые приборы. Отец все время возмущался. Говорил, беспокоиться не о чем, датчане нас в обиду не дадут. Они ведь защищали нас на протяжении многих лет. Но я знал, что все серьезно. Я видел это в глазах других людей. В конце концов я привел его в порт, но там уже никого не было. Они уплыли. Тогда я попросил отца спрятаться между двумя плоскодонными лодками, а сам пошел вдоль берега. Шел долго, пока не набрел на компанию, показавшуюся мне знакомой. На мой вопрос, куда они собираются, мне вначале не ответили, но потом появился Лúка. Он объяснил, что едут в Швецию и готовы забрать нас с отцом. Я волновался, дойдет ли отец до условленного места встречи, но он обещал помочь мне. Несмотря на риск быть расклеванным, Лúка вернулся со мной в порт за отцом.

Рубен умолкает, прижав правую руку к груди. Ребекка сглатывает слезы. Жалко, что мать такое не слышит.

– Не знаю, что бы произошло, не встретить я тогда Лúку. Он спас нам жизнь, – заканчивает свое выступление старик.

В центр зала выходит пожилая женщина и кивает головой, соглашаясь с ним.

– И нам тоже. Поздно вечером зазвонил телефон. Женщина спросила, иудеи ли мы, и рассказала, что нацисты хотят собрать вместе всех евреев Дании. Она и обзванивала всех абонентов с еврейскими фамилиями по телефонному каталогу, рекомендуя незамедлительно покинуть страну. Отец наказал нам плотно задернуть гардины, запереть дверь и никому не открывать до его возвращения. Он ушел выяснять, как нам уехать. Я так хорошо помню, что все семейство ожидало его возвращения в верхней одежде. Маме удалось успокоить нас, детей, чтобы мы не боялись, а мне казалось забавным лечь в постель в ботинках. Само путешествие не оставило в памяти яркого следа, помню только, что было холодно. Пахло рыбой, и дул сильный, штормовой ветер. Брату было плохо, его рвало, а у меня пальцы совсем замерзли, и я отогревала их у мамы за пазухой. Позже я узнала, что Лúка Кавалли помог отцу найти владельца лодки, согласившегося переправить нас через пролив.

Бабушка смотрит на собравшихся глазами, полными слез. Услышанные истории растрогали ее до глубины души.

– Видеть вот так перед собой людей и слушать их – совсем не то же самое, что читать их имена списком, – шепчет она Ребекке. – Я не знала, что он так многим успел помочь. А ведь я не хотела, чтобы он ездил в Данию. Не думала о тех, кому нужна помощь, и боялась только, что с ним что-нибудь случится. Теперь мне стыдно.

– Вполне естественно, что ты боялась за него, – откликается внучка, глядя бабушку по плечу. – Ты имела полное право волноваться.

Еще несколько очевидцев делятся своими воспоминаниями, и, когда торжественная встреча подходит к концу, Марта делает знак Мириам, и та пробирается к ним через толпу гостей. Отставив в сторону бокал, здоровается за руку с Анной и Ребеккой.

– Меня зовут Мириам Абель, я очень рада, что вы смогли прийти к нам сегодня. Лúка был невероятно смелым и добросердечным человеком. Я глубоко соболезную вашей утрате. Если я могу быть чем-то вам полезна, обещайте, что примете мою помощь.

– Благодарю вас, – отвечает бабушка. – Какую красивую речь вы произнесли!

– Это – самое маленькое, что я могла сделать. – Дама кивком подзывает мужчину с желтой папкой в руках. – Я знаю, что это немного, но мы постарались собрать всю информацию, которую нам удалось разыскать о Лúке. Пару лет назад мой сын съездил в его родной город в Италии и сфотографировал дом, где Лúка вырос. Еще он нашел его фотографию школьных лет, где он еще совсем мальчик. Сейчас покажу вам!

Мириам открывает папку и пролистывает содержимое. Там много старых документов, фотографий и записей воспоминаний тех, кто встречал его при жизни.

Бабушка так растрогана, что не может вымолвить ни слова. Дрожащими руками она берет снимки. На одном из них изображена большая семья. На диване сидит седая пара, на коленях у них – две розовощекие девчушки с кудрявыми волосами, а вокруг стоят еще два десятка человек разных возрастов.

– Кто это? – интересуется Ребекка.

– Это сестра Лúки, Франческа, с семьей, – отвечает Мириам. – Мой сын встречался с ними в Болонье. Разве вы не знали, что они там живут?

Бабушка ошарашенно смотрит на нее:

– Мне так и не удалось найти ее.

– Тогда я дам вам ее контакты, – решительно отвечает Мириам. – Франческа будет счастлива узнать, что у ее брата был ребенок. Они с матерью поставили Лúке надгробие на кладбище в Болонье, там же, где покоится его отец.

– Как это хорошо, – откликается бабушка.

– Но вы же знаете, что есть памятник, установленный датчанами в благодарность за помощь, полученную в годы войны?

Анна и Ребекка, переглянувшись, качают головами.

– У здания ратуши в Хельсингборге. Вам надо обязательно туда сходить.

Бабушка кивает.

– Спасибо, – бормочет она. – Сходим.

– Это мы должны благодарить вас. Многие хотели вас видеть, но есть один человек, больше всех просивший о встрече.

Обернувшись, Ребекка замечает женщину с высокой прической в синем вечернем платье в пол, на вид – ровесницу ее матери.

– Здравствуйте, – говорит незнакомка, протягивая руку. – Я Лея Кляйн.

Бабушка столбенеет.

– Лея? – переспрашивает она.

– Да. Когда моя семья пыталась перебраться через пролив, мне был всего год от роду, и рыбац не захотел брать меня на борт. Но Лука нашел способ, чтобы я воссоединилась с ними. Мои родители были безмерно благодарны за эту помощь, правда, побег из Дании стал для них серьезной травмой. Отец рассказывал, что уже по приезде в Швецию он пережил одно ужасное событие вместе с молодой девушкой, фрёкен Экблад. Это не вы?

– Да, это была я, – неразборчиво произносит бабушка. – Я принимала вашу семью, когда вы перебрались через пролив.

У Леи загораются глаза.

– Это невероятно.

Бабушка кивает:

– У вас ведь есть брат и сестра, правильно?

– Клаус и Метте. Но они не здесь живут, а иначе тоже пришли бы встретиться с вами.

– Я так рада, что все закончилось благополучно, – говорит бабушка. – Ваши родители очень волновались. Терзались, что им пришлось оставить вас в Дании.

Лея кивает, в ее глазах блестят слезы.

– Да, знаю, – шепчет она.

– Мы всегда обязаны помнить, – говорит Мириам, обнимая Лею. – Но не должны допускать, чтобы воспоминания мешали нам жить полной жизнью.

Расположившиеся у рояля музыканты расчехляют инструменты. Женщина с ярко накрашенными губами садится к роялю, а мужчины достают контрабас, гитару и саксофон.

– Сейчас будут танцы, – с улыбкой объясняет Мириам. – Надеюсь, вы останетесь и насладитесь праздником.

К бабушке подходит еще одна группа людей и хочет поделиться воспоминаниями о Луке. Ребекка делает несколько шагов назад, чтобы

лучше видеть происходящее. Только она успевает подумать, где Арвид, как кто-то трогает ее за плечо.

– Привет, – мягким голосом говорит он.

– Привет.

– Очень приятный праздник. К сожалению, я не могу надолго остаться, мне надо возвращаться к коровам. Две телки вот-вот должны отелиться, – объясняет он. – За ними пока Эгон присматривает, правда, боюсь, когда дойдет до дела, ему одному не справиться. Но, прежде чем уходить, я хотел бы с тобой потанцевать, – добавляет Арвид, протягивая руку.

Ребекка отставляет пустой бокал. Арвид держится спокойно и уверенно, от его теплой улыбки сердце начинает биться быстрее. Приобняв, он берет ее за руку, и Ребекка чувствует, как кровь приливает к щекам.

Арвид на удивление хорошо ведет, и каждый раз, когда они сталкиваются друг с другом в танце, по шее пробегает приятная дрожь. Когда он рядом, устоять против его шарма невозможно.

– Я хочу кое-что сказать тебе, – начинает Арвид.

– И что же? – с любопытством спрашивает Ребекка.

– Извини меня за резкость во время той встречи в сарае. Просто я очень расстроился, узнав, что ты помолвлена.

– Не надо извиняться, – спешно отвечает Ребекка. – Я сама во всем виновата. Надо было честно сказать об этом с самого начала, но просто с Йуаром у нас не очень-то все гладко.

– Сочувствую.

– Спасибо. Думаю, у нас с ним совсем разные устремления, но, чтобы осознать такое, нужно время, и это достаточно болезненно. Особенно если долго живешь с человеком под одной крышей, – объясняет она, надеясь, что Арвид поймет ее. Не поговорив нормально с Йуаром, утверждать, что все кончено, кажется неправильным.

– Понимаю, – кивает Арвид. – Если тебе все еще интересно, я бы с удовольствием выслушал твои идеи о магазине фермерских продуктов.

– Конечно, – улыбается Ребекка. – Это – самое маленькое, что я могу сделать в ответ на твою неоценимую помощь.

Они движутся в танце, обгоняя другую пару, и поворачивают в тот момент, когда раздается телефонный звонок.

– Извини, – обращается Арвид к партнерше, доставая из внутреннего кармана мобильный.

– Арвид слушает. Вот как, ты уверен? Выезжаю.

Закончив разговор, он немного взволнованно смотрит на Ребекку.

– Мне пора. Похоже, обе начали телиться, и у одной проблемы.

– Может, помощь нужна? – спрашивает Ребекка, и на нее с любопытством смотрят подошедшие бабушка и Мириам.

– У Арвида две коровы телиться начали, – объясняет им Ребекка. – Если я поеду сейчас с ним, ты сможешь вернуться домой на такси?

– Мы доставим Анну домой в целости и сохранности, – заверяет ее Мириам. – Поезжайте!

– Спасибо, – благодарит ее Ребекка. – Я припарковалась за углом, но ты же тоже сюда на машине приехал?

– Да, – отвечает Арвид. – На месте увидимся.

– Удачи! – кричат им вслед Мириам и бабушка, пока они торопятся к выходу.

Глава 34

Когда Ребекка заходит в коровник, Арвид уже изо всех сил помогает одной из коров. Он сбросил пиджак и высоко закатал рукава рубашки.

Эгон тащит два ведра с водой и ставит их у подстилки из соломы.

– Ну что же, я все принес, – говорит он. – Вот еще мешок соломы и антисептик.

– Хорошо, – кивает Арвид, похлопывая корову, которая топчется в боксе для отела. – Все будет хорошо, вот увидишь.

– Чем я теперь могу тебе помочь? – спрашивает Эгон.

– Побудь здесь, с Розой, а я пока проведу Лилию. Боюсь, у нее неправильное предлежание.

– А мне что делать? – интересуется Ребекка.

– В кладовке лежит большая коробка первой помощи. Принеси ее, пожалуйста, а потом найди телефон доктора Мадани. Это наш ветеринар, и, если события будут развиваться не лучшим образом, не уверен, что я сам смогу ей позвонить. Но сначала, – говорит он, искоса поглядывая на Ребекку, – тебе бы не мешало переодеться. А то выставишь мне потом счет за свой испорченный прикид.

– Согласна, он очень дорогой, – отвечает она, бросив взгляд на свое длинное блестящее платье, и замечает, что он улыбается.

Когда Ребекка возвращается, Роза все еще нетерпеливо топчется в боксе. Эгон включил инфракрасные лампы, рассеивающие теплый желтый свет, и успокаивает корову.

– Ну вот, – говорит он. – Все образуется, вот увидишь.

– Ведешь себя как истинный фермер, – шутит Ребекка. – Когда это вы успели так сдружиться, что ты присматриваешь за его коровами?

– Когда он починил мою изгородь, у меня не осталось выбора. Благодаря тебе я практически превратился в его раба, – бормочет старик, украдкой улыбаясь.

Раздается громкое мычание, и Эгон просит Ребекку наполнить водой корыто в родильном боксе.

– Может, еще что-нибудь принеси? – закончив, спрашивает она.

– Не помешало бы перекусить. Я тут уже несколько часов маюсь, а придется, скорее всего, еще долго сидеть. Но сначала надо облегчиться.

Эгон жестом подзывает Ребекку к себе, и та с опаской заходит в бокс.

– Я никогда раньше ничего подобного не делала.

– Просто сохраняй спокойствие, и все будет хорошо. И сзади нее не вставай, а то испугается и лягнет.

Эгон показывает, как надо приближаться к животному спереди, у головы, так, чтобы Роза видела, потом гладит по загривку. Ребекка повторяет за ним, и корова громко фыркает.

– Скоро вернусь, – обещает Эгон, удаляясь.

Каждое движение телки вызывает у Ребекки тревогу, но она изо всех сил старается поддерживать ее разговором. Покачав головой, Роза ложится на соломенную подстилку. Двигается неуклюже, покачиваясь из стороны в сторону.

– Ладно, – бормочет Ребекка. – Ложись, наверное, так приятнее.

Корова опять мычит, но на этот раз тише и протяжнее. Ребекка пятится к выходу из бокса.

– Арвид, – тихо зовет она, чтобы не испугать корову. – Где ты?

У подошедшего Арвида лоб блестит от пота, рубашка расстегнута, белье под ней измазано, а брюки от костюма заправлены в высокие сапоги.

– Эгону надо было отлучиться, а я не знаю, что мне делать.

– С Розой? Она, похоже, сама справляется.

Ребекка вздыхает с облегчением:

– Хорошо, а то я сомневалась, не нужна ли какая-то помощь. А как дела у второй коровы?

– Я перевернул теленка, так что, надеюсь, она тоже разродится без проблем.

Ребекка пытается скрыть, что она под впечатлением, но охает, не в силах удержаться.

– Знаешь, я за весь вечер сегодня сделал глоток шампанского и закинул только пару канапе. Неплохо бы выпить кофейку и что-нибудь съесть.

– Сейчас все сделаю, – отвечает с облегчением Ребекка и торопливо направляется к Бьёркбаккену. В еде она, по крайней мере, знает толк.

Чуть позже девушка возвращается с корзинкой, в которую поставила кофе и бутерброды, а Роза уже успела встать и

прохаживается вокруг пятнистого черно-белого теленка, лежащего на соломенной подстилке.

Эгон спешит навстречу и берет у Ребекки из рук корзинку с перекусом.

– С чем бутерброды?

– С сыром и ветчиной, – отвечает она, не спуская глаз с теленка.

– Отлично, – неразборчиво откликается Эгон, достает чашки и ставит их на подоконник.

Ребекка подходит к родильному боксу. Теленок совсем маленький и хрупкий, Роза тщательно вылизывает его своим большим шершавым языком.

– Все прошло благополучно? – робко спрашивает девушка.

– Да, моргнуть не успеешь – он встанет на ножки и приложится к вымени.

Эгон приносит из кладовки три раскладных стула и размещает их чуть поодаль от бокса, пока Ребекка наливает дымящийся кофе. Скоро подходит и Арвид.

– Лилия тоже отелилась, – сообщает он, выдыхая. – Все в порядке.

– Как быстро все происходит, – удивляется Ребекка, глядя на них широко раскрытыми глазами. – Раз – и два новых теленка.

– Да, так и есть. Чудо природы, – смеется Эгон. – Хочешь кофе? – спрашивает он Арвида, протягивая ему чашку.

– С удовольствием, – отвечает тот и, подойдя к маленькой мойке, споласкивает руки и лицо прежде чем взять кофе. – На самом деле мне надо бы душ принять, но я не уверен, что в состоянии добраться до ванной.

– Меня каждый день такое чувство посещает, – ухмыляется Эгон.

Арвид откусывает бутерброд.

– Какой вкусный хлеб! – восклицает он. – Откуда?

– Сама испекла, – отвечает Ребекка.

– Что – правда? – удивляется Арвид. – Очень насыщенный вкус! А я и понятия не имел, что ты так классно печешь.

– Еще она вкуснейшие кексы готовит, – встречается Эгон.

– Могу себе представить, – улыбается Арвид. – Были бы у меня деньги, я бы дорого заплатил за такой хлеб.

– Спасибо, – отвечает Ребекка, смутившись от внезапного внимания.

Они едят бутерброды под мерное жужжание согревающих ламп и редкое мычание, которое доносится из-за стены, из стойла со стадом. Внезапно Ребекка вздрагивает.

– Смотрите, – шепчет она, показывая на теленка, медленно встающего на дрожащие ножки. Его пошатывает, он спотыкается и несколько раз чуть не падает, но, в конце концов, ему удается доковылять до мамы. – Невероятно! Подумать только: всего-то час от роду, а уже ходит!

– Ты, что, никогда теленка новорожденного не видела? – удивляется Эгон.

– Не забывай, она в Стокгольме живет, – напоминает ему Арвид.

Ребекка легонько хлопает его по плечу.

– Помолчите лучше, – обрывает их она.

– Шучу! Ты прекрасно справилась! Мне бы очень пригодился на ферме такой человек, как ты.

Ребекка отворачивается, чтобы Арвид не заметил, как она покраснела. В долю секунды в голове проносится мысль. А что, если ей и вправду здесь остаться? Ведь можно было бы помочь ему открыть магазин фермерских продуктов и управлять кафе?

Она представляет себе, как наводит порядок в старом сарае, печет хлеб и печенье на продажу. Это же просто мечта: каждое утро просыпаться и заниматься только тем, что приносит тебе удовольствие. Ребекка осознает, что в компании «Хеннинг и Шустер» такого никогда не было. Если сразу подать заявление на увольнение и использовать накопленные дни отпуска, ей просто уже можно не выходить на работу.

Ребекка искоса смотрит на Арвида. С каждым днем он нравится ей все больше, но покинуть Стокгольм непросто. Там сосредоточена вся ее жизнь, и усилий на переезд потребуется немало. И все равно, по мере того как она привыкает к этой мысли, идея уволиться из аудиторской фирмы кажется правильной.

Достав мобильный, Ребекка просматривает историю звонков. Она тринадцать раз звонила Йуару и отправила бесчисленное множество сообщений – все без ответа. Убрав телефон, думает, как обрадуется бабушка, узнав, что Ребекка вернется насовсем. Может быть, все-таки Бьёркбаккен и есть ее настоящий дом?

Глава 35

Ребекка расчесывает и тщательно вытирает полотенцем бабушкины волосы, потом включает фен. Аккуратно высушивает седые локоны. Бабушка откидывается назад. Похоже, она наслаждается таким вниманием и заботой, и Ребекка думает, что возможность привести себя в порядок выпадает ей нечасто.

Высушив волосы, внучка убирает их в узел на затылке и помогает Анне одеться. Ее охватывает особенное чувство, когда она ухаживает за бабушкой. Ребекка вспоминает, как часто бабушка помогала ей в детстве: заплетала в косы длинные волосы перед сном, стирала ночью белое кружевное платье, чтобы утром внучка снова могла надеть его, варила овсяную кашу и подавала ее с домашним клубничным вареньем, потому что от любой другой еды Ребекка отказывалась. Теперь они внезапно поменялись ролями, и Анна нуждается в ее заботе.

Она достает бабушкин крем для лица, аккуратно втирает в кожу и в завершение, пару раз взмахнув кисточкой, наносит немного румян. Потом достает золотую цепочку из шкатулки, лежащей на прикроватном столике, и аккуратно распрямляет ее. Поправив по центру кулон в виде птицы с расправленными крыльями, застегивает замочек на шее.

Встретившись с ней взглядом в зеркале, бабушка улыбается внучке, но глаза ее подернуты грустью. Ребекка подозревает, что Анна все еще расстраивается из-за того, что мама так и не появилась на вечере памяти Луки.

– Теперь все готово, – бодро сообщает Ребекка.

Оценив свое отражение в зеркале, бабушка кивает.

– Спасибо тебе большое. Чувствовать себя такой ухоженной – роскошь для меня.

В залитой утренним солнцем кухне Ребекка помогает бабушке сесть за стол и протягивает газету.

– Кофе скоро будет готов, – говорит она, накрывая завтрак.

Ребекка собирает свои волосы в хвост. В девять они договорились встретиться с Арвидом у сарая: она расскажет ему о своих идеях и передаст материалы о магазинах фермерских продуктов, а после обеда

они с бабушкой решили устроить воскресную прогулку в город и посмотреть на памятный знак.

Внучка искоса поглядывает на мобильный. Проснувшись сегодня, она первым делом отправила маме эсмэску с приглашением присоединиться, но ответа до сих пор не получила. Ребекка много думала над словами, оброненными матерью во время их последней встречи. Даже страшно представить себе, каково было Камилле воспитываться в условиях такого глубокого семейного конфликта, но, с другой стороны, мотивы бабушкиного решения ей тоже понятны. Никому не пожелаешь забеременеть в девятнадцать, да еще в те годы, когда иметь внебрачного ребенка считалось постыдным.

– Справишься без меня, пока я встречусь с Арвидом? – спрашивает она, наливая дымящийся ароматный кофе.

Бабушка откладывает в сторону газету, освобождая место для внучки.

– Конечно. Твоя идея открыть кафе на хуторе просто чудесна. Она обречена на успех, ведь ты великолепно печешь.

– Только это не мое кафе, а Арвида, – смеется в ответ Ребекка. – У меня уже есть работа.

– А ты представь себе, как было бы здорово сюда вернуться. Мне так жаль, что тебе приходится жить вдалеке от семьи.

– Но Йуар тоже моя семья, – выпаливает Ребекка, не успев подумать.

Привычка защищать свои отношения с женихом успела перерасти в рефлекс. К тому же ей не избавиться от ощущения, что разрыв равнозначен поражению.

Бабушка берет ее за руку:

– Знаешь, никто не мешает тебе передумать.

– Ну, как сказать.

– Если я чему и научилась с годами, так это – не бояться следовать зову сердца, – задумчиво продолжает бабушка. – Жизнь коротка. Обернуться не успеешь – превратишься, как я, в старуху, у которой ничего не осталось.

Ребекка крепко сжимает ее руку. Хотя она ни словом не обмолвилась с Анной о своих чувствах к Арвиду, кажется, будто бабушка все знает.

Арвид сидит на земле в небольшом загоне рядом со стойлом. У него на коленях лежит ягненок, которого он кормит из бутылочки, не слыша, как подходит Ребекка. Поглаживая малыша, Арвид тихонько говорит с ним, и такое проявление нежности заставляет сердце биться быстрее. Он оказался эмоциональнее, чем Ребекке показалось сначала.

Девушка останавливается в нескольких метрах от загона. Арвид замечает ее, только когда ягненок наелся вдоволь и он поднялся на ноги.

– Ты уже здесь? – слегка насмешливо спрашивает он. – А я думал, ты так рано не встаешь.

– Вообще-то я прихожу в офис каждое утро раньше восьми. А до того успеваю на пробежку и еще до работы минут сорок пять добираюсь.

– Если ты жаворонок, может, возьмешь на себя дойку в пять утра? – шутит Арвид, и она видит, как в его глазах загорается огонек.

– Мне своей работы хватает, но спасибо за предложение.

Пока Арвид выходит из загона, Ребекка показывает на ягненка:

– Почему его надо кормить из бутылки?

– У него умерла мама, – объясняет он, прислонившись к изгороди. – Многие считают, что ягнят не стоит держать на искусственном вскармливании, но этот парнишка – настоящий боец. Ведь правда? – обращается Арвид к ягненку, и тот, высунув шершавый язык, отвечает ему энергичным блеянием.

Отряхнув руки, он жестом приглашает ее в старый сарай.

– Ну что, посмотрим?

Ребекка кивает. Уже сама мысль о том, что сейчас они будут обсуждать с Арвидом кафе на хуторе, поднимает ей настроение.

– Я провела расчеты. Это может быть очень прибыльно. Особенно если ты совместишь магазин с небольшим кафе.

Они обходят сарай, Ребекка делится своими идеями и показывает Арвиду расчет стоимости.

– Поскольку ты многое можешь построить своими руками, больших расходов не потребуется, – объясняет она. – Ты сам решаешь, что тебе продавать в магазине, и определяешь часы работы в зависимости от сезона. Я читала даже, что есть фермеры, которые заключают договор с местными жителями на регулярную доставку продуктов, типа подписки: клиенты вносят ежемесячно определенную

сумму, а фермер взамен в определенные дни поставляет им мясо, овощи и зелень.

– Круто! Какую ты проделала работу!

Похвала Арвида вызывает приятное волнение.

– Спасибо.

– И все равно пока это, похоже, проект для одного человека.

– Понимаю. Но, получив дополнительный доход, ты сможешь нанять помощника. А при таких продажах ты сможешь выручать больше средств за выращенную продукцию.

Арвид стряхивает с футболки соринку:

– Значит, ты не хочешь стать моим помощником?

Ребекка смотрит ему в глаза.

– А ты бы этого хотел?

– Конечно, – отвечает он. – Ты, похоже, хорошо представляешь себе, как организовать магазин и кафе и вдобавок прекрасно печешь. Да и вообще, мне нравится, когда ты рядом.

Ребекка чувствует, как учащается пульс.

– Мне тоже, – неуверенно отвечает она. – Я хочу сказать, мне здесь нравится.

Оба смущенно улыбаются, а Арвид проводит рукой по волосам.

– Я не очень-то хорошо умею рассуждать о подобных вещах, но должен признаться, что с тех пор, как ты приехала, все заиграло новыми красками. У тебя столько идей, и энергия бьет ключом... Ты мне очень нравишься, Ребекка. Я понимаю, ты только что пережила разрыв отношений и совсем непросто... – говорит он и умолкает на полуслове, прерванный телефонным звонком.

Слова Арвида застали Ребекку врасплох, но она берет себя в руки. Если Йуар наконец решил позвонить ей, надо ответить.

– Ой, извини, – бормочет она, увидев, что звонит ее начальница, Биргитта. – Я должна ответить. Доброе утро, Биргитта! – говорит, прижимая к уху мобильник.

– Доброе! Как хорошо, что я до тебя дозвонилась! У нас тут возник небольшой кризис, и я хочу поинтересоваться, когда ты вернешься?

– Кажется, мы договаривались, что ты сообщишь мне, когда появится необходимость? – равнодушно отвечает Ребекка.

Биргитта громко вздыхает:

– Извини, такой завал был последние пару недель. В любом случае, нам вернули бизнес-план ИТ-проекта, но мы не совсем уверены, что с ним делать дальше, нам нужна твоя помощь.

– Понятно.

– Я знаю, что с повышением вышло глупо. Между нами говоря, я всегда хотела, чтобы эта должность досталась тебе, но Буман настоял на кандидатуре Маркуса. Если ты вернешься побыстрее и поможешь нам разобраться с проектом, я еще раз подниму этот вопрос с руководством, обещаю.

Ребекка замирает. Ведь она же решила наконец уволиться из «Хеннинг и Шустер».

Не получив ответа, Биргитта продолжает:

– Ну пожалуйста, Ребекка. Я не стала бы звонить, но это правда очень важно. Если не разберемся, рискуем потерять клиента.

От волнения пересыхает во рту. Наверное, она может вернуться и помочь им с ИТ-проектом. Ей все равно надо в Стокгольм, поговорить с Йуаром.

– Ладно, – вздыхает она. – Я могу выехать завтра утренним поездом и появлюсь в офисе где-то после обеда.

– Спасибо!

Закончив разговор, Ребекка обменивается взглядами с Арвидом:

– С работы звонили. Я должна вернуться.

– Что? Они же так подло поступили с тобой?

– Да, – отвечает она. – Но им нужна моя помощь.

– А я-то думал, что ты собираешься остаться, – разочарованно сетует Арвид.

– Все не так просто. Не могу же я на все махнуть рукой.

– А на это – можешь?

– Конечно нет! – возражает Ребекка. – Но ты должен понимать, что моя жизнь сосредоточена в Стокгольме. Мне нужно решить много вопросов, и по работе, и с Йуаром.

Его лицо становится жестким.

– Ты же говорила, что вы порвали с ним?

– Ну да, или, нет, не совсем. На самом деле не знаю, я просто не могу с ним созвониться.

– Хорошо. Так бы и сказала!

– Все очень сложно, – отвечает Ребекка.

– Что тут сложного? Либо вы вместе, либо нет. – Арвид возмущенно качает головой.

Она пристально смотрит на него. Неужели непонятно, что на такое нужно время?

– Я думала, ты понимаешь, – сдавленным шепотом произносит Ребекка.

– Нет, ничего я не понимаю.

Ребекка готова взвыть от раздражения. Что за неприятный тон? Между прочим, она ничего ему не обещала. Складывается ощущение, будто ее со всех сторон к чему-то подталкивают. Очень хочется рассказать Арвиду, как сильно он ей нравится, но, пока сосед так себя ведет, ничего не выйдет. И потом, прежде чем вступать в новые отношения, надо завершить старые. Неужели так сложно это понять?

Не дождавшись быстрого ответа, Арвид поднимает руки вверх, показывая, что сдается.

– Может, все к лучшему. Я думал, между нами что-то есть, но, похоже, неправильно воспринимал твои сигналы. Мы совершенно не подходим друг другу.

Слова бьют Ребекку будто электрическим разрядом. Она хочет сказать, что Арвид не прав и они, вне всяких сомнений, были бы прекрасной парой, но не может вымолвить ни слова. Полное отсутствие понимания с его стороны сводит ее с ума.

– Безусловно, между нами что-то есть, – бормочет она. – Но резко изменить свою жизнь вовсе не так легко.

– Надо просто определиться, разве нет? Или, может, я для тебя запасной вариант на случай, если не удастся решить проблемы, накопившиеся у вас с твоим парнем? Господи, какой же я идиот! – восклицает Арвид, топая к выходу.

– Подожди! – кричит Ребекка, но он уже покинул старый сарай.

Она спешит за ним. Щурится от яркого солнечного света, а Арвида и след простыл. Мысли стремительно проносятся в голове, Ребекке за ними не угнаться. Ее раздражает Арвид, не давший возможности объясниться, но больше всего она злится на Йуара, который так и не ответил на звонки. С ним надо поговорить, прежде чем что-то решать, почему Арвид не может этого понять?

Когда Ребекка подходит к бабушкиному дому, настроение окончательно испорчено. Неужели чувства к Арвиду затмили рассудок?

Они ведь совсем не знают друг друга, и, как бы он ей ни нравился, было бы полным безумием разрушать устоявшуюся жизнь ради человека, с которым познакомилась меньше трех недель назад.

Глава 36

Ребекка достает термос и наливает бабушке кофе. Они сидят на скамейке на набережной Кайпроменаден и смотрят на море. Весеннее солнце, сверкая, отражается в волнах и согревает их лица. Внучка еще расстроена ссорой с Арвидом, но, честно говоря, она совсем мало его знает. Вполне возможно, он прав, и они действительно вовсе не подходят друг другу. Все, что их объединяет, – это романтическая идея открыть вместе фермерский магазин и кафе, а об управлении подобным бизнесом ей, собственно говоря, известно очень мало. Может, это дурацкая идея и ничего больше? Может, стоит послушать Йуара и не пускать под откос карьеру в «Хеннинг и Шустер», за которую она столько лет боролась? Работа всегда играла важную роль, помогая Ребекке самоопределиться и ощутить свою ценность. Что будет, если она ее оставит? Мысли не дают покоя. Ей всегда было трудно до конца разобраться, чего она на самом деле хочет. Имея за плечами обширный опыт принятия неправильных решений, Ребекка боится доверять интуиции. В том, что отношения с Йуаром не спасти, сомнений не остается, но готова ли она отказаться от жизни в Стокгольме? Возможно, Арвид передумал, уже не хочет видеть ее на своей ферме, и тогда она просто останется ни с чем.

– Даже трудно представить себе, что люди спасались бегством через этот пролив, – задумчиво говорит бабушка.

Ребекка, очнувшись от своих мыслей, возвращается в настоящее. Она подробно изучила материалы, полученные от Марты, и удивилась, узнав, какому количеству людей удалось перебраться в Швецию той осенью. Более семи тысяч человек бежали из Дании всего за несколько недель. Большинство успешно добрались до спасительного берега, но некоторых взяли в плен, а кто-то утонул в море.

– И Лúке хватило мужества, чтобы помочь, – откликается она.

– Вопрос выбора перед ним не стоял, им управлял мощный инстинкт необходимости помогать другим. Его участие в спасении людей было само собой разумеющимся, – объясняет бабушка. – Я узнаю многие его черты в тебе.

– Правда?

Бабушка кивает в ответ:

– Ты недооцениваешь себя, Ребекка. От Лúки тебе досталось ярко выраженное чувство долга и страстная увлеченность делом.

Она улыбается бабушке:

– Можно, я задам тебе один вопрос? Ты когда-нибудь сожалела о том, что влюбилась в Лúку, с учетом всего, что произошло потом?

– Нет, никогда, – отвечает бабушка, качая головой. – Настоящая любовь, переворачивающая жизнь, встречается очень редко, и за нее надо быть благодарной судьбе. Конечно, я сожалею о том, что лишилась Лúки. Мне бы так хотелось встретить его вновь, поговорить с ним, объяснив, как много он для меня значил. Рассказать, что его не предали забвению, что у него есть замечательные дочь и внучка, – продолжает бабушка, поглаживая Ребекку по щеке.

– Ты собираешься написать Франческе?

– Обязательно. Я очень хочу поделиться с ней своими воспоминаниями и надеюсь, что ей хочется того же.

Ребекка берет бабушку за руку. Она была заметно тронута, увидев памятник у ратуши. На большом камне темно-серого цвета высечен барельеф, изображающий беженцев в лодке, под ним надпись: «Возведен в 1945 году датскими беженцами, нашедшими себе друзей и пристанище в Хельсингборге».

– А ты не думала, как бы все сложилось, если бы Лúку не арестовали?

– Честно говоря, не знаю, – отвечает бабушка, глубоко вздыхая. – Мне очень хочется верить, что мы бы уехали и сумели прожить жизнь так, как мечтали, но я до конца не уверена, решилась бы или нет. Меня ужасно беспокоило мнение родителей, я боялась, что они осудят и отрекутся от меня. Если я о чем и сожалею, так это о том, что не прислушивалась к своему внутреннему голосу. Любовь стоит того, чтобы за нее бороться, надо дерзать и пытаться.

Кивнув, внучка мысленно возвращается к бабушкиным рассказам: как безутешна и напугана она была, когда исчез Лúка, как долго надеялась, что однажды он вернется. А сейчас все это кажется напрасным. Если бы только Лúке удалось в тот вечер избежать ареста и вернуться на лодке в Швецию, если бы судьба дала ему и бабушке шанс, возможно, их жизнь сложилась бы по-другому.

Подняв глаза, Ребекка замечает идущую вдоль кромки воды по направлению к ним фигуру. Вначале она не уверена, что глаза ее не

подводят, но спустя пару секунд сомнений не остается, и внучка встает с места.

– Мы тут! – кричит она и машет рукой.

К ним подходит Камилла.

– Как здорово, что ты пришла, – радостно приветствует ее Ребекка. – Кофе будешь?

– Да, спасибо. Какое красивое место для встречи, – замечает Камилла, показывая на море.

– Здесь и правда очень красиво.

– Да, – соглашается мать, принимая у дочери из рук наполненную до краев чашку.

– Мы как раз говорили о Лúке, – с энтузиазмом продолжает Ребекка. – Он сам был беженцем. Вместе с семьей бежал сюда из Италии, потому что его отца убили люди Муссолини.

– Вот как? – удивляется Камилла. – Я не знала этого.

– Я с удовольствием расскажу все, что мне удалось выяснить, – продолжает Ребекка. – Если хочешь, конечно.

Мать замолкает, но, выдержав длинную, почти минутную паузу, кивает:

– Хорошо.

Бабушка церемонно ставит чашку на скамейку.

– Спасибо, что пришла, – говорит она дрожащим голосом. – Это очень много для меня значит.

Камилла откашливается.

– Мне понадобится время, чтобы все это уложить в голове, – говорит она.

– Я понимаю, – отвечает бабушка. – Не торопись.

– Ты знаешь, сколько еще пробудешь здесь? – интересуется мама, обернувшись к Ребекке.

– Я завтра возвращаюсь.

– Быстро ты решила.

– Да, так вышло. Но я скоро вернусь. Если бабушка отправится в Бергалид, ей понадобится помощь с переездом, – добавляет она.

– Я, кстати, думала об этом, – произносит Камилла, обменявшись взглядом с Ребеккой и потом взглянув на свою мать. – Если ты все еще хочешь остаться в Бьёркбаккене, я могу приезжать к тебе пару раз в неделю.

Бабушкины глаза расширяются от удивления.

– Ты уверена?

– Да.

– Спасибо, я бы очень этого хотела, – отвечает бабушка.

– Еще я надеюсь и с тобой тоже видеться почаще, – продолжает Камилла, искоса поглядывая на Ребекку.

– Обещаю, – улыбается та.

Они проводят на Кайпроменаден еще около часа, сидя вместе на скамейке и беседуя о разном. Ребекка не помнит, когда в последний раз ощущала себя такой счастливой. Они с бабушкой рассказывают все, что узнали о Лúке, а мама терпеливо слушает. Есть что-то глубоко умиротворяющее в том, чтобы делиться с Камиллой своими открытиями, осознавая, как общее прошлое связывает воедино их судьбы. Столько лет Ребекке не хватало душевного родства, и теперь она втайне надеется, что наконец обрела его.

Глава 37

Бабушка ушла к себе отдохнуть и почитать, а Ребекка хочет собраться в дорогу.

После ужина она убирает со стола. Только вытерла насухо мойку, как раздается телефонный звонок. Йуар. Наконец-то. Быстро нажимает на зеленую кнопку и чувствует, как учащается пульс.

– Привет. Я уже больше недели пытаюсь до тебя дозвониться, – подавленно произносит она.

– Знаю. Извини, столько всего навалилось. – Йуар, который никогда не нервничает, говорит с ней напряженным голосом. – Но у меня хорошие новости, – продолжает он.

– Вот как? Какие?

– Я разговаривал с твоим работодателем: еще не поздно. Ты еще можешь стать старшим менеджером, – с гордостью говорит он.

Ребекка умолкает. Ей не совсем понятно. Значит, Йуар общался с кем-то из ее коллег или руководства?

– Почему? – растерянно спрашивает она.

– Да ладно, ничего особенного в этом нет, но, как тебе известно, у меня есть контакты с одним из ваших управляющих партнеров, и я обещал замолвить словечко за «Хеннинг и Шустер» перед самыми крупными моими клиентами в том случае, если они пересмотрят вопрос с твоим повышением.

– Я не просила тебя об этом.

– Знаю, но, естественно, я готов помочь, когда тебе нужна помощь. Мы же одна команда.

Внутри все сжимается. Неужели Йуар не понял, что их отношения поставлены на паузу?

– Завтра я возвращаюсь в Стокгольм, и тогда нам надо будет сесть и поговорить, – заявляет она.

– О чем?

У Ребекки ком в горле. Разорвать отношения оказалось сложнее, чем она себе представляла. Ей хочется, чтобы Йуар осознал, насколько все серьезно, хочется дать ему возможность морально подготовиться, но, с другой стороны, расставаться по телефону тоже, конечно, не вариант.

– О нас.

– Что ты имеешь в виду? – вскидывается он. – Ты что, хочешь меня оставить?

Ребекка чувствует, как внутри все обрывается.

– Йуар, – она неуверенно пытается успокоить его, – мы ведь можем обсудить это завтра?

– В этом нет необходимости, – отвечает он. – Ты права, у нас, очевидно, разные устремления.

Целую долгую минуту на линии висит тишина.

– Извини, – говорит в конце концов Ребекка. – Я не хочу причинять тебе боль, но ты не хуже меня знаешь, что у нас давно разлад.

Йуар тяжело вздыхает.

– Я пытался, – с упреком произносит он, – но ты последнее время на себя не похожа.

– Наверное, ты прав, – соглашается Ребекка. – Признаться, не задумывалась над этим, но я действительно сильно изменилась.

Она слышит его дыхание на том конце провода: долгое и тяжелое. Ребекка ждет взрыва ярости, но напрасно.

– Ладно, – бурчит он наконец. – Я чувствовал, что это произойдет.

Ее удивляет собранность, звучащая в его голосе.

– Мне, правда, очень жаль, – повторяет она. – Я спрошу Нелли, можно ли мне пожить у нее немного. Напишу, как приеду, и мы решим, как быть дальше.

Уже когда разговор завершен, Ребекку охватывает волнение, и она опускается на стул. При мысли о Йуаре внутри все сжимается. Пусть его решения не всегда ее устраивают, но намерения у него добрые, да и вообще, они прожили вместе больше семи лет. Она прошла с ним почти всю свою взрослую жизнь, и теперь странно ощущать, что этот период внезапно закончился.

Ребекка размышляет, когда сможет забрать из квартиры свои вещи. Не так уж и много там ее вещей. Большая часть мебели принадлежит Йуару, как и сама квартира, потому что, когда они туда переехали, Ребекка все еще училась и не могла ни ипотеку на себя оформить, ни деньги в покупку вложить.

В сумеречном свете сад совсем затих. Ее взгляд падает на выпустивший почки куст сирени. Некоторое время Ребекке придется

провести в Стокгольме, чтобы решить все вопросы и определиться, что делать дальше, но, может быть, она еще успеет вернуться домой, в Бьёркбаккен, чтобы вновь навестить бабушку до того, как отцветет сирень.

Пропищал мобильный, и появилось сообщение от Йуара. «Я решил вопрос с твоими вещами, – пишет он. – Надеюсь, ты не обидишься, но я не выдержу встречи».

Ребекка начинает отвечать, ее прерывает звонок Нелли.

– Привет.

– Привет! Я получила такое странное сообщение от Йуара, – говорит она. – Он пишет, что завтра вечером приедет машина с твоими вещами.

– Я думала, что успею сообщить тебе, – вздыхает Ребекка. – Мы расстались, и я съезжаю.

– Бедняжка, – отвечает Нелли. – Можешь спокойно жить у меня, пока не найдешь ничего другого.

– Спасибо, – благодарит Ребекка и с удивлением замечает, что у нее дрожит голос.

– И как ты?

– Справлюсь.

– Хорошо, – заботливо произносит Нелли. – Но ты должна рассказать мне, что произошло.

– Ладно.

За четверть часа Ребекка успевает рассказать о бабушке и ее доме, несостоявшемся повышении, Йуаре и Арвиде. Нелли слушает с интересом, то и дело вставляя вопросы.

– Значит, Арвид действительно тебе нравится? – спрашивает она.

– Да, это так.

– Но ты не открылась ему?

– Нет. Или не совсем. Я сказала, что хочу помочь ему с фермерским кафе.

– Но потом позвонила Биргитта, и он услышал, как ты обещаешь ей вернуться в «Хеннинг и Шустер»?

– Да, – отвечает Ребекка.

– И еще он решил, что ты не была достаточно честна с ним насчет ваших с Йуаром отношений?

– Да, что-то в этом роде.

– Тебе остается одно, – заявляет серьезным тоном Нелли. – Ты должна пойти к нему и рассказать, как на самом деле обстоят дела и какие чувства ты к нему испытываешь.

Ребекка ерзает на стуле:

– Но не могу же я ворваться к нему и объявить ни с того ни с сего, что мы с Йуаром расстались, это было бы крайне странно. Должна же я сначала хотя бы свои вещи забрать и вернуть обручальное кольцо.

– Но ты же сама сказала, что он очень тебе нравится, – возражает Нелли. – Будешь слишком долго ждать, упустишь свой шанс.

– Знаю, – вздыхает Ребекка. – Но я даже не уверена, хочет ли он еще меня видеть. Да и вообще, уехать из Стокгольма – ответственное решение. На это нужно время.

– Хорошо, – отвечает Нелли. – Поговорим об этом завтра. Придумаем, как быть.

После разговора у Ребекки совсем не осталось сил, но она давно не говорила с бабушкой, поэтому идет в спальню проведать ее. Дверь приотворена, Анна сидит в кресле с цветочной обивкой и читает. В свете торшера с раскрытой книгой в руках и свернувшейся в клубок Скарлетт на коленях она кажется такой довольной.

– Привет, дружок! – говорит бабушка, увидев внучку. – Что-то случилось?

Ребекка кивает. Встретившись с ней взглядом, она впервые чувствует, что приняла правильное решение. И все равно будто что-то рвется в душе.

– Мы с Йуаром разъезжаемся.

В тот момент, когда Ребекка произносит эти слова, по щекам начинают катиться слезы. Бабушка откладывает книгу в сторону.

– Иди ко мне, – отвечает она, протягивая к Ребекке руки.

Глава 38

Ребекка закрывает свою дорожную сумку. С последнего рабочего дня в «Хеннинг и Шустер» прошло каких-то три недели, а работа кажется такой далекой, будто принадлежит другой эпохе. Жизнь в Бьёркбаккене сотрясла устои и изменила всю ее жизнь. И все-таки она ощущает себя намного спокойнее, чем раньше. Рассыпанные кусочки пазла собрались воедино.

В дверь стучатся, заходит мама.

– Привет, – здоровается она, кивая на стоящую посреди прихожей сумку. – Как у тебя дела?

– Спасибо, хорошо, – отвечает Ребекка. – Вроде все упаковала. Кофе будешь?

Камилла качает головой.

– К сожалению, не успею, на работу пора, просто хотела заглянуть на минутку – попрощаться.

– Очень мило с твоей стороны.

Мать достает из своей сумки и протягивает дочери конверт.

– Это тебе.

Открыв конверт, Ребекка вынимает фотографию. На снимке ей шесть лет, и она сидит на коленях у матери посреди какого-то парка. Ярко светит солнце, и девочка широко улыбается на камеру, обнажая дырку от молочного зуба.

– Постараюсь еще найти, – обещает Камилла. – Где-то была целая коллекция твоих детских фотографий.

– Спасибо, я была бы очень рада.

Мать широко распахивает руки, и Ребекка делает шаг навстречу ее объятиям.

– Я прошу прощения, – шепчет Камилла. – За все. Мне хочется, чтобы у нас все наладилось и мы снова стали одной семьей.

– Мне тоже.

Мать смотрит на Ребекку и приглаживает ее волосы.

– До свидания, – говорит она мягким голосом и оборачивается к бабушке, сидящей за кухонным столом. – Я зайду вечером после работы, если не возражаешь. Поговорим, какая тебе нужна помощь.

– Спасибо, Камилла. Буду тебя ждать.

Камилла последний раз бросает взгляд на дочь и уходит. Присаживаясь рядом с бабушкой, Ребекка показывает фотографию.

– Ты была жизнерадостным ребенком. Любила шалить и играть.

– Я ничего из этого не помню, – задумчиво замечает Ребекка. – Думаю, мои подростковые годы затмили все хорошее.

– Но сейчас ты стала совсем другим человеком, – говорит бабушка. – Знаю, сколько тебе пришлось приложить для этого усилий.

– Спасибо.

Бабушка берет ее за руку:

– Ты всегда была умницей, всегда старалась делать правильные вещи, но надо же иногда и пожить немного, не загоняя себя в жесткие рамки. Решиться отпустить контроль над ситуацией и попытаться счастье, вытащив себя из рутины. Вокруг столько всего удивительного, есть на что посмотреть и чем заняться, а ты заслуживаешь того, чтобы быть счастливой.

Скарлетт, спавшая на своем любимом стуле, потягивается и высовывает мордочку из-за края стола.

– Доброе утро, соня! – смеется бабушка.

Кошка с довольным видом делает несколько осторожных шажков и уютно устраивается у бабушки на коленях.

– Мне пора, – говорит Ребекка, – но я рада, что есть кому составить тебе компанию.

– Да, уж не беспокойся, – отвечает бабушка. – С тех пор как я вернулась домой, она каждую ночь спит у меня.

– Кстати, вот телефоны Арвида и Эгона. Они сказали, чтобы ты звонила им, если понадобится помощь, – добавляет Ребекка и передает ей записку.

– Ты больше не разговаривала с Арвидом? – осторожно интересуется бабушка.

Ребекка качает головой:

– Не знаю, захочет ли он. Арвид очень зол на меня за все, что случилось.

– Значит, ты не рассказала ему, что рассталась с Йуаром и собираешься уволиться с работы?

– Нет, – отвечает внучка, вставая. – Хочу сначала с другими делами разобраться, а их много.

– Понимаю, – задумчиво откликается бабушка. – Обещай, что будешь себя беречь!

– И ты тоже, – улыбается ей Ребекка. – Не нужно больше внезапных звонков с приглашением навестить тебя в больнице, пожалуйста.

Ребекка останавливается на тщательно подметенной дорожке и напоследок окидывает взглядом сад. Ей будет не хватать этого покоя, красивых цветов, запахов леса, приносимых ветром, и отдаленного мычания коров Арвида.

Она решительно садится в машину и оглядывается на соседский хутор. Думает, как там телята. Если бы не вчерашний разговор, зашла бы попрощаться, но вместо этого вставляет ключ в замок зажигания и поворачивает его. До отправки поезда нужно еще сдать машину в пункт проката.

Под капотом гудит мотор, Ребекка включает первую передачу, снимает машину с ручного тормоза и отъезжает, чувствуя укол грусти.

На станции толпится народ, ожидающий поезда. В подземный туннель задувает холодный ветер, и Ребекка ежится от холода. Грустно покидать Сконе. В последние несколько недель столько всего произошло, что она еще не успела разложить по полочкам все свои мысли и впечатления.

Когда перед глазами предстает бабушка, сидящая на кухне со Скарлетт на коленях, Ребекка невольно улыбается. Приятно было бы остаться немного дольше, чтобы наверстать годы, упущенные из-за разобщенности семьи, но в то же время она понимает: нельзя бесконечно бежать от реальности. Надо возвращаться в Стокгольм, чтобы решить проблему, возникшую у «Хеннинг и Шустер». Мысль о том, что руководство не хочет поощрять ее за упорный труд, но готово повысить по службе в обмен на услугу, вызывает раздражение. В то же время Ребекка осознает: уйти с такой стабильной и высокооплачиваемой работы – рискованный шаг. Она вспоминает, сколько приложено усилий, чтобы добиться сегодняшнего благополучия, как многим пришлось ради него пожертвовать.

В громкоговорителе раздается треск – голос объявляет, что в скором времени прибывает ее поезд. У Ребекки больше нет дома в Стокгольме, возвращаться некуда, напоминает она себе. Ее ждут только

диван в гостиной у Нелли и коробки с упакованными вещами. Подумав об этом, она испытывает одновременно печаль и чувство освобождения.

Подняв глаза, Ребекка замечает впереди на перроне знакомую фигуру. Арвид мерит широкими шагами керамическую плитку. На нем джинсы и куртка с поднятым для защиты от ветра воротом. Похоже, кого-то ищет. Когда их взгляды встречаются, останавливается.

Она в изумлении смотрит на него. И что он здесь, скажите на милость, делает?

– Привет, – здоровается Арвид, выдыхая с облегчением. – Значит, еще не уехала.

– Нет. Поезд прибывает через пару минут.

– Хорошо.

Взгляд блуждает: похоже, нервничает.

– Откуда ты узнал, каким поездом я уезжаю?

– Бабушка позвонила.

– Что? Зачем?

– Неважно, – возражает Арвид, качая головой. – Я все равно хотел поговорить с тобой.

Сделав глубокий вдох, он упирается взглядом в лампы под потолком туннеля.

– Прости за то, что я вчера так разозлился. Надо было дать тебе возможность объясниться.

– Ничего страшного, – отвечает Ребекка. – Это мне следовало четче обозначить свои обстоятельства. Но я не понимала, что ты хочешь, чтобы я осталась.

– Я по-прежнему хочу этого.

Они встречаются взглядами и долго смотрят друг другу в глаза.

– У меня масса дел, с которыми надо разобраться, – говорит она. – Фактически я все еще живу с Йуаром под одной крышей да еще обещала помочь коллегам закончить проект.

– Но вы расстались?

– Да.

– И ты хотела бы вернуться сюда потом, когда завершишь дела в Стокгольме?

– Да, но... – это все, что она успевает сказать, пока Арвид не прерывает ее.

– Если я переоборудую старый сарай под магазин с кафе, ты сможешь мне открыть их, когда вернешься?

Ребекка опускает взгляд, уставившись в расплющенную на перроне жвачку.

– Ты же сказал, что мы не подходим друг другу?

– Да ладно, это неправда. И мы оба это понимаем.

Он выглядит таким смущенным и решительным одновременно, что она не может сдержать улыбку.

– Не знаю, хорошая ли это идея, – замечает вслух Ребекка.

Арвид беспокойно топчется на месте:

– Ты сможешь навещать бабушку, сколько душе угодно. И будешь главной во всем: сама решишь, в какие часы работать и как оформить пространство в сарае.

– Арвид, – возражает она, – да я же представления не имею, как управлять кафе.

– Так ведь и я тоже. Вместе научимся.

Ребекка умолкает. Ей хочется объяснить, что, как бы он ей ни нравился и как бы ни привлекала ее идея открыть вместе с ним фермерское кафе, очень многое может пойти не так.

– Нет, не получится, – в конце концов заявляет она.

– А если я попрошу тебя остаться ради меня? – вновь пытается убедить ее Арвид, нервно моргая. – Я всерьез вчера сказал, что мне очень нравится, когда ты рядом.

Ребекка колеблется. С одной стороны, отчаянно хочется броситься ему на шею, но нельзя. Что-то ее останавливает.

– Я готов делать все, что угодно, – продолжает Арвид. – Каждый день обрабатывать раны, если порежешься, чинить протекающие крыши, кур завести и новую изгородь построить. Весь хутор Эгона перестрою, если попросишь. Только оставайся.

Подъезжает поезд, и одновременно Ребекка чувствует, как в кармане начинает вибрировать мобильный. Она отвечает на звонок.

– Алло?

– Здравствуй, Ребекка, это Биргитта. Ты уже в поезде?

– Сейчас сяду, – бормочет она.

– Хорошо. Я подумала, если мы обсудим комментарии заказчика по телефону, к твоему приезду можно уже будет что-нибудь подготовить.

Ребекка пристально смотрит на Арвида.

– Алло? – кричит Биргитта. – Слышишь меня?

Двери вагона открываются, и Ребекка кивает:

– Да.

– Очень хорошо. У меня много всяких вопросов.

– Да, – повторяет Ребекка, чувствуя, как к глазам подступают слезы.

Арвид протягивает ей руку. Секунду поколебавшись, она протягивает свою в ответ и ощущает, как его теплые пальцы обхватывают ее ладонь.

– У тебя остались записи? – интересуется Биргитта. – Если да, можешь достать ту часть, где говорилось о вычетах по процентам? В этом месте нам надо было добавить анализ альтернативных решений.

Арвид улыбается Ребекке, и сердце начинает трепетать от его улыбки. Она вспоминает бабушкины слова о том, что в жизни бывают моменты, когда надо не бояться следовать за своим счастьем.

– Знаешь, Биргитта, я не могу сейчас разговаривать.

– Почему? Мы должны с этим разобраться.

– Потому что я увольняюсь. А ты можешь попросить Маркуса помочь тебе, – отвечает Ребекка и вешает трубку.

Перрон сразу опустел. Когда поезд отъезжает от станции, на нем остаются только двое: Арвид и Ребекка.

– Надеюсь, тебе хватит денег на достойную зарплату. Мои услуги стоят дорого, – заявляет Ребекка.

– Найду. Подаю заявку на грант Евросоюза.

– Господи, как они разозлятся на меня! – восклицает она, глядя вслед уходящему поезду.

Арвид притягивает к себе Ребекку, и она припадает к нему.

– Не обращай внимания на этих идиотов.

Ребекка поднимает голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и чувствует, как ее захлестывают эмоции. От переполняющего ее счастья подступают слезы. Стоя на перроне в объятиях Арвида, она пытается осознать произошедшее. Всего пару недель назад, когда они впервые встретились, Ребекка никогда бы не поверила, что ради этого угрюмого мужчины будет готова все бросить.

Она успокаивает дыхание и опускает плечи. Хочет задержать мгновение, впитать его в себя, попытаться запечатлеть в памяти.

Арвид смотрит на нее с такой нежностью, что Ребекка невольно улыбается. Все будто сразу встало на свои места. Она обвивает рукой его шею, играет с мягкими волосами, и по всему телу растекается пульсирующее желание. Теперь Арвид принадлежит ей, они пара.

Постукивая колесами, будто где-то вдалеке, мимо проезжает следующий поезд, но Ребекка даже не смотрит на него. Не может оторвать взгляда от Арвида. Ей с трудом верится в то, что происходящее – правда и испытывать такие чувства не зазорно, ведь она нашла в себе смелость вытащить себя из рутины. Ребекка осторожно притягивает Арвида еще ближе, пока не касается его мягких губ. Он отвечает на поцелуй, глубоко и страстно. Они долго стоят, поглощенные друг другом, и в этот миг мир вокруг растворяется и исчезает.

– Что будем делать? – спрашивает она наконец.

– Тебе решать, – отвечает Арвид, улыбаясь, и от этой улыбки у нее заходится сердце.

Ребекка прижимается к нему щекой, слегка касаясь губами уха, и чувствует, как его теплое дыхание щекочет шею.

– Тогда поедem домой.

Благодарности

Для начала я хочу поблагодарить моего умелого и опытного издателя Луис Бэкелин за ее прекрасную работу по выпуску и распространению моих книг, работать с ней – одно удовольствие! Я также благодарна Камилле и Эмме из издательства LB и всем, кто работал с книгой «Секрет книжного шкафа» на разных этапах: от обложки и обработки текста до маркетинга и продаж.

Огромное спасибо моему редактору Лене Санфридсон, сыгравшей чрезвычайно важную роль в процессе написания романа; она дала ценные отзывы, помогла отшлифовать сюжет и вывести его на новый уровень.

Спасибо Эдит и Марии из агентства «Энгберг», они с энтузиазмом представляют мои книги за рубежом.

Как всегда, хочу также поблагодарить мою маму Эву Шибек и отца Бьёрна Шибека, которые вычитывают тексты, дают советы и помогают с детьми, когда мне нужна помощь – без вас ничего бы не вышло.

Мой муж Антонио – невероятно важный для меня человек. Спасибо, что отправился со мной в это путешествие и всегда верил в меня, какими невозможными ни казались бы мои цели. И спасибо Тильде и Кларе – самым красивым, умным и добрым детям в мире, каждый день заставляющим меня смеяться.

Пользуясь случаем, я также хочу поблагодарить мою бабушку Керстин Шибек, которой посвящена эта книга. В моем детстве бабушка играла совершенно особую роль: у нее всегда было время побеседовать, выслушать, помечтать, поиграть и испечь что-нибудь вместе. Она прожила увлекательную жизнь, много лет провела за границей и делилась красочными рассказами об Индии и Эфиопии.

Последнее по счету, но не по значению: я хочу высказать глубокую благодарность всем членам моей семьи и моим друзьям, которые читают и распространяют мои книги, отвечают на вопросы обо всем на свете, заданные вовремя и не очень, и с пониманием относятся к моей потребности периодически уединяться и писать, отстранившись от реальности.

Работа над любой книгой обязательно включает в себя исследование материала, поэтому я благодарю всех экспертов,

оказавших мне разного рода поддержку. Отдельное спасибо Тересе и Патрику Винтерлёв за консультации в области медицинских знаний, Кристине Перссон, Кристине Йонссон и Нине Бруберг, отвечавшим на вопросы по ветеринарии, сельскому хозяйству и добрососедским отношениям, Сусанне Линдстен, объяснившей, что значит работать экономистом и как устроена деятельность аудиторской фирмы, Юханне Шрайбер, познакомившей меня с Рут Ротшильд, Рут, щедро поделившейся своими личными воспоминаниями о том, как она переправлялась через Эресунн осенью 1943 года, и Пьетро Маджлио, который исправлял мой хромящий итальянский. Все возможные ошибки, допущенные в книге, – мои собственные.

В завершение я хочу сказать спасибо всем моим потрясающим читателям за их любовь и высокую оценку. Если бы не вы, я бы не написала ни одной книги. Я очень благодарна за подбадривающие реплики в «Инстаграме» и «Фейсбуке» и щедрые рекомендации прочитать мои романы.

Фрида Шибек
Лунд, 10 июня 2020 года

notes

Примечания

1

Южная провинция Швеции, граничащая с Данией. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Hermods – одна из старейших частных компаний Швеции, предоставляющих услуги в сфере профессионального образования.

3

Una volpe (*um.*).

4

Valp (*used*).

Мудак (*ит.*).

6

Вареная рыба (*шт.*).

7

Прекрасное приходит, когда его не ищешь (*ит.*).

Что ж, идет (*ит.*).

Торгни Сегерстедт (1876–1945) – шведский историк религии и журналист, антифашист, с 1917 года возглавлял редакцию газеты *Göteborgs Handels— och Sjöfartstidning*.

В шведском фольклоре: лесной дух, который может являться в образе троллихи или маленькой миловидной женщины, но с обратной стороны полой, с хвостом или козлиными ногами; в зависимости от настроения может помогать или вредить тем, кто приходит в лес, а особенно – тем, кто в нем работает; считалось, что встреча со скугсро так же опасна для охотников, как встреча с русалкой – для моряков.

В шведском фольклоре: водяной в образе обнаженного молодого человека со скрипкой; обитает в лесных ручьях и озерах, заманивает игрой и топит женщин и детей; упоминается с XII века.

В шведском фольклоре: мерцающие белым светом сказочные женские существа с крошечными крылышками, могут принимать множество обличий, представляясь белым туманом над влажным лугом, маленькими лягушками или жужжащими насекомыми; живут большими группами на лугах или торфяных болотах.

13

Как хочешь (*ит.*).

Ресторан в здании одноименного отеля в квартале Ладугордсгринден (Ladugårdsgrinden) в фешенебельном районе Стокгольма Эстермальм (Östermalm). Здание отеля было возведено в 1885 и снесено в 1959 году. В 2006 году на этом месте открыли новый отель «Скандик Англэ», весьма условно напоминающий снесенное историческое здание.

Зеленый островной район Стокгольма, где расположены самые известные музеи, картинные галереи, парк развлечений и другие достопримечательности.

В 1940–1950-е годы – известная танцплощадка в центральной части Стокгольма, позже – кинотеатр; здание было построено на базе старых газгольдеров, до наших дней не сохранилось.

Пьетро Бадольо – маршал Италии, герцог Аддис-Абебский, маркиз Саботино, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

Что бы ни говорили другие, следуй своему курсу (*ит.*).

«Тиволи» – концертный зал, ресторан и бар, расположенные в старинном деревянном здании порта в Хельсингборге, на набережной Чёпенхамн.

Любовь моя (*ит.*).

Я люблю тебя, Анна. Я буду любить тебя вечно (*ит.*).

Да, люблю тебя (*ит.*).

Этим названием обозначают сельскохозяйственный район на южной оконечности Скандинавского полуострова, не имеющий четких географических границ, но известный высоким качеством пахотных земель.

Какое красивое платье (*ит.*).

Боже мой! (*ит.*)

Шведский народный праздник, отмечается вечером 30 апреля песнями у костра в честь прихода весны. Считается в первую очередь молодежным и студенческим праздником.